

1) 24 9/16 об
К-
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

X

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

Пров. 1961

Редакционная коллегия:

В. Д. КОРОЛЮК (*отв. ред.*), М. А. БИРМАН (*отв. секр.*),
В. И. ЗЛЫДНЕВ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ, И. И. КОСТЮШКО,
Д. С. ПРОКОФЬЕВА, А. П. СОЛОВЬЕВА,
О. Н. ТРУБАЧЕВ

①

24

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

781

61

М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, А. Я. Манусевич,
Г. М. Славин

В. И. ЛЕНИН И ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ *

Борьба Ленина за партию нового, революционного типа, с самого своего начала оказывала непосредственное влияние на развитие всего международного рабочего движения.

Постоянно разъясняя и пропагандируя принципы марксизма, Ленин уделял особое внимание сплочению левых элементов всего международного рабочего движения. Раньше других оказались под влиянием великих идей Ленина деятели рабочего движения славянских стран. Объясняется это в первую очередь тем, что в ту пору, когда центр международного рабочего движения стал перемещаться в Россию, условия социально-экономического развития большинства славянских народов оказались близкими к условиям, существовавшим в царской России, что исторические судьбы славянских народов были тесно связаны между собой и, в первую очередь, с судьбами крупнейшего из славянских народов — русского народа.

Нельзя не вспомнить, что интернационалистическое по своему характеру социалистическое движение занималось в славянских странах под знаком совместных действий русских, польских, болгарских и других революционеров.

Новая эпоха в истории рабочего класса, открывшаяся борьбой Ленина за создание марксистской партии в России, сопровождалась дальнейшим укреплением связей русского революционного движения с революционным движением других стран, особенно с революционным движением рабочего класса славянских стран. Помимо указанных выше причин этому способствовали культурная общность и особенно близость славянских языков, делавшая ленинское слово даже в оригинале более или менее доступным и польскому, и болгарскому, и чешскому, и сербскому рабочим.

Уже в 1896 г. выходивший во Львове журнал «Життя і слово», редактором которого был Иван Франко, впервые ознакомил западноукраинское и польское рабочее движение с деятельностью Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса и с именем его руководителя — адвоката Ульянова ¹. В 1897 г. в болгарской газете «Социалист» сооб-

* Вводный раздел и раздел III написаны А. Я. Манусевичем, раздел I А. Я. Манусевичем, при участии других авторов, разделы II и V — А. Х. Клеванским, раздел IV — М. А. Бирманом, раздел VI — Г. М. Славиным.

¹ М. Волянюк, Б. Дудикевич. Сяйво ленинських ідей. Львів, 1959, стр. 4—5.

щалось о выходе брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». В комментарии к объявлению редакция указывала: «Брошюра о штрафах написана специально для рабочей среды и предназначена объяснить рабочим, как им использовать существующие законы для защиты своих интересов»².

Распространению ленинских идей в славянских странах способствовали личные связи Ленина с многими деятелями польского, болгарского, чешского рабочего движения. В сибирской ссылке он встретился с ветераном польского рабочего движения Феликсом Коном, по близким отношениям между В. И. Лениным и стоявшим тогда на чуждых марксизму позициях Коном не возникло³; в селе Шушенском Ленин поддерживал дружеские отношения с польским социал-демократом, ссыльным лодзинским рабочим Яном Проминьским⁴. В ссылке В. И. Ленин научился от ссыльных рабочих-поляков польским революционным песням, которыми, по воспоминаниям М. И. Ульяновой, восхищался и которые любил напевать⁵.

После выезда за границу Ленин побывал в Праге⁶, переписка между ним и Н. К. Крупской велась через чешского рабочего пражанина Модрачека⁷. В Мюнхене Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили по паспортам болгарских товарищей⁸. Там же они впервые встретились с Розой Люксембург.

В личной библиотеке В. И. Ленина, как сообщает газета «Трибуна Люду», сохранилась магистерская диссертация Р. Люксембург «Промышленное развитие Польши», вышедшая в русском издании в 1898 г.⁹ Р. Люксембург доказывала, что экономические связи Польши и России делают неисполнимым и ненужным образование независимого Польского государства. В 1899 г. в статье «Проект программы нашей партии» В. И. Ленин писал, что Р. Люксембург делает неправильный вывод, указывая «на «неисполнимость» (для польской рабочей партии) требования о независимости Польши»¹⁰. Таким образом, уже в первом своем выступлении в печати, отразившем его отношение к польскому вопросу, В. И. Ленин отметил ошибочность позиции польской социал-демократии, которая в борьбе против национализма пилсудчиков и других правых социалистов недооценивала национальный момент в борьбе польского пролетариата за социальное и национальное освобождение.

В связи с этим уместно напомнить, что в статье, написанной к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка указывал, что «Ленин лучше и глубже понимал задачи польского пролетариата в национальном вопросе, его роль и место в борьбе за социалистическую революцию, чем многие польские марксисты»¹¹. Особые исторические обстоятельства, совместная борьба против общего врага — царизма — обусловили то, что в течение многих десятилетий польское рабочее революционное движение формировалось в тесной связи с русским революционным движением под личным влиянием В. И. Ленина.

² См. «Социалист», 7.VI 1897.

³ Ф. К о н. За пятьдесят лет, I, изд. 2. М., 1936, стр. 338; Н. К. К р у п с к а я. Воспоминания о Ленине, М., 1957, стр. 26.

⁴ Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 26.

⁵ «Воспоминания родных о В. И. Ленине», М., 1955, стр. 73.

⁶ «Rudé Právo», 14.IV 1960.

⁷ Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 47; Č. A m o r t. Vladimír Iljič Lenin v Praze roku 1901. «Slovanský přehled», 1956, N 4.

⁸ Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 47.

⁹ «Trybuna Ludu», 16.IV 1960.

¹⁰ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 4, стр. 228.

¹¹ «Правда», 19.IV 1960.

«Решающие этапы борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение с конца XIX века непосредственно связаны с революционной деятельностью Владимира Ильича Ленина и влиянием преобразующей силы его идей», — отмечал В. Гомулка¹².

Вскоре же после того, как Ленин поселился за границей, с ним начали устанавливать контакты деятели международного рабочего движения. Секретарем сложившейся в Женеве в 1900 г. эмигрантской группы по оказанию содействия Российской социал-демократической рабочей партии был болгарский студент Павел Нончев¹³. Так называемая «русская столовая» в Женеве — столовая, организованная семьей Лепешинских, — была своего рода клубом, где, как вспоминает болгарская деятельница, с русскими революционерами встречались болгары, поляки, чехи и др.¹⁴

Ленинская работа «Что делать?» помогла Д. Благоеву в борьбе против оппортунизма в болгарском рабочем движении. Главу о «Свободе критики» из этого труда опубликовала в 1903 г. газета «Работнически Вестник» (№ 41). Болгарские марксисты были широко знакомы с материалами как ленинской «Искры», так и журнала «Заря», где также печатались произведения В. И. Ленина. Материалы по меньшей мере 12 номеров ленинской «Искры» использованы болгарской социалистической печатью¹⁵. В свою очередь ленинская «Искра» опубликовала несколько статей болгарских марксистов, в том числе две статьи Д. Благоева¹⁶.

Как писал один из видных деятелей болгарского рабочего движения, Г. Бакалов, влияние литературы, «созданной организацией «Искры» в тот период, когда последней руководил т. Ленин, наложило на развитие рабочего движения Болгарии неизгладимый отпечаток. Оно помогло этому движению справиться с соглашательством и, отбросив его, положить прочные основы единственной партии революционного пролетариата»¹⁷. На X съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии, состоявшемся в июле 1903 г., партия очистилась от оппортунистических элементов и сложилась как революционная партия тесных социалистов. Как справедливо отметил в воспоминаниях о Ленине один из старейших деятелей Болгарской коммунистической партии, Иван Чонос, «своими произведениями Ленин оказывал на нашу партию влияние во многих областях. Но потребовался длительный, трудный процесс, пока наша партия решительно пошла по пути ленинизма»¹⁸.

Ленинская «Искра» оказала весьма значительное влияние на польское рабочее движение. На ее страницах систематически помещались сведения о крупнейших событиях в польском рабочем движении. В организации выпуска первого номера газеты Ленину содействовал Ю. Мархлевский¹⁹. Материалы «Искры» широко использовались в газете «Czerwony Sztandar» и других изданиях СДКПиЛ.

Особое значение приобрела опубликованная «Искрой» в июле 1903 г. статья Ленина «Национальный вопрос в нашей программе»²⁰, явившаяся ответом на статью, напечатанную в марте 1903 г. в журнале «Przed-

¹² Там же.

¹³ «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине», М., 1958, стр. 4—5.

¹⁴ Там же, стр. 16.

¹⁵ См. А. Шнитман. К вопросу о влиянии русского революционного движения на революционное движение Болгарии. «Вопросы истории», 1949, № 1, стр. 51—52.

¹⁶ См. «Искра», 1.VIII 1903, 15.IX 1903.

¹⁷ См. «Пролетарская революция», кн. 8—9 (91—92), М., 1929, стр. 73.

¹⁸ «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине», стр. 10.

¹⁹ J. Marchlewski. Wspomnienia. М., 1928, str. 8.

²⁰ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 412—420.

swit»²¹, издававшемся националистической и реформистской Польской социалистической партией. Ввиду того, что ППС обвиняла русских социал-демократов в доктринерстве, «анархических» взглядах, нигилистическом отношении к языку, национальности, культуре, Ленин счел необходимым дать обстоятельное изложение марксистских взглядов по национальному вопросу. Работа Ленина содержала последовательно интернационалистическую программу решения национального вопроса в эпоху империализма и, в частности, развернутый анализ задач польского рабочего движения. Отвергая измышления главарей националистической и реформистской ППС в отношении русской социал-демократии, Ленин ориентировал польский рабочий класс на боевой революционный союз с русским рабочим классом. Эта статья была опубликована на польском языке в теоретическом органе СДКПиЛ — журнале «Przegląd Socjaldemokratyczny»²². Таким образом, статья В. И. Ленина «Национальный вопрос в нашей программе» может считаться первой работой Ленина, полностью изданной на польском языке.

Передовым силам польского, как и болгарского рабочего движения, принадлежит огромная заслуга в содействии нелегальной транспортировке «Искры» в Россию²³, а косвенно — борьбе Ленина за партию нового типа.

II съезд РСДРП (июль — август 1903 г.), создавший действительно революционную марксистскую партию в России — партию большевиков, — явился крупнейшей исторической вехой в международном рабочем движении. В истории русско-славянского революционного союза II съезд знаменателен участием в нем делегации польской социал-демократии — Якуба Ганецкого, — ставшего затем одним из ближайших друзей Ленина, и Адольфа Варского²⁴. Хотя представители польской социал-демократии, действуя в соответствии с директивами Розы Люксембург и всего Главного правления СДКПиЛ, выступили по ряду принципиальных вопросов против Ленина и даже покинули съезд, он сыграл значительную роль на пути к организационному сближению русского и польского рабочего движения. Это сближение стало насущной необходимостью во время русской революции 1905—1907 гг.

Революция 1905—1907 гг. в Королевстве Польском являлась составной частью общероссийской революции. Ленин восторгался подвигами «геройского пролетариата геройской Польши...»²⁵. В ходе революции, на IV (Объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся в Стокгольме в апреле 1906 г., польская социал-демократия вошла в состав РСДРП. Большая заслуга в этом принадлежала Феликсу Дзержинскому²⁶, впервые именно на съезде лично познакомившемуся с Лениным. Со времени вступления СДКПиЛ в состав РСДРП многие видные деятели Польской социал-демократии — Ф. Дзержинский, А. Варский, Я. Ганецкий и др. — были тесно связаны с В. И. Лениным, систематически с ним общались.

На IV съезде РСДРП присутствовал представитель Болгарской социал-демократической рабочей партии²⁷. Однако в настоящее время мы не располагаем сведениями, которые позволили бы осветить влияние решений съезда на деятельность болгарских марксистов.

²¹ См. «Przedświt», 1903, № 3.

²² См. «Przegląd Socjaldemokratyczny», 1903, № 9.

²³ См. М. Волянюк, Б. Дудикевич. Указ. соч., стр. 5—9. «Исторически преглед», кн. 3, стр. 253—290 и др.

²⁴ См. «Второй съезд РСДРП. Протоколы», М., 1959, стр. 444.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 506.

²⁶ «Искра», 1.IX 1902 сообщила о побеге Ф. Дзержинского из сибирской ссылки.

²⁷ «Протоколы четвертого (Объединительного) съезда РСДРП», М., 1934, стр. 559.

Русская революция 1905—1907 гг. нашла широкий отклик у рабочих многонациональной Австро-Венгрии. Огромный подъем вызвали в Австро-Венгрии сведения о том, что царь своим манифестом от 17 октября 1905 г. вынужден был пойти на уступки народу. «И ближайшие дни, — писал В. И. Ленин, — увидали крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге»²⁸. Но прямые связи между чешским рабочим движением и русским революционным движением в ту пору еще не возникли.

По другому складывались отношения между русским и польским революционным движением, имевшим одного общего врага — царизм.

На V съезде РСДРП (апрель — май 1907 г.) делегаты от польской социал-демократии — Р. Люксембург, Ю. Мархлевский и др. — по решающим вопросам активно поддерживали большевиков. Совместно с Лениным выступали представители польской социал-демократии — Люксембург и Мархлевский — на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте в 1907 г. Позиция Ленина и Люксембург на Штутгартском конгрессе была поддержана тесняками²⁹. Однако попытки В. И. Ленина объединить левых на Копенгагенском конгрессе II Интернационала (1910 г.) не дали положительных результатов.

Копенгагенский конгресс II Интернационала, как известно, осудил позицию Чехославянской социальной демократии, проводившей сепаратистскую политику раскола рабочего движения по национальному признаку. Эту линию чешских сепаратистов поддерживали только бундовцы и русские ликвидаторы. Копенгагенский конгресс, писал В. И. Ленин, «высказался против «бундистско-националистических» принципов чешских сепаратистов и нашел, что профессиональные союзы рабочих внутри одной страны не должны строиться по принципу национальности... Чешские бундисты, впрочем, не подчинились Интернационалу»³⁰ — они находились практически под безраздельным влиянием оппортунистических и националистических элементов. Русские большевики, решительно осуждая чешских сепаратистов, понимали, что процесс раздробления единой социал-демократической партии Австрии по национальному признаку, начавшийся вслед за расколом профсоюзных организаций, был одним из результатов непоследовательной, компромиссной позиции австрийской социал-демократии. Эта позиция была закреплена в программе по национальному вопросу, принятой на съезде в Брно (1889 г.). В. И. Ленин характеризовал Брненскую программу, как неудовлетворительную с точки зрения интернационализма и отмечал, что на нее оказала влияние точка зрения О. Бауэра, которая даже К. Каутским была признана за преувеличение национального момента и страшную недооценку интернационального момента. Эта программа, подчеркивал Ленин, потерпела в Австрии полное фиаско «ибо компромисс не дал мира, а привел к отколу чешских сепаратистов»^{30а}.

Несмотря на огромный интерес широких масс чешских и словацких рабочих к революционному движению в России, ленинские взгляды тогда еще не проникли в чешское и словацкое рабочее движение.

Весьма значительным было влияние первой русской революции на революционное и общедемократическое движение сербского, хорватского и других югославянских народов. Димитр Туцович и другие видные деятели сербской социал-демократии пропагандировали дело русской

²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 244.

²⁹ Хр. Кабакчиев. Ленин и болгарские тесняки. «Ленин и международное рабочее движение», М., 1934, стр. 108.

³⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 451.

^{30а} Там же, стр. 93.

революции, поддерживали бескомпромиссную борьбу большевиков против царизма.

В годы реакции и в начале революционного подъема, особенно в 1909—1911 гг., А. Варский, А. Ганецкий и др. активно поддерживали В. И. Ленина в общепартийных органах в борьбе против ликвидаторов³¹. Но часть руководства польской социал-демократии в ту пору стала отходить от революционного курса. «В политике партии,— писал Ленин о СДКПиЛ,— пошла эра беспринципности и шатаний»³². Ленин оказывал значительное содействие наиболее стойким элементам СДКПиЛ в борьбе против проникшего в партию оппортунизма. Расширялись его связи с польскими социал-демократами — в 1911 г. он познакомился еще с одним активным деятелем СДКПиЛ (в дальнейшем одним из крупнейших деятелей Коммунистической партии Польши) — Эдвардом Прухняком, приехавшим учиться в руководимую Лениным партийную школу в Лонжюмо, под Парижем³³.

VI Всероссийская конференция РСДРП, состоявшаяся в январе 1912 г. в Праге, сыграла огромную роль в развитии партии. Значительную помощь в организации и проведении конференции оказали Ленину чешские социал-демократы³⁴.

В связи с подъемом рабочего движения в России и выходом в Петербурге легальной большевистской газеты «Правда», а также для того, чтобы быть ближе к центрам событий, Ленин переехал на постоянное жительство в древнюю столицу Польши — Краков, находившуюся тогда под австрийским господством. «Краковская эмиграция не походила на парижскую или швейцарскую,— пишет Н. К. Крупская.— По существу дела это была полуэмиграция. В Кракове мы почти целиком жили интересами русской работы. Связи с Россией установились очень быстро самые тесные»³⁵.

Краковский период жизни Ленина, охватывающий июль 1912 г. — август 1914 г., был наполнен кипучей революционной деятельностью. В эту пору только в «Правду» Владимир Ильич написал свыше 230 корреспонденций. В годы пребывания на польской земле Ленин написал такие выдающиеся труды, как «Три источника и три составных части марксизма», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Демократия и народничество в Китае». Работы, написанные Лениным в краковский период, составляют почти полностью содержание 18, 19, 20, а также 35-го томов четвертого издания сочинений В. И. Ленина. В ряде случаев Ленин адресовался к польскому читателю. Так, 16 июля 1912 г., т. е. менее чем через месяц после приезда Ленина в Краков, выходившая в Кракове «Gazeta robotnicza» — орган «розламовского» Варшавского комитета СДКПиЛ — опубликовала статью Владимира Ильича «Положение в РСДРП и ближайшие задачи партии»; позднее, в ноябре 1912 г., была написана статья «Больные» вопросы» нашей партии», напечатанная в августе 1913 г. в № 1 журнала «Pismo Dyskusyjne». Есть основания полагать, что перу Ленина принадлежат и другие статьи, появившиеся в польской

³¹ См. Р. Е р м о л а е в а. Новые материалы о борьбе В. И. Ленина за укрепление партии (По документам Главного правления СДКПиЛ 1908—1911 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5, стр. 173—180.

³² В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 18, стр. 449.

³³ См. Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 100, а также «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 224.

³⁴ См. «Lenin v Praze», Praha, 1946; Е. О н у ф р і ч. V. I. Lenin ve dnech pražské konference. «Slovanskij přehled», 1956, N 9.

³⁵ См. Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 189.

социал-демократической печати, в частности, статья «Год борьбы. 1 мая 1912 г. — 1 мая 1913 г. в России», помещенная 15 апреля 1913 г. в газете «Gazeta robotnicza»³⁶.

Имеются сведения о том, что орган Краковского союза помощи политическим заключенным, журнал «Więzień Polityczny» систематически публиковал поступившие от Ленина материалы³⁷. Работа самого союза помощи политическим заключенным также проходила при активном участии Ленина³⁸.

В статьях, обращенных к польским социал-демократам, Ленин излагал острейшие вопросы современного русского революционного движения, разъяснял политическую линию большевиков, необходимость борьбы против ликвидаторства и всех других проявлений ревизионизма. Особое внимание Ленин уделял положению в польском рабочем движении, критике антипартийной линии тогдашнего официального руководства СДКПиЛ.

Ленин влиял на польское революционное движение не только печатным словом. К нему, как признанному и авторитетнейшему руководителю рабочего класса всей России, тянулись лучшие революционные силы Польши. Тогда как руководство СДКПиЛ в ту пору вело глубоко ошибочную линию, тянуло партию на путь сотрудничества с центристскими и другими антиленинскими элементами в русском рабочем движении, ряд крупных партийных организаций польской социал-демократии, в том числе Варшавская и Лодзинская, продолжали бороться за упрочение единства русского и польского рабочего движения. В СДКПиЛ, в результате фракционной политики Главного правления, произошел раскол. Сожалея о расколе, Ленин в то же время решительно поддержал левое крыло СДКПиЛ, так называемых «розламовцев».

«Владимир Ильич, — вспоминает Н. К. Крупская, — взял сторону Варшавского комитета («Розламовцев»)... Владимир Ильич не считал, что дело «розламовцев» какое-то чужое дело, — оно было связано со всей такой острой в тот момент внутрипартийной борьбой и поэтому Владимир Ильич не мог остаться в стороне»³⁹. Представители «розламовцев», в частности, Юлиан Лещинский (Ленский)⁴⁰, в дальнейшем генеральный секретарь Коммунистической партии Польши и видный деятель Коммунистического Интернационала — участвовали в Поронинском совещании ЦК большевистской партии с партийными работниками, состоявшемся в сентябре 1913 г. Еще летом 1913 г. к Ленину приезжал видный польский социал-демократ Збигнев Фабержевич (Гневич)⁴¹, работавший в Петербурге, содействовавший созданию большевистского издательства «Прибой» и сотрудничавший в «Правде»⁴².

Попутно следует отметить, что после неудачных попыток наладить выпуск легальной газеты в так называемом Королевстве Польском, польским социал-демократам при поддержке петербургской группы СДКПиЛ (одним из лидеров которой был З. Фабержевич) и широкой помощи со стороны большевистской «Правды» удалось в марте 1914 г. при-

³⁶ См. «Новая и новейшая история», 1960, № 3, стр. 75.

³⁷ См. Fr. L e s z y Ń s k i. Wspominam tę chwilę z głębokim wzruszeniem. «Głos prasy», 22.IV 1955.

³⁸ См. «О Ленине. Сборник воспоминаний», ч. 1, Л., 1925, стр. 81—84, а также «Głos prasy», 22.IV 1955.

³⁹ Н. К. К р у п с к а я. Указ. соч., стр. 193—194.

⁴⁰ См. «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 282.

⁴¹ См. В. Н а й д у с. Ленин в Польше, М., 1957, стр. 10.

⁴² «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957, стр. 72.

ступить к изданию в Петербурге легальной газеты «Nasza Trybuna»⁴³. Эта газета выходила до начала первой мировой войны.

В Поронине, как это видно из письма Н. К. Крупской к депутатам-большевикам, предполагалось летом 1914 г. открыть партийную школу; программа школы предусматривала ряд курсов лекций, в том числе курс лекций «История и современное положение социализма в Польше»⁴⁴.

Поддерживая «розламовцев», Ленин в то же время критиковал их ошибки, помогал им, как и всей СДКПиЛ, преодолеть ошибочные представления по вопросу о задачах надвигающейся революции, разъяснял необходимость борьбы за общие демократические цели, за союз с крестьянством, за демократическое решение национального вопроса.

Крестьянскому и национальному вопросам, игравшим огромную роль в судьбах рабочего движения в славянских странах, было посвящено особенно большое число работ, написанных Лениным во время пребывания в Польше. Среди этих работ были такие выдающиеся произведения, как «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и др.⁴⁵

Постоянно и систематически разъясняя польским социал-демократам их ошибки, критикуя Розу Люксембург и ее сторонников за глубоко неверную позицию в ряде вопросов, В. И. Ленин в то же время решительно отметал провокаторские попытки пилсудчиков использовать разногласия между большевиками и польскими социал-демократами для того, чтобы разъединить, противопоставить одних другим. Даже в период резкой полемики с руководством СДКПиЛ Ленин отмечал «как неосновательны и просто даже несерьезны попытки, делаемые иногда «фракциями», «использовать» наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии»; при этом Ленин подчеркивал, что «ни один российский социал-демократ никогда не «раскаивался» в сближении и соединении с польскими с.-д.»⁴⁶

Ленин считал особой заслугой СДКПиЛ ее борьбу против националистической и реформистской ППС-«революционной фракции», «фракции», — писал он, — не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров»⁴⁷. Положительно оценивая факт разрыва с пилсудчиками большинства членов ППС и создание ими ППС-левицы, Ленин отмечал ее непоследовательность, половинчатость произведенного последней пересмотра националистического пепеэсовского наследия⁴⁸. Он резко осуждал блокирование ППС-левицы во время выборов в IV Государственную Думу с мелкобуржуазными элементами. В письме к И. В. Сталину Ленин указывал, что за борьбой вокруг думского представительства со стороны антипартийных элементов кроется стремление «спротащить раскол с польской социал-демократией»⁴⁹. В противоположность этому Ленин отмечал, что большевики должны помочь «сближению всех польских сознательных рабочих вокруг польской социал-демократии и полному слиянию их с рабочими всех национальностей в единые организации РСДРП»⁵⁰.

⁴³ В связи с этим следует признать неточным утверждение В. Найдус о том, что СДКПиЛ не удалось осуществить свое решение о создании легальной польской рабочей газеты. См. В. Найдус. Указ. соч., стр. 75.

⁴⁴ «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 28.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 1—34, 365—424.

⁴⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 400.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 101.

⁴⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 401.

⁵⁰ Там же, стр. 398.

Ввиду того, что австрийские законы запрещали эмигрантам участвовать в политической жизни страны, Ленин был весьма ограничен в возможностях непосредственного, идущего не через печать участия в революционной борьбе галицийского пролетариата. Однако он неоднократно бывал на митингах краковских рабочих. В частности, 21 октября 1912 г. Владимир Ильич принял участие в массовом собрании, созванном в связи с балканской войной. Его организаторы — правые социалисты И. Дапиньский и др. — использовали собрание для пропаганды своих планов войны против царской России и союза с немецкими империями. Свое отношение к балканским событиям, в корне отличавшееся от позиции правых социалистов и полностью отвечавшее интересам балканских и других народов, Ленин выразил в ряде статей, написанных осенью 1912 г., в том числе в статье «Балканская война и буржуазныйшовинизм». В ней Ленин подчеркнул, что балканская война — одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в Восточной Европе. Историческая задача, стоявшая перед балканскими народами, требовала формирования национальных государств на Балканах, свержения гнета местных феодалов, создания федеративной балканской республики⁵¹.

Однако в силу ряда исторических причин (неразвитость и темнота крестьянских масс, малочисленность рабочих и др.), как указывал В. И. Ленин в произведении «Социальное значение сербско-болгарских побед», поставленные историей задачи решались не революцией, а войной⁵².

В 1913 г. Ленин присутствовал на первомайском митинге в Кракове. За несколько дней до этого, 18 апреля, Ленин выступил в Народном университете имени Адама Мицкевича с лекцией «Современная Россия и рабочее движение»⁵³. В уведомлении об этой лекции газета «Naprząd» писала, что лекция состоится на основании § 2 положения о собраниях⁵⁴; данный параграф допускал проведение лекций и собраний по приглашенным билетам без уведомления полиции. Ни текста лекции, ни ее тезисов не сохранилось. Отчет о лекции, помещенный на страницах «Naprząd» и включенный в Сочинения В. И. Ленина⁵⁵, в силу политических позиций Социально-демократической партии Галиции и Силезии, органом которой являлась эта газета, не передавал все ленинские высказывания. Отчету газета предпослала краткое уведомление о том, что Ленин «является руководителем так называемого большевистского или наиболее радикального, непримиримого направления в российской социальной демократии»⁵⁶.

Но и из этого далеко не полного отчета видно, что Ленин дал ясный и глубокий анализ современного положения в России, обрисовал расстановку классовых сил, борьбу направлений в рабочем движении. Ленин особенно подчеркнул значение для международного рабочего движения борьбы русского пролетариата, поскольку и в других странах в период социалистической революции несомненно также будут явления, аналогичные тем, которые наблюдались в России. Многое из сказанного Лениным имело самое непосредственное отношение к революционной борьбе в Польше.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 19.

⁵² Там же, т. 18, стр. 369.

⁵³ См. там же, т. 19, стр. 27—31.

⁵⁴ «Naprząd», 16.IV 1913.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 27—31.

⁵⁶ «Naprząd», 22.IV 1913.

После доклада Ленин ответил на ряд вопросов. По воспоминаниям одного из слушателей, опубликованным в 1924 г. в журнале «Nowa kultura» за подписью «Vidi», можно установить, что с вопросом к Ленину обратился один из видных публицистов ППС-«фракции», известный пилсудчик Леон Василевский. Разъясняя Василевскому взгляды большевиков на национальный вопрос, Ленин указывал, что российская социал-демократия признает право наций на самоопределение вплоть до отделения от России; при этом Ленин подчеркивал необходимость солидарной революционной борьбы пролетариата всех национальностей, населяющих Россию, и их организационного единства. Особое значение имело замечание Ленина, обращенное как против националистических элементов в польском рабочем движении, так и против австро-марксистов и их чешских и других союзников о том, что дальнейшее развитие России пойдет не по австрийскому пути и что русская социал-демократия должна остерегаться организационного построения партии по признаку, существующему в австрийском социал-демократическом движении. Ни о вопросе Василевского, ни о критических замечаниях Ленина в адрес Дашиньского и других реформистов «Narząd» ничего не сообщает, и мы узнаем о них лишь из воспоминаний «Vidi»⁵⁷.

Вообще следует заметить, что Владимир Ильич, поддерживая постоянные связи с наиболее близкими ему элементами в польском рабочем движении, не избегал контактов и с глубоко враждебными ему реформистскими и националистическими кругами. Так, Н. К. Крупская вспоминает, что Ленин встречался с пепезовцами, несколько раз говорил с одним из их видных публицистов, Иодко-Наркевичем, слушал Дашиньского⁵⁸.

К Ленину не редко обращалась краковская студенческая молодежь. Видный польский художник, профессор Эугениуш Эйбиш, в годы жизни Ленина в Кракове обучавшийся в Ягеллонском университете, рассказал, как он и его товарищи — в том числе Витольд Томарович, впоследствии видный деятель Коммунистической партии Польши, — решили обратиться к Ленину с просьбой разъяснить им некоторые проблемы, возникшие в связи с чтением «Капитала» Карла Маркса. Ленин, вспоминая Эйбиш, радужно встретил студентов, подолгу и многократно беседовал с ними, сам стал навещать их, давая читать большевистскую «Правду». «Как сердечно и участливо Ленин говорил о поляках, как тесно сближал нас с Россией, той революционной Россией, которую мы, люди из царского захвата, еще хорошо не знали», — вспоминал Эйбиш⁵⁹.

О том, как Ленин читал польскую партийную печать, произведения художественной литературы, знакомился с польским театром, вспоминает Францишек Ленчицкий⁶⁰.

21 марта 1914 г. Ленин выступил с докладом «Российская социал-демократия и национальный вопрос» в студенческом обществе «Спуйня», находившемся под преобладающим влиянием СДКПиЛ. Чтение доклада вместе с вызванной им дискуссией продолжалось три вечера. Основным известным источником об этом докладе и о дискуссии являются несколько заметок, сделанных Лениным во время выступлений его оппонентов⁶¹. Из заметок явствует, что, отвечая участвовавшим в дискуссии правым

⁵⁷ См. J. Sieradzki. Szkice i materiały historyczne z XIX i XXw. Warszawa, 1956, str. 190—194.

⁵⁸ Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 199.

⁵⁹ E. Eibisch. Lenin i «Spójnia». «Głos prasy», 21.V 1955.

⁶⁰ Некоторые новые сведения о жизни В. И. Ленина в Польше содержатся в книге: J. Sieradzki. Polskie lata Lenina. Warszawa, 1960.

⁶¹ См. «Ленинский сборник», XVII, стр. 224—227.

попезовцам, Ленин доказывал, что члены ППС-«фракция» ставят национальный вопрос не как пролетарские революционеры, а как мелкобуржуазные националисты; что же касается СДКПиЛ, то хотя она придерживается в национальном вопросе ошибочных и вредных позиций, но особое значение имеет провозглашенный ею принцип совместной революционной борьбы польского и русского пролетариата.

Один из друзей Ленина, русский эмигрант С. Б. Багоцкий, присутствовавший на докладе Владимира Ильича, впоследствии писал: «Двухчасовой доклад был выслушан с напряженным вниманием. Для большинства слушателей были совершенно новы его основные положения»⁶². Эйбиш, входивший в «Спуйню», вспоминает, что на докладе Ленина зал общества не мог вместить всех желавших попасть туда. «Пришли студенты и молодые рабочие, пришли и те, кто был далек от идей Ленина. Но как только этот необычный человек начал говорить, все в зале слушали его с одинаковым, неослабевающим вниманием»⁶³. Впоследствии Эйбиш запечатлел это событие в двух картинах: «Ленин и члены «Спуйни» и «Ленин и «Спуйня».

Несмотря на то, что ни СДКПиЛ, ни тем более ППС-левица не преодолели своих ошибок и заблуждений в годы пребывания Ленина на польской земле, трудно переоценить огромное значение для польского революционного движения связи с большевистской партией и особенно многолетнего контакта с Лениным. Принципиальная, справедливая критика Лениным ошибок польских революционных элементов, дружеская ленинская помощь польскому рабочему движению благоприятствовали идеологическому и организационному росту как СДКПиЛ, так и ППС-левицы, особенно проявившемуся в годы первой мировой войны. «Влияние Ленина на польское рабочее движение было необычайно всесторонним и касалось почти всех важнейших вопросов этого движения...», — пишет В. Гомулка⁶⁴.

Об огромном влиянии, исключительном уважении, которые приобрел Ленин в польском обществе за годы своей жизни в Кракове и его окрестностях, свидетельствует то, что после его ареста, учиненного австрийскими властями вскоре после начала войны, развернулась широкая кампания в защиту Владимира Ильича. В этой кампании приняли активное участие не только Якуб Гавецкий, Адольф Варский и другие деятели СДКПиЛ, тесно связанной с РСДРП, не только лидеры ППС-левицы — Мария Кошутская (Вера Костшева), Максимилиан Горвиц (Генрих Валецкий), Феликс Кон, не только представители польской демократической интеллигенции — писатели Владислав Оркан, поэт Ян Каспрович, врачи Казимир Длусский, Храмок и др., — но и наиболее честные из правосоциалистических противников марксизма-ленинизма — депутаты Г. Диаманд, Марек, деятель Социально-демократической партии Галиции и Силезии Болеслав Дробнер, австрийский социал-демократ Виктор Адлер и даже И. Дапиньский⁶⁵.

⁶² «Воспоминания о Ленине», т. 1, М., 1957, стр. 452.

⁶³ «Głos prasy», 21.IV 1955.

⁶⁴ «Правда», 19.IV 1960.

⁶⁵ См. В. Н а й д у с. Указ. соч., стр. 153—158; Я. М а к а р е н к о. Ленин в Польше, М., 1957, стр. 134—146. В названных работах сообщается, что Ст. Жеромский также принимал участие в выступлениях в защиту В. И. Ленина. Однако это не подтверждается документально. Это сообщение представляется сомнительным, поскольку в начале первой мировой войны писатель находился в Татрах, откуда он лишь с трудом и не сразу возвратился в Краков (см. «Polityka», 28.V 1960, стр. 7; St. E i l e. Sprostowania i uzupełnienia do życiorysu i bibliografii żeromskiego, «Pamiętnik literacki», Warszawa — Wrocław, 1960, стр. 247—248.

Незадолго до ареста Владимир Ильич узнал о величайшей измене германской социал-демократии делу рабочего класса и пролетарскому интернационализму — об одобрении ею военного бюджета кайзеровского правительства, что явилось внешним проявлением краха II Интернационала.

С. Ю. Багодкий, который сообщил Владимиру Ильичу эту новость, вспоминает, что Ленин сразу же оценил это событие. «Это конец II Интернационала, — произнес он и добавил: с сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом.

Мы не придали значения этой вырвавшейся у него фразе, — продолжает Багодкий. — Потом стало ясно, что уже тогда В. И. Ленин стал вынашивать мысль о III, Коммунистическом, Интернационале»⁶⁶.

I

Борьбу за III, Коммунистический Интернационал, против империалистической войны, за социалистическую революцию Ленин развернул тотчас же после освобождения из-под ареста и переезда в Швейцарию.

Еще по дороге из Кракова в Берн Владимир Ильич подготовил «Тезисы о войне»⁶⁷, с которыми 6 сентября 1914 г. ознакомил бернскую группу большевиков. В «Тезисах» содержалась в сжатом виде последовательная революционно-марксистская платформа по вопросам войны и мира. Эта платформа была изложена в написанном Лениным и опубликованном в октябре Манифесте ЦК партии большевиков «Война и российская социал-демократия»⁶⁸. Определив мировую войну как войну империалистическую, партия большевиков призывала не только к борьбе против войны, к ее немедленному прекращению, но и к использованию в интересах рабочего класса и дела социализма всего положения, созданного войной: превращение империалистической войны в гражданскую, в революцию против господствовавших классов, к борьбе за поражение своего правительства в войне, за полный разрыв с потерпевшим крах II Интернационалом, за создание нового, III Интернационала.

В международном рабочем движении с начала первой мировой войны выявилось три течения: социал-шовинистское, центристское и интернационалистское. Весьма характерно, что за исключением славянских социал-демократических партий Австро-Венгрии, воспитанных в значительной мере в духе австро-марксизма, все основные партии рабочего класса славянских стран — болгарские тесняки, сербские социал-демократы, оба направления польской социал-демократии, равно как и ППС-левица, оказались на интернационалистических позициях.

Сербским социал-демократам в силу сложившихся обстоятельств пришлось первыми определить свое отношение к войне. Они отказались востановить военные кредиты и выступили против шовинизма. Это отметил Ленин в речи 11 октября 1914 г. по реферату Г. В. Плеханова.

Примером исполнения социал-демократией своего долга в борьбе против шовинистического угара в своей стране Ленин считал позицию сербских социал-демократов⁶⁹. В. И. Ленин с глубоким сочувствием относился к освободительному движению южных славян. Еще осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, он отмечал, что «немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и

⁶⁶ «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 1, стр. 454.

⁶⁷ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 1—4.

⁶⁸ См. там же, стр. 9—18.

⁶⁹ См. там же. т. XVIII, стр. 48.

задушить национальную революцию южного славянства...»⁷⁰ Позднее, летом 1915 г., говоря об отношении большевиков к национально-освободительным войнам, Ленин подчеркивал: «...Будь сербы *одни* против Австрии, разве мы не были бы *за* сербов?»⁷¹ В. И. Ленин в качестве примера оппортунистической социал-шовинистской партии назвал «общедельцев» — партию болгарских реформистов — и в качестве примера революционно-интернациональной партии — болгарских «тесняков»⁷².

Несомненно, что интернационалистская позиция сербских и польских социал-демократов и болгарских «тесняков» определялась в решающей мере их собственной революционной борьбой. В то же время революционная позиция этих партий складывалась и под влиянием большевиков.

Польские социал-демократы («розламовцы») и после начала войны сохранили тесный контакт с большевиками. Ленинские «Тезисы о войне», доставленные из Швейцарии в Петербург, большевики передали представителю польских социал-демократов, который, в свою очередь, переправил «Тезисы» в Варшаву. Там они были обсуждены во всех организациях польской социал-демократии⁷³ и, несомненно, способствовали упрочению ее интернационалистских позиций.

В годы империалистической войны Ленин продолжал огромную теоретическую работу, раскрывающую характер войны эпохи империализма, освещающую вопросы стратегии и тактики пролетариата в современных условиях. В ходе этой работы, завершившейся созданием ленинской теории социалистической революции, Ленин систематически расширял практическую деятельность, направленную к сплочению всех левых сил в международном рабочем движении. Он рассылал важнейшие документы, отражавшие позицию большевиков по узловым вопросам современности, социалистическим организациям других стран, редакциям левых газет и отдельным деятелям левого направления.

Большую роль в распространении ленинских взглядов и в сплочении интернационалистских элементов международного рабочего движения сыграла Бернская конференция заграничных секций большевиков, состоявшаяся 27 февраля — 4 марта 1915 г. Созванная по инициативе Ленина и проходившая под его руководством, Бернская конференция работала и приняла принципиальные установки революционной стратегии и тактики, указала, что было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами и что партия большевиков должна стремиться «к сближению всех антишовинистических элементов Интернационала»⁷⁴.

Под несомненным влиянием ленинских идей прошли в Берне же в марте Международная женская социалистическая конференция, на которой участвовали представители от 8 стран, в том числе от России — Н. К. Крупская, Инесса Арманд — и др., а от Польши — от «розламовской» части СДКПиЛ — М. Марианьска, в апреле 1915 г. — Международная социалистическая конференция молодежи с участием представителей от 10 стран, в том числе — России, Болгарии и Польши. Хотя большинство участников конференций и не стали на большевистские позиции, конференции отметили в своих решениях распад II Интернационала, предатель-

⁷⁰ Там же, т. 21, стр. 12.

⁷¹ Там же, т. 35, стр. 155.

⁷² Там же, т. 26, стр. 190.

⁷³ См. Г. Каменский. Из истории борьбы польского пролетариата (1914—1918 гг.). М. — Л., 1926, стр. 27.

⁷⁴ В. И. Ленин Сочинения, т. 21, стр. 141.

ство интересов пролетариата социал-демократическими партиями и выразили протест против империалистической войны. Значение этих двух конференций состоит в том, что впервые во время войны на международной арене была широко изложена ленинская программа борьбы против империалистической войны, социал-шовинизма и центризма, за III Интернационал и социалистическую революцию. Позиции признания краха II Интернационала и борьбы против оппортунизма, против предательской политики «гражданского мира», поддержала и II конференция социал-демократических партий балканских стран, состоявшаяся в июле 1915 г. в Бухаресте ⁷⁵.

Преодолевая огромные трудности, Ленин неустанно добивался сплочения всех интернационалистических элементов в международном рабочем движении. Учитывая рост антивоенных настроений масс, итальянские и швейцарские социалисты попытались созвать международную конференцию с участием центристов воюющих стран и даже социал-шовинистов нейтральных стран с целью подготовить восстановление II Интернационала; в то же время официальные устроители конференции пытались не допустить участия в ней польских «розламовцев», германских левых и некоторых других групп под тем предлогом, что на конференцию приглашаются только организации, которые входят через своих официальных представителей в Международное социалистическое бюро. Против допуска «розламовцев», германских левых и др. выступили на подготовительном совещании и представитель Главного правления СДКПиЛ А. Варский и представитель ППС-левицы Г. Валецкий ⁷⁶. Ленин включился в подготовку к созыву этой конференции с совершенно другой целью — подготовить создание нового, действительно революционного III Интернационала, и поэтому решительно добивался приглашения всех левых групп.

После того, как в июле 1915 г. было принято решение о созыве международной социалистической конференции, Ленин, не теряя ни одного дня, разослал письма всем интернационалистам, «всюду, куда только было можно, приглашая их приехать на конференцию в составе возможно более многочисленных делегаций для усиления позиции последовательных элементов на конференции» ⁷⁷.

Как рассказывает Хр. Кабакчиев, по инициативе Ленина и большевиков на подготовлявшуюся конференцию была приглашена и партия тесных социалистов. С этой целью Ленин написал письмо Благоеву ⁷⁸. О письме к Благоеву упоминает и сам В. И. Ленин ⁷⁹. Письмо, сообщает В. Коларов, представлявший тесняков на международной социалистической конференции, было уничтожено в 1921 г. пожаром в Народном доме в Софии; копии с письма не сохранилось ⁸⁰.

Всего на Международной социалистической конференции, состоявшейся в августе 1915 г. в деревне Циммервальд, близ Берна, присутствовало 38 делегатов от 11 стран. Наиболее многочисленной была немецкая делегация, но из 10 ее членов левых было всего 2 человека. Попутно следует заметить, что в числе отсутствовавших выдающихся руководителей немецких интернационалистов были такие крупнейшие деятели польской

⁷⁵ См. «Материалы по истории на Българската комунистическа партия», София, 1952; Г. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 4. София, 1952, стр. 101—111.

⁷⁶ B. S c h m i d t. Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materjały i dokumenty. 1914—1918. М., 1936, стр. XXIX—XXX.

⁷⁷ М. П и а н з о л а. Ленин в Швейцарии. М., 1958, стр. 69.

⁷⁸ Хр. К а б а к ч и е в. Ленин и болгарские тесняки, стр. 114.

⁷⁹ См. «Новая и новейшая история», 1960, № 2, стр. 4.

⁸⁰ В. К о л а р о в. Ленин в Циммервальде. «Ленин и международное рабочее движение», стр. 11.

социал-демократии, как Роза Люксембург и Юлиан Мархлевский, которые не смогли принять участие в конференции. Что касается собственно польского рабочего движения, то на Циммервальдской конференции наиболее близкими большевикам оказались «розламовцы», представитель которых вошел в сложившуюся вокруг большевиков во главе с Лениным «циммервальдскую левую». Два других польских делегата — А. Варский от Главного правления СДКПиЛ и П. Лапиньский от ППС-левицы, поддерживали циммервальдский центр; этот центр объединил элементы, колеблющиеся между правым и левым крылом конференции, и в основном поддерживавшие ее правое крыло. Делегат тесняков В. Коларов не поддержал левую, заняв позицию между левыми и центром. «Циммервальдская левая» выдвинула проект резолюции, в основном соответствовавший ленинским взглядам. Итоги конференции Ленин характеризовал как первый шаг к сплочению интернационалистов, как успех линии большевиков в международном рабочем движении ⁸¹.

По окончании конференции «циммервальдская левая» оформилась организационно и избрала свой руководящий орган. «Вокруг циммервальдской левой и стало складываться интернационалистическое движение во всех странах» ⁸².

По мнению В. Коларова, именно со времени Циммервальдской конференции началось воздействие Ленина на болгарских тесняков ⁸³. Тесняки вели все более успешную борьбу против социалшовинизма и войны. Но они не рассматривали диктатуру пролетариата как основной вопрос социалистической революции, не ставили конкретно вопрос о власти, о вооруженном восстании, не понимали необходимости союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Поэтому, при всей своей преданности марксизму и делу революции, при всем свойственном им интернационализме, тесняки оставались еще далекими от ленинизма, от того, чтобы быть партией подлинно нового, революционного типа ⁸⁴.

После Циммервальдской конференции заметно окрепло и усилилось и польское рабочее движение. Огромное значение для польского рабочего класса и всего польского народа имело то, что в годы войны Ленин продолжал систематически заниматься польским вопросом. В его многочисленных работах по национальному вопросу положению Польши, задачам польского рабочего класса уделялось исключительно большое внимание. Определяя место польского пролетариата в международном революционном движении, Владимир Ильич писал в 1916 г.: «Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, в том числе и польской, лишь борьбой совместно с пролетариями соседних стран, против узкопольских националистов» ⁸⁵. Ленин постоянно подчеркивал интернационализм и революционность польской социал-демократии. В статье «О брошюре Юниуса» он с большим одобрением отметил эволюцию взглядов Розы Люксембург в вопросе о праве наций на самоопределение ⁸⁶. В брошюре «Кризис социал-демократии» Юниус (Роза Люксембург) требует попыткам прикрыть империалистическую войну плащом национальной обороны противопоставить признание права наций на самоопределение, использовать право наций

⁸¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 350—355.

⁸² «История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1959, стр. 183.

⁸³ В. Коларов. Указ. соч., стр. 14.

⁸⁴ См. Г. Димитров. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 576—586.

⁸⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 335.

⁸⁶ Там же, стр. 291—305.

на самоопределение «как революционный рычаг против империалистической войны»⁸⁷.

Безоговорочно признав право каждой нации на самоопределение, Роза Люксембург ошибочно считала, что самое осуществление этого права может быть лишь результатом социалистической революции. Поэтому Ленин обстоятельно рассматривал эту и другие ошибки Юниуса. Одновременно он резко и безоговорочно осуждал все рецидивы национального нигилизма, проявившиеся еще в некоторых кругах польской социал-демократии. «Дурачок Радек, — сообщал он в письме Инессе Арманд, — написал в польском воззвании недавно («Befreiung Polens»): «Staatenbau» не цель борьбы с.-д. Это архиглупо! Это полуанархизм, полуидиотизм! Нет, нет, мы вовсе не равнодушны к «Staatenbau», к *системе* государств, к их *взаимоотношениям*»⁸⁸. Если еще в тезисах против войны, написанных в 1914 г., Ленин среди основных задач большевистской партии выдвигал пропаганду, «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д.»⁸⁹, то польские социал-демократы так и не сумели занять последовательно правильной позиции в национальном вопросе, в частности, в вопросе о независимости Польши.

Ошибки польской социал-демократии в национальном вопросе умело использовались националистической и реформистской ППС. Свое прислужничество перед австрийскими и германскими империалистами пилсудчики всех мастей, в том числе и правые лидеры ППС, старались прикрыть мнимым патриотизмом. Разоблачая политику пепеэсовцев, Ленин писал: «Спекулировать (как фрики) на победе той или иной империалистической буржуазии значит становиться ее лакеем»⁹⁰.

После Циммервальдской конференции продолжался рост антивоенного и революционного движения, в значительной мере проходившего под знаком идей «циммервальдской левой». Идеи «Циммервальда» все в большей мере сказывались в деятельности тесняков. Более или менее последовательно пропагандировало эти взгляды «розламовское» направление СДКПНЛ. Орган этого направления — «Gazeta robotnicza» поместила подробный отчет от Циммервальдской конференции, осудила правое крыло ее участников, а также центр, в том числе и политическую линию Главного правления СКДПНЛ и линию ППС-левицы. Газета особо подчеркнула, что главным представителем левого направления на конференции, направления антиимпериалистического, антиоппортунистического был товарищ Ленин⁹¹. Но не понимая огромного значения ленинской борьбы за чистоту и сплоченность международного рабочего движения, «розламовцы» бросали в адрес большевиков обвинения в сектантстве, брали под защиту меньшевиков-интернационалистов и другие левоцентристские элементы⁹².

В изданном в 1916 г. ЦК большевиков «Сборнике социал-демократа» были опубликованы тезисы об империализме и национальном угнетении «розламовской» «Газеты рабочих». Делая шаг вперед в понимании роли национально-освободительных движений в борьбе пролетариата, «розламовцы» в то же время выдвигали ошибочный лозунг: «Долой границы!»; практически признавая необходимость борьбы за национальное освобождение, они растворяли требование национальной независимости

⁸⁷ R. L u k s e m b u r g. Wybór pism, t. I. Warszawa, 1959, str. 365.

⁸⁸ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 35, стр. 220.

⁸⁹ Там же, т. 21, стр. 4.

⁹⁰ Там же, т. 23, стр. 45.

⁹¹ «Gazeta robotnicza», styczeń, 1916.

⁹² «Gazeta robotnicza», sierpień, 1915.

во всеобъемлющем призыве к борьбе за социализм. Тезисам «Газеты рабочих» противостояли тезисы большевистской газеты «Социал-демократ», написанные В. И. Лениным. Владимир Ильич в тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» еще раз указывал на расплывчатость и неопределенность политических формулировок польской социал-демократии по вопросу о праве наций на самоопределение, отмечая в то же время, что по существу эти формулировки не отличаются от признания права на самоопределение⁹³. Тезисы «Газеты рабочих» были глубоко проанализированы Лениным в работе «Итоги дискуссии о самоопределении»⁹⁴ и в ряде других сочинений.

Огромное значение для польского рабочего движения выступлений В. И. Ленина по национальному вопросу и ленинских лозунгов поражения обоих империалистических блоков в период первой мировой войны отмечалось В. Гомулкой в докладе по случаю 40-летия Коммунистической партии Польши⁹⁵.

В условиях подъема революционного движения в апреле 1916 г. в Кинтале состоялась II международная социалистическая конференция. Перед ее созывом В. И. Ленин от имени большевиков и «розламовцев» заявил письменный протест против проектов Международной социалистической комиссии пригласить в Циммервальд центристов, Каутского и др.⁹⁶ Три представителя «розламовской» части СДКПиЛ на этой конференции сотрудничали с большевиками. Представители тесняков Г. Кирков и В. Коларов выехали из Болгарии, но не смогли получить паспорта на проезд в Швейцарию и на конференции не присутствовали. Среди новых участников конференции был представитель сербской социал-демократии Т. Кацлерович, который в ряде вопросов поддержал большевиков⁹⁷. Конференция проходила под знаком укрепления в международном рабочем движении позиций «циммервальдской левой» и ее решающей силы — большевиков. Неутомимая борьба Ленина способствовала дальнейшему распространению его взглядов в международном рабочем движении.

Полевение рабочего класса нашло свое выражение, в частности, в переходе части деятелей ИПС-левицы в состав той части СДКПиЛ, которая находилась под руководством Главного правления. В позиции Главного правления тоже происходила эволюция, сближавшая его с «розламовцами», с «циммервальдской левой». В ноябре 1916 г. произошло воссоединение двух частей польской социал-демократии и восстановление единства партии. Это воссоединение существенно укрепляло силы авангарда польского рабочего класса накануне приближавшихся острых классовых боев.

СДКПиЛ, тесняки, как и все представители левого крыла международного рабочего движения, горячо приветствовали свержение царизма в России, победу Февральской буржуазно-демократической революции. Польские социал-демократы Я. Ганецкий, М. Броньский и др. содействовали переезду В. И. Ленина в Россию. В самой России сложившиеся после Февральской революции многочисленные группы СДКПиЛ повсеместно действовали в рядах большевистской партии. Видные польские социал-демократы Ф. Дзержинский, Бр. Весоловский, В. Матушевский, Ю. Ленский,

⁹³ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 142—144.

⁹⁴ См. там же, стр. 306—336.

⁹⁵ В. Гомулка. Статьи и речи, М., 1959, стр. 350—351.

⁹⁶ См. F. Tych. PPS-lewica w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960, стр. 90.

⁹⁷ См. Т. Кацлерович. Циммервальдска конференција. Апел српских социјалиста цивилизованом свету. Београд, 1951.

Фр. Гжегожевский (Гжельщак), Ю. Уншлихт и тысячи других самоотверженно боролись за победу и утверждение Советской власти в России ⁹⁸.

Солидарность с линией большевиков и Ленина проявили болгарские тесняки. Тесняки одобрили линию В. И. Ленина на создание нового Интернационала из одних левых интернационалистов. Они осудили попытки социал-шовинистов и центристов воссоздать развалившийся II Интернационал и опубликовали решения апрельской конференции большевиков о необходимости создания нового Интернационала ⁹⁹.

Под влиянием идейного краха II Интернационала и успешного развития революции в России, приближение тесняков к позиции В. И. Ленина и большевиков шло быстрым темпом. Находившиеся летом 1917 г. в Стокгольме лидеры тесняков Г. Кирков и В. Коларов подписали вместе с некоторыми представителями левых циммервальдцев воззвание, призывавшее к пролетарской революции ¹⁰⁰. Корреспонденции Киркова и Коларова из Стокгольма, публиковавшиеся в газете «Работнически вестник», информировали болгарских читателей о позиции большевиков и В. И. Ленина по важнейшим вопросам — в них приводились выдержки из прощального письма В. И. Ленина к швейцарским рабочим ¹⁰¹ и другие материалы В. И. Ленина. Называя в одной из корреспонденций линию большевиков во главе с В. И. Лениным «правильной», «ясной и определенной», Г. Кирков одобрял тактику Ленина и большевиков ¹⁰². На страницах газеты «Работнически вестник» публиковались и другие материалы о позиции большевиков и В. И. Ленина, в том числе произведения В. И. Ленина в изложении ¹⁰³.

Во время своего пребывания в Стокгольме Кирков и Коларов общались с русскими большевиками, находившимися там. В июне 1917 г. Г. Кирков, выступая на одном из собраний русских революционеров-эмигрантов, напомнил о традиционных русско-болгарских революционных связях и приветствовал от имени болгарского пролетариата русскую революцию и героический рабочий класс России. Представители тесняков Кирков и Коларов, воспользовавшись прибытием курьеров большевистской партии в Стокгольм, передали через них от имени болгарского пролетариата горячий привет В. И. Ленину и его соратникам ¹⁰⁴.

В этот же период Кирков и Коларов опубликовали в «Правде» заявление, в котором объявили о поддержке партий тесняков выдвинутых большевиками лозунгов о немедленном мире без аннексий и контрибуций и о праве наций на самоопределение ¹⁰⁵.

Однако, солидаризируясь с большевиками, ни польские социал-демократы, ни тесняки в вопросах войны, мира и революции не перешли полностью на ленинские позиции.

В Апрельских тезисах Ленин призвал к созданию революционного Интернационала и полному разрыву с циммервальдским объединением, которое становилось помехой к сплочению подлинно революционных эле-

⁹⁸ См. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», стр. 67—146.

⁹⁹ См. «Работнически вестник», 13.VI и 9.VII 1917; «БРП(к) в резолюциях», т. 1, София, 1947, стр. 411—414.

¹⁰⁰ См. «БРП(к) в резолюциях», т. 1, стр. 407.

¹⁰¹ «Работнически вестник», 18.IV 1917.

¹⁰² Там же, 30.VI 1917.

¹⁰³ К примеру, первое письмо из «Писем из далека» — «Работнически вестник» (6.IX 1917); «Письмо о тактике» (там же 2.X 1917).

¹⁰⁴ «Работнически вестник», 20.VI 1917.

¹⁰⁵ «Правда», 11.VII 1917.

ментов. Ленин считал вредным поддерживать иллюзии на счет возможности борьбы за III Интернационал внутри Циммервальдского объединения. На III Циммервальдской конференции, состоявшейся в Стокгольме в сентябре 1917 г., вновь проявилось единство большевиков и польских социал-демократов. Представители тесняков выехали из Стокгольма, не дождавшись открытия конференции, но выразили солидарность с позицией ее левого крыла. Конференция показала, что Циммервальдское объединение исчерпало себя и что необходимо создание Коммунистического Интернационала, о котором Ленин говорил еще с самого начала мировой войны.

II

Победа Октябрьской революции, знаменовавшая собой коренной перелом в истории всего человечества, явилась величайшей победой марксистско-ленинской идеологии, ленинской стратегии и тактики.

Октябрьская революция ускорила процесс размежевания между революционными и оппортунистическими течениями в рабочем движении, процесс формирования новых, коммунистических партий, партий нового типа, явилась могучим фактором, способствовавшим усвоению идей ленинизма в первую очередь лучшими элементами международного рабочего движения. Усвоение ленинских идей и формирование коммунистических организаций особенно быстро происходило в среде многочисленных польских, чешских, словацких, болгарских, сербских, хорватских и словенских трудящихся, оказавшихся в революционной России в качестве военнопленных и беженцев. Здесь, в огне острых классовых битв, под непосредственным идейным воздействием ленинизма быстрее сгорали реформистские иллюзии и националистические предрассудки.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции в России возникает широкая сеть массовых революционных организаций военнопленных и беженцев, кристаллизуются левые социал-демократические и коммунистические группы интернационалистов. Среди более полумиллиона членов созданной в апреле 1918 г. «Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян» были десятки тысяч славян-интернационалистов, решительно заявивших вместе со своими немецкими, австрийскими, венгерскими и румынскими товарищами о готовности «в любых условиях, всеми имеющимися в их распоряжении средствами поддержать Советское правительство»¹⁰⁶.

Руководящим партийным ядром массовых революционных организаций военнопленных весной 1918 г. стали иностранные секции РКП(б) — сначала венгерская и румынская, а затем югославянская (из которой впоследствии, в октября 1918 г., выделилась болгарская), чехословацкая и немецкая. Эти секции приняли программные, тактические и организационные принципы большевизма и всемерно стремились претворить их в жизнь. В мае 1918 г. при ЦК РКП(б) был создан единый руководящий орган для работы среди иностранных коммунистов — Центральная федерация иностранных групп, взявшая на себя «как идейное руководство, так и представительство возникшего интернационального объединения»¹⁰⁷. Постепенно вся агитационная, пропагандистская и организаторская работа среди миллионов военнопленных и беженцев, ранее направляемая коммунистами через беспартийные революционные организации, полностью сосредоточилась в руках Федерации. (В конце сентября 1918 г.

¹⁰⁶ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 11, д. 9 л. 6.

¹⁰⁷ «Восьмой съезд РКП(б). Мар. 1919 года», М., 1960, стр. 500.

Организация иностранных рабочих и крестьян признала свое дальнейшее существование излишним и прекратила свою деятельность). Чехословацкая, югославская и болгарская группы входили в число тех девяти коммунистических организаций, которые объединились в Федерацию.

Руководящим органом польских коммунистов в России, после создания в декабре 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши, стал ЦИК групп КРПП в России, работавший как и Федерация иностранных групп, под непосредственным руководством ЦК РКП(б).

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и другие виднейшие руководители Российской коммунистической партии и Советского государства повседневно направляли деятельность иностранных коммунистов, неоднократно встречались и переписывались с активными деятелями польской, чехословацкой, югославской, болгарской и других коммунистических групп. «Целые десятки членов этих групп,— указывал В. И. Ленин,— были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий»¹⁰⁸.

С оружием в руках защищая Советскую власть, принимая активное участие в государственном, культурном и хозяйственном строительстве первого рабоче-крестьянского государства, иностранные коммунисты особое внимание уделяли пропаганде ленинских идей как среди своих земляков в России, так и у себя на родине. В течение короткого времени они сумели перевести на родные языки важнейшие документы Советского государства и коммунистической партии (в частности, Конституцию РСФСР, устав РКП(б), принятый VIII съездом).

В 1918 г. на польском языке в Москве, а в 1919 г. в Варшаве вышел знаменитый труд В. И. Ленина «Государство и революция»; в 1919 и 1920 гг. в Варшаве, а в 1920 г. в Москве в польском переводе была напечатана ленинская работа «Империализм, как высшая стадия капитализма». Всего в 1918—1920 гг. на польском языке отдельными изданиями опубликовано 10 произведений В. И. Ленина.

В 1919 г., на чешском языке десяти тысячным тиражом, вышла брошюра В. И. Ленина «Государство и революция», на чешский и сербский языки была переведена ленинская работа «Пролетарская революция и ренегат Каутский», на сербском, хорватском, словенском и болгарском языках были опубликованы «Очередные задачи Советской власти», на чешском—«Письмо к рабочим Европы и Америки», на сербском, хорватском и словенском—«Грозящая катастрофа и как с ней бороться», на сербском—«Политические партии в России и задачи пролетариата», на болгарском—«Уроки революции»¹⁰⁹. В Советской России иностранные коммунисты приобрели неоценимый практический опыт партийной работы. Их агитация и пропаганда среди военнопленных и беженцев, активная помощь левым революционным направлениям в рабочем движении своих стран—явились важнейшим фактором, содействовавшим активизации борьбы трудящихся Западной Европы. Здесь в России, в борьбе за великое дело Октябрьской революции осуществлялся, по словам В. И. Ленина, «союз революционеров различных наций, о чем мечтали лучшие люди, настоящий союз рабочих, а не интеллигентских мечтателей», на деле осуществлялось «интернациональное братство народов»¹¹⁰, закладывались основы

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 141.

¹⁰⁹ «Z pola walki», 1960, N 2 (10), str. 62; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 275, л. 15; «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 24, 26; «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 90; «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции», сб. статей, М., 1957, стр. 424.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 23.

III Коммунистического Интернационала. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что работа среди иностранцев составляет «...одну из самых важных страниц в деятельности Российской Коммунистической партии...»¹¹¹

III

Октябрьская революция и идеи ленинизма сыграли огромную роль и в деле революционизирования трудящихся масс Польши. Ленинская политика Советской власти пользовалась огромными симпатиями среди угнетенных и эксплуатируемых всего мира. В ряде актов, начиная от Декрета о мире, торжественно провозглашалось право каждого из народов на свободу и независимость. Особым декретом, подписанным В. И. Лениным, Советская власть объявила расторгнутыми и потерявшими всякую силу все договоры и акты, касающиеся разделов Польши ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство.

В победе социалистической революции в России трудящиеся Польши увидели залог своего социального и национального освобождения. Лучшие сыны польского рабочего класса спешили заявить о своей солидарности с борьбой трудящихся России. Вдохновляемые примером русских рабочих и трудящихся крестьян, они усиливали борьбу против германских и австрийских оккупантов, против их союзников из польских эксплуататорских классов. Массовые забастовки, демонстрации, митинги стали повседневным явлением в Польше.

Душой охватившего страну массового революционного и освободительного движения являлись польские социал-демократы. Нередко с ними сотрудничали и члены ППС-левицы. Только деятели этих партий связывали будущее Польши с революционной борьбой, только они развивали идеи перестройки общественных отношений в интересах трудового народа. Но, полные глубокой веры в дело Октябрьской революции, польские революционеры не извлекли всех уроков из стратегии и тактики большевиков. Неся в массы слово ленинской правды, польские революционеры не сумели понять роли партии как руководителя и организатора масс: они остались в плену представлений о стихийности рабочего движения и социалистической революции; не поняли значения демократических требований и, в частности, требования национальной независимости для сплочения рядов рабочего класса и его союза с трудящимся крестьянством.

Огромной заслугой польской социал-демократии, а также ППС-левицы является то, что они хотя и не всегда правильно понимали идеи Ленина, действия Советской власти, но безоговорочно и смело стали на сторону Октябрьской революции и справедливо усматривали в ней начало мировой революции. Немедленно после получения известия о победе пролетарского вооруженного восстания в Петрограде Главное правление СДКПиЛ выпустило воззвание, в котором восторженно приветствовало победоносную диктатуру пролетариата¹¹². Вскоре СДКПиЛ нелегально издала серию брошюр, объединенную общим названием «Революция и война». В них разъяснялось значение великих социальных и политических изменений, совершавшихся в России, определялись задачи польского пролетариата, польских трудящихся по отношению к защите русской революции¹¹³.

¹¹¹ Там же, т. 29, стр. 141.

¹¹² B. S c h m i d t. Указ. соч., стр. 236—237.

¹¹³ «Rewolucja i wojna», grudzień, 1917.

ППС-левица в своей легальной газете «Głos robotniczy» систематически оповещала о действиях советского правительства и вождя большевиков В. И. Ленина. Большевики, писала газета, «представляют самую крайнюю группу социалистической левой не только в России, но и во всей Европе», их приход к власти знаменует в первый раз в истории «подлинную диктатуру пролетариата»¹¹⁴. В выпущенном ППС-левицей сборнике статей и материалов подчеркивалось, что с приходом к власти большевиков во главе с Лениным «перед Россией открылся новый этап развития, положивший начало наступающей эре власти рабочих и крестьян»¹¹⁵.

После победы Октябрьской революции о Ленине заговорил весь польский народ, вся польская печать.

Первые вести о революции и о том, что Ленин возглавил советское правительство, всколыхнули такие силы, что даже краковская газета «Naprzód» — орган Социально-демократической партии Галиции и Силезии, партии реформистской и националистической — посчитала нужным поместить обширную редакционную статью «Ленин», в которой в целом отдавала должную дань уважения непримиримой борьбе большевиков и их вождя и организатора за дело трудящихся¹¹⁶.

Однако подобного рода статьи, содержавшие к тому же и ошибочные положения, были исключением в национал-реформистской печати. Тесно связанная с СДПГиС другая националистическая и реформистская партия — Польская социалистическая партия — «революционная фракция», основной сферой деятельности которой было Королевство Польское, совершенно игнорировала социалистический характер и международное значение Октябрьской революции.

Сколько-нибудь правильному и широкому освещению в легальной польской печати политики советского правительства мешали не только классовые и партийные позиции издателей газет и журналов, но и становившаяся все более строгой цензура немецких оккупационных властей¹¹⁷.

Лишь осенью 1918 г., в условиях начавшегося краха германской и австро-венгерской оккупации и окончания первой мировой войны, ненадолго прозвучало свободное, последовательно революционное слово: 2 ноября возобновился выход газеты СДКПиЛ «Nasza Trybuna», закрытой оккупантами в апреле 1917 г.

Первый номер открывался редакционной статьей «На развалинах старой Европы». В ней указывалось, что старая Европа гибнет, вытесняемая новой, социалистической Европой.

В дальнейшем газета постоянно пропагандировала Советы как форму пролетарской власти, созданную и испытанную пролетариатом России¹¹⁸.

9 ноября 1918 г. вышел в свет номер газеты «Nasza Trybuna», посвященный первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Центральное место на первой полосе газеты занимал портрет В. И. Ленина. Среди других иллюстративных материалов газета поместила снимок одного из отрядов, входившего в состав Красной Армии — Варшавского Революционного полка, созданного польскими интернационалистами.

В статье «Год пролетарской революции» газета подводила некоторые итоги деятельности Советской власти в 1917—1918 гг., отмечая исторические заслуги В. И. Ленина и большевистской партии.

¹¹⁴ «Głos robotniczy», 14.XI 1917.

¹¹⁵ «Kalendarz robotniczy na rok 1918», Warszawa, 1918, str. 166.

¹¹⁶ «Naprzód», 10.XI 1918.

¹¹⁷ См. «Tajne dokumenty cenzury niemieckiej 1914—1918», Warszawa, 1919, str. 77, 89.

¹¹⁸ «Nasza Trybuna», 29.XI 1918.

Польские социал-демократы отмечали не только те действия Советской власти, которые были направлены на ликвидацию строя бесправия и эксплуатации. Советская власть, указывала «*Nasza Trybuna*», намерена осуществить большие хозяйственные планы: построить гидроэлектростанции на Волхове и Свири, провести гидротехнические работы для обводнения туркестанских пустынь и расширения посевных площадей под хлопком, удобрить огромную часть земли, соорудить канал между Доном и Волгой. Так, польская революционная социал-демократия несла в гущу польского народа слова правды о политических завоеваниях трудящихся России и о тех огромных экономических возможностях, которые открылись перед народами Советской Республики в результате победы социалистической революции.

В другой статье того же номера газеты «*Nasza Trybuna*», озаглавленной «Что делает рабочее правительство в России», газета отмечала энергичную работу по строительству социализма, проводившуюся в Советском государстве. Особо подчеркивался факт утверждения в России диктатуры пролетариата в форме Советов и деятельность Чрезвычайных комиссий во главе с ВЧК, которой, с гордостью писала польская газета, руководит наш товарищ — Феликс Дзержинский.

«Российский пролетариат, — писала газета, — начал строительство социалистического общества, пролетариат Европы должен пойти за российским пролетариатом»¹¹⁹.

Стремление передовой части польского пролетариата пойти по пути социалистической революции требовало от него сплочения своих рядов и усвоения великих идей Ленина. Огромную роль в пропаганде ленинизма, пропаганде в большинстве своем стихийной, основанной на собственном жизненном опыте, сыграли польские беженцы и демобилизованные солдаты, возвращавшиеся из Советской Республики на родину. Их политическому просвещению, превращению их в сознательных борцов за дело народа во многом способствовали входившие в состав большевистской партии секции СДКПиЛ в России, а также группы ППС-левицы в России, которые все более и более переходили на позиции большевистской партии.

Партия большевиков оказывала посильную помощь организациям СДКПиЛ в России, помогала им в ведении устной и печатной пропаганды среди польских беженцев, солдат и военнопленных. В начале 1918 г. по личному поручению одного из ближайших сподвижников Ленина, Я. М. Свердлова, для ведения революционной работы нелегально выехал в Польшу видный деятель СДКПиЛ, большевик, делегат II съезда Советов, член ВЦИК, один из секретарей ВЧК, Францишек Гжельщак¹²⁰. Согласно воспоминаниям одного из участников событий, Гжельщак передал Варшавской партийной организации личное приветствие Владимира Ильича¹²¹.

За советами к большевикам, к их опыту обращались не только деятели СДКПиЛ, но и деятели ППС-левицы. По решению руководства последней один из ее лидеров, Ю. Цишевский, весной 1918 г. нелегально перешел линию фронта и добрался до Москвы. Здесь он изучал деятельность большевистской партии, ознакомился с работой групп ППС-левицы и секций СДКПиЛ, встречался с Я. М. Свердловым. В Польшу Цишевский вернулся убежденным сторонником объединения СДКПиЛ и ППС-левицы в Коммунистическую партию¹²².

¹¹⁹ «*Nasza Trybuna*», 9.XI 1918.

¹²⁰ См. «*Z pola walki*», 1958, № 2, str. 180—184.

¹²¹ См. там же, № 4, str. 47.

¹²² J. Ciszewski. Wspomnienia z roku 1918. «*Z pola walki*», Moskwa, 1929, N 7—8.

Влияние идей Октябрьской революции, идей марксизма-ленинизма проникало даже в ряды националистической ППС. В частности, на ее XIV съезде, состоявшемся в сентябре 1918 г., дала себя знать группа сторонников диктатуры пролетариата¹²³.

Огромное значение для польского рабочего движения имело то, что Ф. Дзержинский, Ст. Бобиньский, Бр. Весоловский, Ю. Уншлихт (Юровский) и другие видные деятели Советского государства продолжали сохранять теснейшие связи с польским революционным движением и способствовали постепенному усвоению им ленинизма. Большую роль в подготовке и создании Коммунистической партии Польши сыграли вернувшиеся осенью 1918 г. из Советской России в Польшу польские революционеры, активные участники Октябрьской революции — Стефан Круликовский, Генрих Битнер, Мирослав Здырский, Станислав Будзиньский и др. Но основным фактом образования КПП была созревшая объективная потребность польского рабочего движения, оказавшегося перед рядом ответственнейших задач.

Осенью 1918 г. рухнула германо-австрийская оккупация. Польша обрела предоставленную ей Октябрьской революцией независимость. За власть в стране развернулась борьба между силами открытой контрреволюции, поддержанными националистами и реформистами из ППС, и силами революции, возглавлявшимися СДКПиЛ и ППС-левицей. Революционные партии повели борьбу за власть Советов. Былые их расхождения во взглядах потеряли практическое значение. Жизнь настоятельно требовала объединения в единую революционную партию.

16 декабря 1918 г. состоялся Объединительный съезд СДКПиЛ и ППС-левицы, который принял решение образовать Коммунистическую рабочую партию Польши. Съезд в духе ленинских идей поставил перед партией задачу борьбы против национализма, оппортунизма, соглашательства, борьбы за власть Советов, рожденных русской революцией; съезд провозгласил созданную партию одним из отрядов революционной армии, идущей на последний решительный бой¹²⁴. В особой резолюции Объединительный съезд КРПП выразил братство и солидарность с Российской коммунистической партией (большевиков) и правительством Республики Советов — «пионерами мировой социалистической революции»; съезд приветствовал все братские партии создававшегося III Интернационала¹²⁵.

Образование КРПП произошло в период острой борьбы в Польше за власть между эксплуататорскими классами, с одной стороны, и трудящимися массами — с другой. Во многих промышленных центрах страны и в ряде сельскохозяйственных районов возникли Советы. В «Письме к рабочим Европы и Америки», написанном 21 января 1919 г., Ленин, отмечая назревание всемирной пролетарской революции, указал на такие ее признаки, как могучее «советское движение», охватившее ряд стран, и переход рабочих разных стран к коммунизму, выразившийся в создании первых за рубежом Советской Республики коммунистических партий — в том числе коммунистической партии в Польше¹²⁶.

Молодая КРПП с первых же дней своего существования приняла деятельное участие в международном революционном движении. Ее представитель Ю. Карский (Ю. Мархлевский) подписал непосредственно за

¹²³ Н. Jabłoński. *Polityka Polskiej partii socjalistycznej w czasie wojny 1914 — 1918*. Warszawa, 1958, I. 465.

¹²⁴ См. КРП. *Uchwały str. rezolucje*, т. I, Warszawa, 1953, стр. 36—49.

¹²⁵ Там же, стр. 55—56.

¹²⁶ См. В. И. Ленин. *Сочинения*, т. 28, стр. 407—409.

представителя ЦК РКП(б) обращение к 39 организациям, призывающее их к созыву первого Конгресса нового, революционного Интернационала¹²⁷. На состоявшемся в марте 1919 г. I учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала КРПП располагала 3 голосами¹²⁸; она безоговорочно поддержала предложение об основании Коминтерна¹²⁹; ее представитель Ю. Уншлихт подписал манифест I конгресса Коммунистического Интернационала¹³⁰.

Создание КРПП, ее активное участие в образовании Коммунистического Интернационала было выдающимся завоеванием рабочего класса, ставившегося под знамена великих и победоносных идей Ленина. КРПП возникла в результате объединения двух партий, каждая из которых в прошлом при всем присущем им интернационализме и революционности придерживалась ошибочных взглядов по ряду важнейших вопросов революционного движения и ко времени объединения не преодолела своих ошибок. Самое объединение тоже сопровождалось некоторыми ошибочными оценками, в частности, со стороны А. Варского, прошлого обеих партий, а также роли партии большевиков¹³¹. Освобождение от этих ошибок, превращение КРПП в партию подлинно ленинского типа представляло собой довольно длительный и сложный процесс, проходивший при содействии Коммунистического Интернационала и братской помощи и поддержке со стороны Ленина и партии большевиков.

В. И. Ленин с большим вниманием и исключительной заботой относился к положению в Польше, к деятельности КРПП. Об этом с достаточным основанием можно судить хотя бы на основе доклада В. И. Ленина о партийной программе, прочитанного им 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Останавливаясь на крупнейших вопросах, призванных определить направление развития советского общества и всего международного революционного движения, Ленин уделил особенно большое внимание разъяснению необходимости признания права наций на самоопределение, вопросу о союзниках рабочего класса, разоблачению вздорных выдумок правых социалистов и др. о том, что большевики намереваются навязать свою систему другим странам. Критика В. И. Лениным позиции тех, кто, как Бухарин, Пятаков и им подобные, отрицал право наций на самоопределение и предлагал заменить его лишь признанием права трудящихся классов на самоопределение, существенно помогала польским коммунистам, равно как и коммунистам других стран, разобраться в национальном вопросе и преодолеть ошибочные представления. Более того, именно на конкретном примере Польши Ленин учил увязывать и сочетать политику самоопределения наций с борьбой за победу пролетарской революции.

Указав на партийный состав Варшавского Совета рабочих депутатов, он отметил: «Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалеко уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года»¹³². Вместе с тем Ленин подчеркивал, что само по себе необязательно, чтобы события развивались по большевистскому, революционному календарю и что большинство рабочих находится под влиянием идей социал-патриотизма. Поэтому, как бы отвечая тем деятелям КРПП, которые все еще не стали на научные позиции в национальном вопросе и анархистско-нигилистически относились к самому факту независимости Польши и в ее существовании видели элемент изоляции Польши от разворачивающейся в Европе

¹²⁷ См. «Правда», 24.I 1919.

¹²⁸ «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», М., 1933, стр. 48.

¹²⁹ Там же, стр. 131.

¹³⁰ Там же, стр. 138.

¹³¹ См. А. W a r s k i. Wybór pism i przemówień, t. II. Warszawa, 1958, str. 5—10.

¹³² В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 29, стр. 153.

социалистической революции, Ленин говорил: «...нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс... нет ни тени сомнения в том, что нельзя не признавать самоопределения польской нации сейчас. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России»¹³³.

Особенностью обстановки в Польше В. И. Ленин считал то, что «рабочих там запугивают тем, что москали, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм... Нельзя не считаться с тем, что там путь идет несколько своеобразно, и нельзя сказать: «Долой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам». Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем»¹³⁴.

В своем докладе по вопросу о партийной программе В. И. Ленин уделил много внимания и другой проблеме, имевшей исключительно большое значение для коммунистов Польши и других аграрных стран, — вопросу об отношении к среднему крестьянству. Он призвал «подумать о целом ряде возможно более конкретных мер, непосредственно хоть что-нибудь дающих среднему крестьянству». Весьма важно отметить, что тотчас же после указания на необходимость укрепления союза со средним крестьянством Ленин поделился мыслями о таких резервах советской революции, как польская и венгерская революции, которые, как отмечал Ленин, «нарастают и очень быстро»¹³⁵.

Не располагая точными данными о том, сколь скоро и какими путями ленинские положения становились достоянием польских коммунистов, отметим такой исключительно важный факт, как то, что на VIII съезде РКП(б), помимо польских революционеров, в основном занятых партийной и государственной работой в Советской Республике, — Ф. Дзержинского, С. Пестковского, Я. Долецкого, — было два делегата с решающим голосом от Центрального Исполнительного Комитета КРПП — К. Бродский и Я. Ганецкий¹³⁶. Не может быть сомнений, что как делегаты от ЦИК КРПП, так и другие польские коммунисты — участники VIII съезда, не могли не сделать все от них зависевшее для того, чтобы всей партии стали бы известны суждения В. И. Ленина по актуальнейшим острейшим вопросам, с которыми повседневно сталкивалась молодая КРПП. Исключительная важность для КРПП ленинских высказываний на VIII съезде РКП(б) особо подчеркнута В. Гомулкой: «Громадное значение имели для польских коммунистов замечания Ленина, высказанные им в марте 1919 года на восьмом съезде РКП(б) по вопросу самоопределения наций, относительно польского народа и в связи с этим о путях развития революции в Польше», — писал В. Гомулка в статье, опубликованной к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина¹³⁷.

Самое развитие событий показывало партии всю силу и справедливость не только ленинского учения, взятого в целом, но и суждений Ленина, непосредственно и прямо обращенных к Польше. Делая шаг вперед в сторону ленинского учения по национальному вопросу, Партийный совет (расширенный пленум ЦК) КРПП в феврале 1919 г. выдвинул задачу борьбы за народную власть, сочетая ее с признанием необходимости неза-

¹³³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 153.

¹³⁴ Там же, стр. 153—154.

¹³⁵ Там же, стр. 155.

¹³⁶ См. «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы», М., 1959, стр. 459 и 460.

¹³⁷ «Правда», 19.IV 1960.

висимости Польского государства, и в этой связи поставил задачу «образования революционным путем Польской Республики Советов рабочих депутатов города и деревни»¹³⁸. Но новый лозунг, придававший национальную форму лозунгу борьбы за власть Советов, прививался медленно и стал общепринятым в рядах КРПП лишь с I партийной конференции (апрель 1920 г.)¹³⁹.

Практически попытка осуществления лозунга Польской Республики Советов была связана с деятельностью возникшего в ходе советско-польской войны 1920 г. Временного Польского Революционного Комитета (Польревкома).

Образование Польревкома полностью подтвердило правильность ленинской оценки внутрисполитического положения Польши. Выступая как подлинно пролетарский орган власти, Польревком развернул на освобожденной от буржуазно-помещичьего господства территории страны огромную созидательную деятельность¹⁴⁰. В. И. Ленин просил Ф. Дзержинского, являвшегося членом Польревкома, «обязательно каждый день присылать информацию»¹⁴¹. Между тем сведения, поступавшие от Польревкома, вызвали у В. И. Ленина серьезное беспокойство в связи с политикой Польревкома в крестьянском вопросе. Как известно, аграрная политика Польревкома исключала раздел помещичьих владений между трудящимися крестьянами и предусматривала превращение фольварков в общенародные, государственные хозяйства. В самом Польревкоме против подобной линии, проводившейся Ю. Мархлевским и др., решительно выступал Ф. Дзержинский, настаивавший на необходимости занять по отношению к крестьянству такую же позицию, какую занимала в России партия большевиков¹⁴². В. И. Ленин в телеграмме «Дзержинскому и всем членам польского ЦК» настоятельно рекомендовал «издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян мало-земельных с батраками...»¹⁴³. Однако большинство членов Польревкома не последовало ленинскому совету. Ошибочная политика Польревкома в крестьянском вопросе ослабила его влияние. Кратковременное, но героическое существование Польревкома — этого, в сущности, первого в польской истории правительства рабочего класса и деревенской бедноты — по времени совпало с работой II конгресса Коммунистического Интернационала. На конгрессе КРПП была представлена Ю. Мархлевским, который после речи, произнесенной им на первом же заседании¹⁴⁴, в связи с положением на советско-польском фронте должен был оставить конгресс¹⁴⁵.

Война, которую буржуазно-помещичья Польша вела против Страны Советов, свирепствовавший в Польше белый террор, всей своей силой обрушивавшийся на членов КРПП, шовинистический угар, вызванный господствовавшими классами и их союзниками из руководства ППС и других мелкобуржуазных партий, весьма затрудняли распространение

¹³⁸ «КРР. Uchwały i rezolucje», Т. I, Warszawa, 1953, str. 71.

¹³⁹ Там же, стр. 95—96.

¹⁴⁰ См. «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», Warszawa, 1957, str. 147—189.

¹⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 17, л. 6.

¹⁴² См. Ф. К о н. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биографический очерк, М., 1939, стр. 76.

¹⁴³ «Lenin o Polsce i polskim ruchu robotniczym». Warszawa, 1954, стр. 486; «Феликс Эдмундович Дзержинский, 1877—1926», 1951, стр. 187; «Правда», 19.IV 1960.

¹⁴⁴ См. «Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль — август 1920 г.», М., 1934, стр. 35—36.

¹⁴⁵ Там же, стр. 366.

в Польше правды о ленинской политике Советского государства, о задачах международного коммунистического движения. Ленин зорко следил за сдвигами, происходившими в настроении даже тех польских рабочих и крестьян, которые находились под влиянием ППС и людовцев. В речи, произнесенной 22 сентября 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП (б), он отметил, что «Польша мелкобуржуазная, патриотическая, партии ППС, людовская, зажиточных крестьян,— хотят мира... Обнаружился также чрезвычайно важный новый фактор: изменение социального состава польской армии... Эта армия состоит теперь уже не из мальчиков, которых легко было «обработать», а из взрослых, которых нельзя подучить чему угодно»¹⁴⁶. С большим вниманием отнесся В. И. Ленин к выступлению на конференции польского коммуниста Улановского, нелегально прибывшего из Варшавы¹⁴⁷. В этом выступлении, как рассказывал В. И. Ленин, говорилось о том, «какие преследования против рабочих велись в Польше, как рабочие в Варшаве смотрели на Красную Армию как на избавительницу, как они ждали русскую Красную Армию, не считая ее своим врагом, а, наоборот, своим другом в борьбе против панов, против буржуазных угнетателей Польши»¹⁴⁸.

Изменения, которые происходили в сознании широких кругов польских трудящихся, в том числе и сторонников ППС и людовских партий, благоприятствовали расширению деятельности КРПП, ее организационному и идейно-политическому росту. В частности, II конференция КРПП, состоявшаяся в феврале 1921 г., единогласно одобрила ленинские 21 условие приема в Коминтерн и вместе с тем лишь после длительной дискуссии, большинством в 18 голосов против 11, пересмотрела антипарламентскую позицию партии и высказалась за участие в предстоявших выборах в сейм¹⁴⁹; на конференции указывалось, что задачей партии является сплочение вокруг пролетариата малоземельного крестьянства и трудовой интеллигенции¹⁵⁰. Но эти шаги на пути освоения ленинских идейных и тактических установок еще сочетались со многими ошибочными представлениями, с авангардистскими настроениями, стремлением к превращению каждого классового выступления в наступательный бой¹⁵¹.

Огромную помощь КРПП, как и другим коммунистическим партиям, оказал III конгресс Коминтерна (июнь—июль 1921 г.). Проходивший под руководством В. И. Ленина конгресс ориентировал все партии на работу в массах, на проведение тактики единого фронта, на борьбу против правого уклона и левацкой «теории наступления». 11 июля 1921 г. В. И. Ленин встретился с членами немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций на III конгрессе Коминтерна и, выступая перед ними, подчеркнул необходимость умело работать с массами, постоянно учитывать уровень их сознательности, учиться у большевиков. «Левые ошибки легко поправить,— говорил Ленин.— В нашей партии мы их всегда поправляли и даже без какого-либо раскола, без больших трений, оставаясь по-прежнему друзьями. Но если в решающий момент обнаруживается недостаток мужества, то это уже не ошибки, а измена»¹⁵².

Вскоре, 19 октября 1921 г. в особом письме к польским коммунистам Ленин обратил их внимание на то, что они должны проявить особую заботу о созревании внутренних сил революции. При этом он подчеркивал, что

¹⁴⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 253.

¹⁴⁷ См. «Правда», 23.IX 1920.

¹⁴⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 279.

¹⁴⁹ «KPP. Uchwały i rezolucje...», t. 1, str. 104.

¹⁵⁰ Там же, стр. 123.

¹⁵¹ См. «Z pola walki», 1958, № 4, str. 19.

¹⁵² «Ленинский сборник», т. XXVI, М., 1959, стр. 283.

победа социалистической революции в Польше, опирающейся на внутренние революционные силы, означала бы громадную победу социалистической революции в международном масштабе ¹⁵³.

О том, что КРПП все в большей мере усваивала ленинизм, говорят решения ее III партийной конференции (апрель 1922 г.) по вопросам единого фронта, а также обсуждение конференцией тезисов по аграрному вопросу ¹⁵⁴.

Материалы III партийной конференции, документы Коминтерна, в том числе имеющий огромное значение доклад В. И. Ленина на IV конгрессе Коминтерна «Пять лет русской революции и перспективы мировой революции», в котором было раскрыто значение НЭП'а и перед всеми коммунистическими партиями поставлена задача постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы, — являлись предметом широких дискуссий, которые помогали формированию марксистско-ленинских программных, организационных и тактических принципов, восторжествовавших в КРПП на ее II съезде (сентябрь 1923 г.). Как справедливо указывал Б. Берут в докладе на II съезде ПОРП в 1948 г., КРПП становилась, начиная со своего II съезда, «партией ленинского типа, партией, которая внедряла ленинизм в историю польского рабочего движения» ¹⁵⁵.

II съезд КРПП сыграл переломную роль в развитии партии, привел к торжеству идейных принципов марксизма-ленинизма ¹⁵⁶. Отмечая заслуги Коммунистической партии Польши, В. Гомулка говорил в 1958 г. в связи с 40-летием со дня образования КПП: «...идея, которая 40 лет тому назад легла в основу деятельности Коммунистической партии Польши, является и сегодня путеводной звездой в работе нашей партии. Это бессмертная идея марксизма-ленинизма, идея борьбы за социализм» ¹⁵⁷.

IV

В отличие от большинства компартий Европы, возникших после того, как революционное крыло социал-демократии, убедившись после Октябрьской революции в необходимости изменений в основах и принципах партии, разорвало с оппортунистами, Болгарская коммунистическая партия возникла в несколько иных условиях.

Организационный разрыв левого, марксистского крыла болгарской социал-демократии с оппортунистами произошел еще задолго до Октябрьской революции. В 1903 г. на X съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии левое марксистское течение партии (так называемые тесные социалисты) порвало с реформистами (как их называли тогда — «общедельцами» или «широкими» социалистами) и основало самостоятельную марксистскую БРСДП (тесных социалистов), принадлежавшую к левому крылу II Интернационала.

Однако, хотя тесняки и размежевались с реформистами — «общедельцами» — и создали партию преданных борцов за дело рабочего класса, глубоко верных марксизму, партия тесных социалистов не сложилась в партию нового типа и по ряду существенных вопросов стояла на иных позициях, чем большевистская партия. Как указывал в 1948 г. в докладе на V съезде БКП Г. М. Димитров, тесняки не выдвигали вопрос о диктатуре

¹⁵³ См. «Правда», 19.IV 1960, «Trybuna Ludu», 9.IV 1960.

¹⁵⁴ См. «KPP. Uchwały i rezolucje...», Warszawa, str. 141—167.

¹⁵⁵ В. В е р у т. О партии. Warszawa, 1954, str. 32.

¹⁵⁶ См. Т. Д а н и ш е в с к и й. В. И. Ленин и развитие коммунистического движения в Польше. «Вопросы истории», 1960, № 7.

¹⁵⁷ «Trybuna Ludu», 19.X 1958

пролетариата как основной вопрос пролетарской революции, не понимали роли партии как высшей формы организации рабочего класса, не понимали необходимости революционных компромиссов, недооценивали роли крестьянства как союзника пролетариата.

Огромную роль в деле идеологической перестройки партии тесняков сыграла Октябрьская революция.

Тесняки поняли и оценили руководящую роль большевиков во главе с В. И. Лениным в Октябрьской революции. «Ее победа, — указывал Кабакчиев, — была для нас победой большевизма»¹⁵⁸.

Под влиянием Октябрьской революции происходит изменение идейных позиций партии тесняков. Опыт международного рабочего движения периода первой мировой войны, победа большевиков в революции толкали тесняков, как указывал их вождь Д. Благоев в 1918 г., к переоценке многих понятий и представлений, которые раньше считались ими непогрешимыми¹⁵⁹.

Весной 1918 г. Д. Благоев опубликовал в газете «Работнически вестник» статью «Пролетарский социализм», в которой поставил вопрос о необходимости переименования партии в коммунистическую, чтобы, таким образом, подчеркнуть полный разрыв с социал-шовинистами¹⁶⁰. Тесняки осуждали в своих статьях Каутского и других правых социал-демократов и центристов за их выступления против Октябрьской революции¹⁶¹.

В этот же период в газете тесняков были напечатаны статьи «Капитализм или социализм», «Буржуазная демократия», «Капитализм», «Демократия и социализм» и др.¹⁶², в которых разоблачалась истинная сущность буржуазной демократии и отмечалась необходимость установления диктатуры пролетариата.

Тесняки популяризировали и пропагандировали Ленина. Ленинский Декрет о мире — первый декрет, принятый Советом Народных Комиссаров — был переведен тесняками на болгарский язык и в большом количестве экземпляров распространен в тылу и на фронте. В печати тесняков публиковались в изложении произведения В. И. Ленина¹⁶³ и статьи о нем. За короткое время имя В. И. Ленина стало самым популярным в Болгарии.

Тесняки в эти годы начали усиленно изучать труды В. И. Ленина. После ознакомления с работой В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», Д. Благоев опубликовал в мае—июле 1918 г. в газете «Работнически вестник», серию статей («Что такое империализм?», «Экономика империализма», «Банки и их роль», «Финансовый капитал», «Вывоз капитала», «Концентрация производства», «Финансовый капитал и колониальная политика», «Сущность полемики об империализме»)¹⁶⁴. Благоев излагал (иногда дословно) содержание работы В. И. Ленина и называл точку зрения Каутского на империализм неправильной и немарксистской¹⁶⁵.

Однако Благоев в своем анализе не подчеркивал важнейшего вывода, сделанного В. И. Лениным о том, что империализм — умирающий капитализм, что империализм — канун социалистической революции. Это

¹⁵⁸ Хр. Кабакчиев. Спомени. София, 1955, стр. 158—159.

¹⁵⁹ См. «Работнически вестник», 7.VII 1918.

¹⁶⁰ Там же, 1.V 1918.

¹⁶¹ См. там же, 30.III, 13, 14 и 15.V 1918.

¹⁶² См. там же, 2.II, 4, 5, 6.IV, 31.V, 1 и 11.V 1918.

¹⁶³ См., к примеру, «Работнически вестник», от 15.XI 1917, где дается изложение работы В. И. Ленина «Кризис назрел».

¹⁶⁴ См. «Работнически вестник», 11, 16, 20, 23, 28.V; 10, 17, 26.VI и 7.VII 1918.

¹⁶⁵ Там же, 7.VII 1918.

отражало взгляды тесняков, не считавших в то время проблему революции в Болгарии как неотложную.

Хотя тесняки выступили с безоговорочной поддержкой Октябрьской революции и большевистской партии, они не смогли сразу разобраться в уроках Октябрьской революции, не сумели быстро творчески воспринять опыт революции в России, идеи ленинизма во многих важнейших вопросах, в частности, в вопросах тактики, в отношении к крестьянству и т. д. Все это отразилось на действиях тесняков в ходе революционной борьбы в Болгарии.

Когда в сентябре 1918 г. в болгарской армии вспыхнуло массовое солдатское восстание (так называемое Владейское восстание), партия тесняков заняла по отношению к нему выжидательную позицию. Она неправильно охарактеризовала восстание как «бунт крестьян, одетых в солдатские шинели» и недооценила его огромные революционные возможности. Примечательно, что В. И. Ленин в речи 8 ноября 1918 г. оценил большое значение революционного восстания в Болгарии, подчеркнув растерянность в связи с этим англо-американских империалистов. «Возьмите, — говорил он, — Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации... Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии — старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются. Ну, что значит этот пигмей — Болгария — против англо-американских сил? С военной точки зрения — ничего, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезывать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в среду диких африканцев. Это им не Центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия, — тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию»¹⁶⁶. Примечательно, что В. И. Ленин продолжал интересоваться и позже Владейским восстанием в Болгарии. Во время встречи в 1920 г. с представителем компартии Болгарии на II конгрессе Коммунистического Интернационала Христо Кабакчиевым по инициативе В. И. Ленина зашла беседа на эту тему, и В. И. Ленин скептически отнесся к попыткам Хр. Кабакчиева оправдать пассивную позицию партии тесняков во время восстания¹⁶⁷.

Несмотря на все свои ошибки и недостатки, тесняки были преданными революционерами. Они сознавали себя одним из отрядов международного революционного движения, во главе которого находится Советская Россия. «Революционный пролетариат всех стран, — писала газета «Работнически вестник», — сплачивается вокруг Российской Социалистической Советской Республики в целях утверждения нового, социалистического общества»¹⁶⁸.

Ленин и русские большевики высоко ценили преданность тесняков делу революции, рассматривали партию тесняков как левую, интернационалистскую партию, как ее охарактеризовал В. И. Ленин в октябре 1917 г.¹⁶⁹ Ведя подготовку к созданию нового Интернационала, — «ин-

¹⁶⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 138—139.

¹⁶⁷ См. Х. Кабакчиев. Ленин и болгарские тесняки. — «Историк-марксист», 1934, № 35, стр. 184.

¹⁶⁸ «Работнически вестник», 4.IV 1919.

¹⁶⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 190.

тернационалистов на деле», — В. И. Ленин считал тесняков естественными участниками нового международного революционного объединения¹⁷⁰.

Совещание представителей некоторых коммунистических партий и групп, состоявшееся в январе 1919 г. в Москве, обратилось с призывом принять участие в подготовке к созданию Коммунистического Интернационала и к партии тесных социалистов. Приглашение было принято, и партия тесняков официально участвовала в основании III Коммунистического Интернационала в марте 1919 г.¹⁷¹

Вопреки всем трудностям, порожденным иностранной интервенцией и гражданской войной, налаживались и непосредственные связи между В. И. Лениным и ЦК партии тесняков¹⁷².

Понимая, что большевизм и идеи Ленина обеспечили победу в революции пролетариату России, тесняки считали, что именно «его (пролетариата России. — М. Б.) коммунистические идеи должны стать знаменем нового Интернационала»¹⁷³. В изданном в конце 1918 г. тиражом в 60 тыс. экз. «Красном народном календаре на 1919 год» тесняки поместили биографию В. И. Ленина с его портретом и статью Хр. Кабакчиева о Российской Социалистической Федеративной Республике¹⁷⁴. «Большевистская тактика, — указывала в начале 1919 г. газета тесняков, — является единственным средством революционного пролетариата в его борьбе за овладение политической властью и за свое экономическое освобождение»¹⁷⁵.

Руководящая роль большевиков в Октябрьской революции и героической борьбе народов Советской России наталкивала тесняков на правильное понимание роли партии. «Для захвата пролетариатом политической власти, — указывала газета «Работнически вестник», — объективные экономические условия имеются налицо. Отныне победа пролетариата зависит только от его сознания и от его организации. Задача революционной социал-демократии заключается в том, чтобы дать это сознание и эту организацию пролетариату»¹⁷⁶.

Под влиянием труда В. И. Ленина «Государство и революция» и некоторых других ленинских произведений в газете «Работнически вестник» были напечатаны осенью 1918 г. — весной 1919 г. статьи, в которых излагалось марксистско-ленинское понимание вопроса о классовой сущности буржуазного государства и буржуазной демократии, о диктатуре пролетариата, как средстве построения социалистического общества¹⁷⁷.

Важным этапом в изменении идеологических позиций БРСДП (тесных социалистов) был ее 22-й съезд, происходивший в мае 1919 г. Этот съезд, на котором партия была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), ознаменовал собою организованный переход тесняков под всепобеждающее знамя ленинизма¹⁷⁸.

¹⁷⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 57—60.

¹⁷¹ «Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г.», М., 1933, стр. 251, 255.

¹⁷² «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине», стр. 36—37.

¹⁷³ «Работнически вестник», 4.IV. 1919.

¹⁷⁴ «Червен народен календар, 1919 г.», София, 1918, стр. 1—2, 18—22, «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 746.

¹⁷⁵ «Работнически вестник», 27.II 1919.

¹⁷⁶ Там же, 8.III 1919.

¹⁷⁷ См. статьи «К демократии и социализму» («Работнически вестник», 22.XI 1918), «Пролетарская диктатура» (там же, 22.XII 1918); «Пролетариат и государство» (там же, 4.III 1919); «Буржуазная демократия» (там же, 5.III 1919); «Борьба за политическую власть» (там же, 7.III 1919) и др.

¹⁷⁸ См. М. А. Б и р м а н. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, глава V; Й. Н. Й о т о в. Първият конгрес на Българската комунистиче-

Съезд единодушно одобрил разрыв партии со II Интернационалом и ее участие в основании III Коммунистического Интернационала, что свидетельствовало о глубокой преданности партии делу революции. Стремясь извлечь уроки из опыта Октябрьской революции, I съезд БКП принял несколько важных деклараций. В них, под влиянием идей ленинизма, был выдвинут ряд новых задач, возникших перед болгарским пролетариатом в период послевоенного революционного кризиса.

Важнейшим политическим документом съезда была «Программная декларация». В ней на основе ленинского анализа империализма и опыта революции в России перед партией был поставлен вопрос о взятии власти рабочим классом как близкая и непосредственная задача.

Усваивая принципы ленинизма, съезд наметил великую цель — установление в Болгарии социалистической республики. В решении вопросов о формах и средствах борьбы за власть съезд продемонстрировал также перелом в сторону ленинизма — партия восприняла идею о вооруженном восстании как главном и решающем средстве революционной борьбы, идею диктатуры пролетариата¹⁷⁹.

Освоение БКП многих важных принципов ленинизма означало, что она начала превращаться из партии пропаганды в партию революционного действия, вступила на путь большевизации. Процесс большевизации БКП был длительным. Он осложнялся тем, что в партии долго бытовало мнение, будто теснячество — это большевизм на болгарской почве, и что оно должно лишь приспособиться к новой международной обстановке. Как отмечал позднее Г. М. Димитров, это мешало партии воспринять своевременно то новое, что внес гениальный В. И. Ленин в марксизм¹⁸⁰.

Вхождение тесняков в Коммунистический Интернационал и преобразование партии в БКП усилило влияние идей ленинизма на партию. Поставив перед собою в качестве задачи — перенять опыт большевистской партии и Октябрьской революции (о чем говорилось в решениях I съезда)¹⁸¹, БКП уделяла большое внимание пропаганде идей и лозунгов Октябрьской революции, распространению трудов В. И. Ленина и других руководителей Советского государства. В течение 1919—1920 гг. силами БКП были переведены и изданы на болгарском языке такие труды В. И. Ленина, как «Государство и революция» (в переводе Г. М. Димитрова, тираж 19 тыс. экз.), «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военный вопрос пролетарской революции», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти», брошюры «Письма В. И. Ленина к рабочим Европы и Америки» (с предисловием Г. М. Димитрова), «Письма В. И. Ленина итальянским, французским и германским коммунистам», переработанная под руководством В. И. Ленина и принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. «Программа РКП(б)» и др.¹⁸² Кроме того, большое число отдельных статей и выступлений В. И. Ленина по самым различным вопросам печаталось полностью или в изложении в болгарской коммунистической прессе¹⁸³.

ска партия. София, 1959; Хр. Христов. Революционната криза в България през 1918—1919 гг. София, 1957.

¹⁷⁹ «Българска комунистическа партия (тесни социалисти). Резолюции и решения на I и II конгрес (1919 и 1920 гг.)», София, 1920, стр. 6—22.

¹⁸⁰ Г. Димитров. Доклад пред V конгрес на БРП(к). София, 1948, стр. 11.

¹⁸¹ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 5, 6, 7, 15—16, 21.

¹⁸² См. «Годишен отчет на ЦК на БКП (т. с.) за 1919 година», София, 1920, стр. 32.

¹⁸³ В частности, журнал «Ново време» за 1919 г. (№ 5, стр. 134—140) опубликовал статью В. И. Ленина «Третий Интернационал и его место в истории».

Популяризуя успехи большевистской партии и Советской России, болгарские коммунисты опубликовали большое число книг, посвященных различным сторонам деятельности РКП(б) и Советского государства. К их числу принадлежала изданная на болгарском языке (в переводе В. Коларова) Конституция РСФСР, а также книги и статьи Д. Благоева («Из истории русской революции»), Г. Димитрова («Москва и Амстердам»), В. Коларова («Русская Красная Армия»), «Большевистская Россия», «Крестьяне и коммунизм»), Л. Кандева («Учебное дело в Советской России») и т. д.¹⁸⁴

Ознакомление болгарских коммунистов с трудами В. И. Ленина, с опытом большевистской партии было благотворным, помогало им в идейной и практической борьбе. Д. Благоев, ведя борьбу с антипарламентаристами, ссылаясь в одной из своих статей в журнале «Ново време» на указания В. И. Ленина и на пример большевиков, использовавших легальные средства борьбы и в период революции¹⁸⁵.

Болгарские коммунисты учились у Ленина непримиримости в борьбе против оппортунистов. Разоблачая реформизм широких социалистов, газета «Работнически вестник» указывала, что В. И. Ленин еще в 1915 г. в статьях о крахе II Интернационала заклеил их как «социалистов на словах и шовинистов на деле»¹⁸⁶.

Большое значение имело для болгарских коммунистов непосредственное их общение с В. И. Лениным в Коммунистическом Интернационале. Направляя делегатов от БКП на II конгресс Коминтерна в 1920 г., Благоев говорил им: «Держитесь за большевиков, за Ленина — с победой революции в России победило и их дело»¹⁸⁷.

Выступления В. И. Ленина и беседы с ним, тезисы В. И. Ленина по национальному и колониальному и аграрному вопросам и обсуждение этих документов в комиссиях с участием представителей от болгарской компартии имели большое значение для выработки правильной платформы и политики БКП¹⁸⁸.

«Тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам и его тезисы по аграрному вопросу, — рассказывал Христо Кабакчиев, — были настоящим откровением — мы с жадностью изучали и воспринимали их... Мы нашли ответ на ряд основных принципиальных и тактических вопросов, которые были так остро поставлены перед БКП в период после империалистической войны»¹⁸⁹. Представители Болгарской компартии — Хр. Кабакчиев и И. Недялков (Шаблин) — участвовали в работе аграрной комиссии, где руководил В. И. Ленин, и поддерживали ленинские тезисы по аграрному вопросу¹⁹⁰.

Для Болгарской компартии, для превращения ее в партию революционного действия, в партию нового типа особенно большое значение имело усвоение ею ленинских установок по крестьянскому вопросу.

До Октябрьской революции тесняки (хотя им и были известны некоторые работы В. И. Ленина о крестьянстве) игнорировали революционные возможности крестьянства.

¹⁸⁴ См. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 746; «Годишен отчет на ЦК на БКП за 1919 година», стр. 34.

¹⁸⁵ «Ново време», 1919, кн. X—XI, стр. 293.

¹⁸⁶ См. «Работнически вестник», 3.XII 1919 и В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 404—405.

¹⁸⁷ «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине», стр. 50.

¹⁸⁸ Хр. Кабакчиев. Избрани произведения, стр. 709—718, 733—734.

¹⁸⁹ Там же, стр. 712.

¹⁹⁰ «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине», стр. 44—45.

Опыт Октября и партии большевиков способствовал пересмотру отношений партии тесняков к крестьянству. В печати тесняков публиковались речи и статьи В. И. Ленина, подчеркивавшие значение союза рабочих и крестьян¹⁹¹. Тесняки начали отходить от своих старых позиций по крестьянскому вопросу, свидетельством чего было появление в 1919 г. работ В. Коларова «Крестьяне и коммунизм» и Бр. Илиева «Коммунизм и крестьяне». Обе брошюры были написаны под влиянием трудов В. И. Ленина, решений VIII съезда РКП(б) и принятой на нем программы РКП(б).

Решения II конгресса Коминтерна, принятые с участием делегации БКП, в особенности тезисы по аграрному вопросу содействовали развитию новых взглядов по крестьянскому вопросу. На III съезде БКП в 1921 г. был специально обсужден вопрос о работе партии в деревне и принята резолюция¹⁹². Историческое значение ее состояло в том, что БКП в ней впервые определила, исходя из принципов ленинизма, свое отношение к трудящимся крестьянам и союзу рабочих с крестьянами.

Процесс идеологического вооружения БКП ленинскими идеями был долгим. Лишь во время Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. были заложены традиции совместной борьбы рабочих и крестьян, сделаны решительные шаги по пути большевизации БКП.

V

Создание Чехословацкой Республики в 1918 г. содействовало распространению националистических и конституционных иллюзий в широких слоях чешского народа. Распространению буржуазно-националистической и реформистской идеологии всемерно содействовало оппортунистическое руководство социал-демократической и Чехословацкой социалистической партий. Они выдвигали главным аргументом для оправдания своей политики коалиции с национальной буржуазией возможность утраты добытой в тяжелой борьбе национальной независимости.

Сила пробудившегося к активной политической жизни более чем трехмиллионного рабочего класса республики была в значительной степени ослаблена расколом единства рядов пролетариата по партийной, профсоюзной и национальной линии еще со времен австро-венгерской монархии.

В результате раскола рабочего движения по национальному признаку существовали самостоятельные немецкая, венгерская и другие социал-демократические партии. Подобная же раздробленность, отражавшая особенности предшествующего развития была и в профсоюзных организациях. Кроме социал-демократической партии, бесспорно являвшейся самой влиятельной партией в среде чехословацких трудящихся, серьезные позиции в чешском рабочем классе имела и Чехословацкая социалистическая партия. Будучи неоднородной по составу, она представляла собой по сути конгломерат разнообразных мелкобуржуазных групп и течений — от ярко выраженных буржуазно-националистических и либеральных до анархистских. Партия вела за собой значительную часть отсталых рабочих, а после своего слияния в 1918 г. с анархо-коммунистами ее стало поддерживать известное число рабочих, недовольных оппортунистической политикой лидеров социал-демократии и шедших за честными, революционно настроенными, но во многом в то время

¹⁹¹ См. «Рабочнически вестник», 10 и 15.XII 1917.

¹⁹² «БКП в резолюции...», т. II, стр. 96—111. См. также статью Д. Тишева. За работата на БКП в селе през 1917—1921 г. «Известия на Института по история на БКП», София, 1958, № 3—4.

заблуждавшимися руководителями анархо-коммунистических групп — Б. Врбенским, Л. Ландовой-Штыховой, С. К. Нейманом.

Поэтому кристаллизация, идейное и организационное оформление левого революционного направления в рядах чехословацких социал-демократов и социалистов проходили первоначально несколько более замедленными темпами, чем в ряде других европейских стран. Однако под воздействием внутренних экономических и политических условий, влияния социалистической революции в России пролетариат Чехословакии начинал вступать на путь самостоятельной классовой политики.

В 1919 г. формируется левое революционное крыло и в Чехословацкой социал-демократической партии, и в партии чехословацких социалистов. В чехословацкой социал-демократической партии оно складывается во главе с выдающимися представителями чехословацкого с.-д. движения: Б. Шмералем, И. Гибешем, А. Запотоцким, И. Гакеном и др.

Основной костяк левого крыла Чехословацкой социалистической партии составили члены бывшей федерации анархо-коммунистов. В Чехословакии, как и в других капиталистических странах, шел процесс распада анархизма. В. И. Ленин писал летом 1920 г., что «среди анархистов после войны во всем мире происходит глубокое идейное разделение по вопросу об отношении к диктатуре пролетариата и Советской власти. При этом, именно среди пролетарских элементов, которых часто толкала к анархизму совершенно законная ненависть к оппортунизму и реформизму партий II Интернационала, заметно в особенности правильное понимание этих принципов, и притом тем более распространяющееся, чем ближе знакомство их с опытом России, Финляндии, Венгрии, Латвии, Польши, Германии»¹⁹³.

Сложен, но неизбежен был переход передовых элементов чехословацкого рабочего класса на сторону последовательной революционной борьбы. В этом переходе значительную роль сыграло знакомство с опытом русской революции, изучение работ В. И. Ленина.

Одной из первых предприняла переводы трудов В. И. Ленина на чешский язык чехословацкая рабочая организация в Чикаго, издавшая уже в конце 1918 г. брошюру Владимира Ильича «Очередные задачи Советской власти», и вслед за этим и другие его работы, вскоре получившие широкое распространение и в Чехословакии. Как уже упоминалось выше, чехословацкие коммунисты в России в 1919 г. издали десятитысячным тиражом на чешском языке такие основополагающие труды В. И. Ленина, как «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Ряд статей Ленина вышел в Словакии летом 1919 г., в период существования Словацкой Советской Республики. Еще более широко познакомились чехословацкие трудящиеся с ленинскими работами, когда их систематически стали публиковать газеты и журналы левых социал-демократов и социалистов. Так, в марте 1919 г. кладненская «Свобода» опубликовала на своих страницах изложение работы Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Еще ранее, в феврале 1919 г., сначала «Свобода», а затем «Дельници деник» печатают выдержки из ленинской работы «Государство и революция». В мае 1919 г. «Червень» публикует сокращенный перевод 1-й главы этой книги. В октябре эту же ленинскую работу начинает систематически печатать «Социальни демократ». Осенью газеты левых социал-демократов и социалистов публикуют тезисы и доклад В. И. Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре.

¹⁹³ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 31, стр. 176.

В 1920 г. левые социал-демократы выпускают отдельной брошюрой «Великий почин», в издательстве «Червень» выходит полный перевод книги «Государство и революция», распространяется и изданное в России на чешском языке произведение Ленина «III Интернационал», а «Свобода», «Ровность», «Форверс» и «Червень» публикуют статьи Ленина «Об основании Коммунистического Интернационала», «Третий Интернационал и его место в истории» и обширные выдержки из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В 1921 г. вышла книга «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Влияние ленинских идей было огромно. К. Готвальд позднее писал: «Только ленинизм открыл глаза сотням тысяч социал-демократических рабочих. Я еще сегодня вспоминаю, что творилось во мне, когда я читал первую ленинскую книгу. Эта книга была «Государство и революция». Она была для меня откровением. Мне как будто открыли глаза и сразу же стало ясно многое, около чего я плутал долгие годы, как слепой. Это же переживали тысячи других рабочих»¹⁹⁴.

«Статьи и книги Ленина воздействовали тогда на нас, — писал руководитель немецких левых социал-демократов в Чехословакии К. Крейбих, — как воздействовало на нас в молодости первое чтение сочинений Маркса и Энгельса. Для нас как бы еще раз возрождался революционный марксизм. Так оно в действительности и было...»¹⁹⁵.

Эту же мысль подчеркивал и С. Нейман. В начале 1920 г. он писал: «Не может быть никаких споров о том, что создание III Интернационала и все, что этому предшествовало — русская революция, возникновение и успехи Советской республики, защита революционного социализма в тезисах большевистского, спартаковского и т. д. коммунизма — совершили в мыслях анархо-коммунистов огромное потрясение и переворот». Все это было даже больше того, что мы до войны могли себе представить, подчеркивал Нейман, — «это огромный шаг социализма вперед, это нечто такое, за что мы должны ухватиться обеими руками, если не хотим играть роль убогих филистеров, которые о свободе и революции лишь декламируют, ибо боятся быть втянутыми в какое-либо действие большее, чем простое политиканство»¹⁹⁶.

Так в Чехословакии, как и во всей Западной Европе, начинался тот, по определению В. И. Ленина, «трудный, медленный, мучительный переход» от желания быть революционными и от разговоров о революции к действительной революционной работе. Этот переход лучших элементов рабочего класса под знамя революционного марксизма шел медленно и трудно еще и потому, что, как отмечал Ленин, «в Западной Европе почти нет людей, переживших сколько-нибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт»¹⁹⁷. Послевоенный революционный кризис создавал условия для приобретения такого опыта, в частности, чехословацкими революционерами.

Летом 1919 г. при братской помощи венгерского пролетариата произошла пролетарская революция в Словакии. Советское правительство Словакии немедленно приняло меры, чтобы наладить связь и взаимодействие с чешским пролетариатом, с Российской, Украинской и Венгерской Советскими Республиками. Первое слово приветия словацких трудящихся было обращено к В. И. Ленину: «Товарищ Ленин! — гласила

¹⁹⁴ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. VI, str. 75.

¹⁹⁵ «Rudé právo», 24.I 1928.

¹⁹⁶ Цит. по E. S t r o h s o v á. Cesta St. K. Nejmanna ke komunistické straně. Praha, 1954, str. 92—93.

¹⁹⁷ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 32, стр. 489.

приветственная телеграмма. — С радостью сообщаем Вам, уважаемый товарищ, что словацкий пролетариат создал Словацкую Советскую Республику. Разрешите поздравить Вас, вождя международного пролетариата, от имени Словацкого Революционного Правительственного Совета, собравшегося на свое организационное заседание. Да здравствует мировая революция! Да здравствует мировой пролетариат! Да здравствует III Интернационал!»¹⁹⁸

Рассматривая провозглашение Словацкой Советской Республики как необходимый шаг на пути к созданию равноправного союза социалистических республик, народов, освободившихся из-под гнета бывшей австро-венгерской монархии, коммунисты Словакии прежде всего считали себя обязанными содействовать победе пролетарской революции на остальной территории Чехословакии.

Историческое, международное значение новых советских республик в Западной Европе заключалось, по определению В. И. Ленина, в том, что их существование помогало «даже слепцам прозреть» и показывало, что диктатура пролетариата не какое-то «чисто русское» явление, а образец для всех. В этом заключалось то главное, что характеризовало значение пролетарской революции в Венгрии, Баварии и Словакии. Словацкая Советская Республика стала боевым форпостом, откуда «бациллы большевизма» непосредственно и активно воздействовали на буржуазный порядок в Чехословакии.

Пролетарская революция в Словакии содействовала дальнейшему размежеванию оппортунистических и революционных элементов в рядах чехословацкого рабочего класса, в социал-демократической партии. Осенью 1919 г. процесс дифференциации революционного и соглашательского направлений в рабочем движении республики вступил в новую фазу. 7 декабря 1919 г. в Праге была созвана нелегальная конференция сторонников левого революционного крыла. «Марксистской левой» стали называть эту революционную фракцию внутри социал-демократической партии.

Чехословацкие революционные социал-демократы правильно выдвигали задачу завоевания большинства рабочего класса на свою сторону, задачу сохранения массовой партии пролетариата. Но необходимость последовательной борьбы против оппортунизма, создания идейно и организационно сплоченной массовой революционной партии нового типа еще не была понята ими. Левые еще не поняли, что только под руководством такой партии возможен, в каких бы формах он ни осуществлялся, революционный переход к новому общественному строю.

В марте 1920 г. в Москву приехал один из выдающихся деятелей чехословацкого рабочего движения, руководитель левой оппозиции в Чехословацкой социал-демократической партии, Богумир Шмераль. В. И. Ленин дважды встречался и беседовал с ним. «Его интересовал, — вспоминал позднее Шмераль, — каждый самый маленький факт, который я могу ему сообщить о положении и настроениях в Чехословакии и в средней Европе»¹⁹⁹. В первой беседе (5 мая 1920 г.) Ленина больше всего интересовал национальный вопрос в Чехословакии, ибо, как заявил он Шмералю, положение в чехословацком рабочем движении очень сложное именно вследствие того, что путь к объединению чешского и немецкого пролетариата крайне затрудняется всем предшествующим развитием.¶

¹⁹⁸ М. Vietor. Slovenská sovietska republika v r. 1919, Bratislava, 1955, dok. N 41, str. 348.

¹⁹⁹ Б. Шмераль. Из дневника. «Воспоминания о Ленине», т. 2, М., 1957, стр. 518.

«Вы должны добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился у вас в одном фронте. Если бы этого не случилось, классовая борьба проходила бы у вас в более болезненных формах».

Подчеркнув значение борьбы за национальную независимость, Ленин отметил, что в эпоху империализма эта борьба будет все более приобретать характер борьбы антиимпериалистической, ибо практика жизни скоро покажет целым нациям обманчивость формального осуществления принципа «национального самоопределения».

«Во всех вновь созданных малых государствах,— отметил Ленин,— и в колониях трудящиеся увидят на практике, как недостаточно и для нации в целом освобождение только политическое». Вместе с тем В. И. Ленин предупреждал Шмерала, что с предрассудками мелкой буржуазии, ее национальным эгоизмом, ее национальной ограниченностью придется считаться и тогда, когда между чешским и немецким пролетариатом будет уже преодолено недоверие. 21 мая, во время второй беседы В. И. Ленина со Шмералем, речь шла о создании Коммунистической партии в Чехословакии. В. И. Ленин дал советы, как, не теряя связи с основной массой рабочих, организованных в социал-демократической партии, создать коммунистическую партию.

Летом 1920 г. в работе II конгресса Коммунистического Интернационала участвовали представители левой, революционной оппозиции Социал-демократической партии Чехословакии.

К этому времени в Чехословакии произошел переход сознательных элементов в рабочем движении на сторону III Интернационала. В стране усилилась борьба за его принципы. Однако процесс подготовки пролетариата к борьбе за власть еще только начинался. Оппортунисты еще не были разоблачены и изолированы. Иллюзии и колебания даже в среде руководства революционной оппозиции не были изжиты.

В. И. Ленин уделил большое внимание чехословацкой делегации, прибывшей на конгресс. Он принял в Кремле А. Запотоцкого и других чехословацких делегатов и беседовал с ними по ряду политических вопросов²⁰⁰, в том числе и о положении в Социал-демократической партии Чехословакии. Ссылаясь на опыт русских большевиков, Ленин предупреждал представителей «марксистской левой», что правые так просто не уступят руководства партией, и силы правых, пока руководящие органы у них в руках, не следует недооценивать. Ленин предостерегал от излишней наивности и указывал, что оппортунисты не остановятся ни перед расколом, ни перед другими шагами, лишь бы удержать влияние и власть в партии²⁰¹.

Исполнительный Комитет III Интернационала 26 августа 1920 г. обратился со специальным посланием к чехословацкому рабочему классу, в котором указывалось, что Исполком с радостью констатирует быстрое развитие революционного рабочего движения в Чехословакии, благодарит чехословацкий рабочий класс за его борьбу в защиту Советской России против интервенционистской политики капиталистических государств. Пропаганда принципов III Интернационала, говорилось в послании марксистской левой, в рядах старой социал-демократической партии, среди социал-демократических рабочих, находится в соответствии с решениями Исполкома. Однако Исполком предупреждал насчет опасности

²⁰⁰ См. А. Запотоцкий. «Воспоминания о Ленине». «Иностранная литература», 1955, № 5, стр. 10.

²⁰¹ А. Запотоцкий. Красное зарево над Кладно. М., 1954, стр. 317.

абсолютизации лозунга «все для единства партии», а кроме того, критиковал некоторые пункты программного документа о парламентской тактике левых, как не соответствующие тактике III Интернационала. Создание единой коммунистической партии республики, объединяющей все действительно революционные силы, — вот основная задача чехословацкого пролетариата, подчеркивалось в послании.

Работа II конгресса Коминтерна широко освещалась в чехословацкой рабочей печати. В частности, кладненская «Свобода» регулярно печатала письма А. Запотоцкого о конгрессе и его решениях. В организациях социал-демократической партии активно обсуждалось 21 условие приема в Коммунистический Интернационал, выработанное II конгрессом.

1920 год явился годом наивысшего подъема массового революционного движения трудящихся Чехословакии в послевоенный период. Все более действенным ускорителем революционного брожения становилась в то время агитация революционных элементов в социал-демократической и социалистической партиях.

В летние месяцы 1920 г. создались благоприятные условия для дальнейших наступательных действий чехословацкого пролетариата. Однако в силу того, что в стране не было революционной марксистской партии нового типа, решительное выступление рабочего класса против буржуазной диктатуры не совпало по времени с наиболее благоприятными объективными внешними и внутренними условиями. Оно произошло позже, в конце 1920 г., когда правящие круги Чехословакии в сговоре с правыми социал-демократами сами спровоцировали выступление с тем, чтобы разгромить рабочее движение.

В начале декабря 1920 г. в ответ на провокационное вмешательство правительственных органов во внутрипартийный спор об имуществе партии в стране началась по призыву марксистской левой политическая забастовка, охватившая более 800 тыс. промышленных и сельскохозяйственных рабочих страны. Забастовка, сопровождавшаяся в ряде мест вооруженными столкновениями бастующих с правительственными войсками.

Декабрьская политическая забастовка окончилась поражением трудящихся.

Революционный авангард, понесший серьезный урон, вступил в новую полосу собирания сил, критического анализа уроков и ошибок движения, претворения в жизнь практических выводов, вытекавших из опыта первых классовых битв.

Основной вывод заключался в том, что необходима марксистско-ленинская партия, способная подготовить и возглавить победоносный социалистический переворот. Марксистская левая, имевшая большие и бесспорные заслуги перед чехословацким народом, не была еще такой партией. На ее деятельности сказывалась идеологическая незрелость, политическая и организационная слабость.

16 января 1921 г. на съезде в г. Любохне словацкие левые социал-демократы, извлекая уроки из декабрьских событий, сделали необходимый практический шаг, заявив о согласии с принципами III Интернационала и готовности действовать в соответствии с ними. Делегаты съезда приняли все условия вступления в III Коммунистический Интернационал.

12 марта в Либереце на съезде немецких левых социал-демократов была создана временная немецкая секция Коммунистической партии Чехословакии и принято решение о вступлении в III Интернационал. Совершая этот важный шаг, немецкие коммунисты Чехословакии сознавали, что в конце концов успех революционной борьбы в республике будет зависеть от такого же шага левых чешских социал-демократов, и

высказали свое согласие с мнением Исполкома Коминтерна, изложенным в приветствии съезду немецких левых. Исполком Коминтерна в этом документе заявил, что не скрывает того, что с большей радостью приветствовал бы инициативу создания единой Чехословацкой коммунистической партии, если бы она исходила из рядов чешских и словацких рабочих, ибо с международной точки зрения «...в массах чешских и словацких рабочих лежит не только центр тяжести революции в Чехословакии, но и центр тяжести революции во всей Юго-Восточной Европе, а с точки зрения внутренней было бы для дальнейшей борьбы полезней, чтобы инициатива исходила из рядов рабочего класса господствующей нации»²⁰².

Однако, несмотря на наличие в среде чешской и словацкой левой социал-демократии значительного числа сторонников немедленного создания единой интернациональной коммунистической партии Чехословакии, в руководстве еще не было единого мнения по этому вопросу.

Состоявшийся в середине мая 1921 г. в Праге съезд левых чехословацких социал-демократов единодушно принял решение о переименовании партии в Коммунистическую и о вступлении в Коммунистический Интернационал. Однако, опасаясь, что немедленное объединение с немецкими коммунистами в силу имевшихся националистических предрассудков оттолкнет от партии часть чешских рабочих социал-демократов, съезд не принял соответствующего решения.

Вопросу о принятии Коммунистической партии Чехословакии в Коминтерн и чехословацкому вопросу вообще много времени уделил III конгресс Коммунистического Интернационала. Дискуссии по чехословацкому вопросу имели место на узком и расширенном пленуме Исполкома Коминтерна при участии большой (22 человека) делегации из Чехословакии, перед открытием пленарного заседания конгресса. В ходе дискуссий было отмечено, что в среде чехословацких коммунистов существует известная переоценка принципа массовости партии в социал-демократическом духе. Вместе с тем в партии были сектантские и «ультра-левые» элементы, отрицавшие необходимость борьбы за массы. Выступая на пленарном заседании конгресса, Ленин горячо поддержал Б. Шмерала в его стремлении создать массовую партию. В то же время Ленин подчеркивал, что выступление Шмерала на майском съезде, в котором он утверждал, что революция может обойтись без жертв, нельзя считать правильным; «...такая агитация, — говорил Ленин, — не коммунистична и не революционна»²⁰³. Ленин рекомендовал руководящей группе во главе со Шмералем сделать три шага влево, а группе Крейбиха — шаг вправо²⁰⁴.

В. И. Ленин, внимательно ознакомившись с положением в Чехословакии, в беседе со Шмералем и Крейбихом указал Крейбиху на то, что его возражения против якобы чересчур осторожной политики Шмерала не выдерживают критики. «Коммунистический политик, — говорил Ленин, — тем более если он стоит во главе массовой партии, обязан действовать осторожно»²⁰⁵.

Ленинская критика помогла чехословацким коммунистам вести борьбу как против «ультралевого» сектантства, так и против пережитков социал-демократизма в рядах КПЧ. III конгресс Коминтерна принял решение о принятии КПЧ в его ряды при условии, что в ближайшее время

²⁰² «Založení Komunistické strany Československa, Sb. dokumentů ke vzniku a založení KSČ. Praha, 1954, str. 96.

²⁰³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 464.

²⁰⁴ См. «Ленинский сборник», т. XXXVI, стр. 285.

²⁰⁵ «Novořili s Leninem». Praha, 1950, str. 37.

будет создана единая интернациональная Коммунистическая партия Чехословакии.

30 октября 1921 г. в Смихове (пригород Праги) собрался Объединительный съезд КПЧ, где полностью объединились все коммунистические национальные партии и группы республики. В резолюции съезда говорилось: «Представители чешского, словацкого, немецкого, польского, венгерского и украинского пролетариата, собравшись на совместный объединительный съезд, приветствуют решение III конгресса Коммунистического Интернационала, который высказал пожелание о том, чтобы была создана единая интернациональная коммунистическая партия Чехословакии. Мы готовы провести объединение с тем большим энтузиазмом, что пожелание III конгресса Коминтерна находится в полном согласии с волей пролетариата всех наций нашего государства».

VI

Революционная волна, прокатившаяся по всей Европе после Октябрьской социалистической революции, и крах Австро-Венгрии создали условия для образования в декабре 1918 г. самостоятельного Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия).

Власть в новом государстве захватила сербская крупная буржуазия. Она жестоко эксплуатировала рабочий класс, обманула надежды крестьян на получение земли, проводила политику великосербского шовинизма.

Война оставила новому государству тяжелое наследство. И без того слабая промышленность была разрушена, сельское хозяйство пришло в упадок, в стране царили голод, обнищание, разорение.

Сербия находилась, по определению Ленина, «в положении совершенно отчаянном»²⁰⁶.

Рабочий класс и беднейшее крестьянство Югославии видели выход в том, чтобы пойти по пути своих русских братьев. Вести из России о переходе фабрик и заводов в руки трудящихся, о ленинском декрете о земле доходили до Югославии через все рогатки. После Октябрьской революции из России на родину вернулось около 15 тыс. бывших пленных — сербов, хорватов и словенцев²⁰⁷. Эти «возвращенцы из России» распространяли идеи Октября, рассказывали правду о большевиках, о Ленине, становились организаторами революционных выступлений.

Уже 5 декабря 1918 г., в первые дни после образования Югославии, в Загребе вспыхнули волнения, в которых участвовали, по определению тогдашних загребских властей, «большевистски настроенные войска»²⁰⁸.

Весна 1919 г. была ознаменована массовыми забастовками рабочих и крестьянскими выступлениями.

Трудящиеся Югославии, отстаивая свои классовые интересы, в то же время выступали в поддержку Советской России, выражали свою солидарность с Венгерской и Баварской Советскими Республиками. В стране складывалась революционная ситуация.

В этой обстановке уже давно наметившийся раскол в социалистическом движении в Югославии усилился: революционные элементы стремились отмежеваться от соглашателей и реформистов и создать свою партию. Образование Коминтерна способствовало объединению всех социалистических партий и группировок Югославии на основе принципов, провоз-

²⁰⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 421.

²⁰⁷ Б. Зихерл. Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Югославии. М., 1958, стр. 9.

²⁰⁸ См. Ф. Čulinović. Odjeci Oktobra u jugoslovenskim krajevima. Zagreb, 1957, str. 434.

глашенных Коминтерном. Инициатором такого объединения явилась Сербская социал-демократическая партия, в которой возобладали левые социалисты. Она обратилась к бюро Коминтерна с приветствием, в котором говорилось, что в югославянском пролетариате сильны коммунистические течения, и сообщалось, что через восемь недель созывается югославянский социал-демократический конгресс для организации единой югославянской рабочей партии. Нет сомнения, подчеркивалось в этом документе, что победу одержит коммунистическое течение. Приветствие югославских социал-демократов было напечатано в первом номере журнала «Коммунистический Интернационал», вышедшем 1 мая 1919 г.²⁰⁹

20—23 апреля в Белграде состоялся I Объединительный съезд Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов). На съезде в единую партию объединились социал-демократические партии Сербии, Боснии и Герцеговины, социалистическая партия Далмации, подавляющее большинство членов социал-демократической партии Хорватии и Славонии, отмежевавшихся от оппортунистического руководства, организации из Воеводины, Македонии и Черногории. Съезд почти единогласно высказался за объединение на платформе III Интернационала. Группа коммунистов выступила на съезде с заявлением о необходимости создания единого классового фронта революционного пролетариата. Это заявление вызвало бурю оваций по адресу русского пролетариата и его вождей²¹⁰.

Участники Объединительного съезда, положившего начало созданию Коммунистической партии Югославии, искренне приветствовали большевиков России во главе с Лениным. Один из первых руководящих деятелей КПЮ, Живко Иованович, в серии статей «Большевизм и большевики», опубликованной в газете «Радничке повине» незадолго до Объединительного съезда, отмечал революционность большевизма и призывал идти по его пути²¹¹.

Однако решения Объединительного съезда по ряду принципиальных вопросов свидетельствовали о том, что новая партия во многом еще руководствовалась социал-демократическими концепциями, в частности, в национальном вопросе.

В Социалистическую рабочую партию Югославии (коммунистов) вошло немало людей с социал-демократическими и мелкобуржуазными взглядами, от которых они не отказались²¹². В результате съезд даже не поставил важнейшего для Югославии национального вопроса, не занял правильной позиции по крестьянскому вопросу. Принятый на съезде устав мало чем отличался от прежних уставов социал-демократических партий и был далек от организационных принципов большевизма.

Тем не менее создание Коммунистической партии Югославии имело историческое значение для югославского народа. Она привлекала в свои ряды преданных борцов за власть трудящихся. Партия заняла интернационалистическую позицию, выразив свою солидарность «с делом русского и венгерского рабочего класса»²¹³.

После I съезда КПЮ буржуазное правительство усилило преследования революционных элементов. Многие делегаты съезда по возвращении были арестованы, некоторые организации (особенно в Боснии и Воевдине) — ликвидированы. Накануне 1 Мая 1919 г. югославские власти

²⁰⁹ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 77.

²¹⁰ См. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, стр. 1097.

²¹¹ «Чланци и говори д-ра Живко Иовановича», Београд, 1957, стр. 81.

²¹² См. «V конгрес КПЈ», Београд, 1948, стр. 17.

²¹³ «Историјски архив КПЈ», т. II, Београд, 1949, стр. 24.

арестовали около тысячи членов партии — и среди них многих членов Центрального Комитета ²¹⁴.

Но, несмотря на преследования, партия росла. Вскоре после создания она уже насчитывала 60 тыс. членов ²¹⁵. Под ее влиянием находились профсоюзные организации, объединявшие 300 тыс. человек. «Вот уже полгода мы существуем, как секция III Интернационала, и несмотря на ужасную реакцию ведем коммунистическую пропаганду» ²¹⁶, — говорилось в сообщении Центрального Комитета Социалистической рабочей партии (коммунистов) Югославии, адресованном в октябре 1919 г. Коминтерну.

К этому документу редакция журнала «Коммунистический Интернационал», выходившего при ближайшем участии В. И. Ленина, дала следующее редакционное примечание:

«Братски приветствуем югославянских товарищей и уверены, что последние остатки идеологии II Интернационала скоро будут окончательно изжиты в Югославии и уступят место точной и ясной политике коммунизма» ²¹⁷. Это примечание свидетельствовало о том, что руководство Коминтерна внимательно следило за развитием Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) и указывало ей на необходимость избавиться от реформистского наследия.

Революционная обстановка в стране требовала от партии революционных действий. Весь 1919 год и первая половина 1920 г. были отмечены многочисленными забастовками.

Однако партия оказалась пока еще неподготовленной к тому, чтобы повести пролетариат и трудовое крестьянство на революционную борьбу с капиталистами и помещиками. Руководство партии стояло на оппортунистических позициях. К середине 1920 г. в партийном руководстве видную роль играли центристы, сторонники 2¹/₂ Интернационала, которые, однако, не имели опоры среди рядовых членов партии.

В условиях нарастания революционного движения в стране и вместе с тем усиления оппортунизма в руководстве партией с 20 по 25 июня в Вуковаре состоялся II съезд Социалистической рабочей партии (коммунистов), на котором присутствовало 374 делегата. К тому времени в партии ясно определились три течения: правое, центристское и левое. На самом съезде развернулась ожесточенная борьба между правыми и центристами, с одной стороны, и левыми — с другой ²¹⁸. Съезд абсолютным большинством голосов отклонил предложения и резолюции, выдвинутые сторонниками II Интернационала.

Вуковарский съезд принял программу и устав партии. В этих документах не нашли отражения ленинские установки по национальному и аграрному вопросам. Программа имела большие недостатки. О национальном вопросе говорилось лишь вскользь. «Партия и впредь будет защищать национальное единство» ²¹⁹, — провозглашала программа, что по существу не противоречило установкам великосербской буржуазии в национальном вопросе.

По аграрному вопросу выдвигалось ошибочное положение о «социализации» крупных имений, причем не указывалось, получит ли землю беднейшее крестьянство ²²⁰.

²¹⁴ «Коммунистический Интернационал», 1928, № 17, стр. 42.

²¹⁵ «Историјски архив КПЈ», т. II, ст. 10.

²¹⁶ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же, 1928, № 17, стр. 42.

²¹⁹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 28.

²²⁰ Там же.

На съезде были приняты резолюции о политическом положении и задачах партии, приветствия Советской России и венгерскому пролетариату, обращение к пролетариату Югославии и другие документы.

Одобренная Вуковарским съездом программа свидетельствовала о незрелости партии, но вместе с тем и о том, что партия вступает на путь революционной классовой борьбы — в этом заключалось положительное значение программы ²²¹.

Что касается утвержденного съездом устава, то он по-прежнему был проникнут духом социал-демократизма.

Вуковарский съезд постановил переименовать партию в Коммунистическую партию Югославии.

В. И. Ленин, формулируя условия приема в Коммунистический Интернационал, подчеркивал, что вопрос о названии является не только формальным, но и большой важности политическим вопросом. Коммунистический Интернационал объявил решительную борьбу всему буржуазному миру и всем желтым социал-демократическим партиям. «Необходимо, — подчеркивал Ленин, — чтобы каждому рядовому труженику была совершенно ясна разница между коммунистическими партиями и старыми официальными «социал-демократическими» или «социалистическими» партиями, которые предали знамя рабочего класса» ²²².

II конгресс Коммунистического Интернационала не занимался специально югославским вопросом, но тем не менее коснулся положения в КПЮ и дал ему оценку. При обсуждении условий приема в Коминтерн было отмечено, что хотя югославская партия и стала называться коммунистической, в ее центральном органе печаталось множество реформистских статей ²²³.

Югославский делегат на конгрессе Милкич возражал против обвинений КПЮ в оппортунизме и безосновательно пытался доказать, что «югославская коммунистическая партия может быть поставлена в пример всем другим коммунистическим партиям» ²²⁴.

Но конгресс не согласился с Милкичем и резко осудил проявления оппортунизма в КПЮ. К такому выводу можно придти, сопоставив два документа.

В первоначально сформулированных В. И. Лениным условиях приема в Коммунистический Интернационал отмечалось, что «в некоторых крупных партиях (Италия, Швеция), большинство которых стоит на точке зрения коммунизма, до сих пор остается значительное реформистское и социал-пацифистское крыло, которое только ожидает момента, чтобы вновь поднять голову, начать активный саботаж пролетарской революции и тем помочь буржуазии и II Интернационалу» ²²⁵.

Ленинские тезисы легли в основу утвержденной II конгрессом Коминтерна резолюции об условиях приема в Коммунистический Интернационал. Однако цитированный выше ленинский перечень коммунистических партий, в которых оставалось значительное реформистское и социал-демократическое крыло конгресса, Коминтерн дополнил. К таким партиям была отнесена и Коммунистическая партия Югославии ²²⁶.

²²¹ См. «V конгресс КПЮ», стр. 18.

²²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 186.

²²³ «II конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», Петроград, 1921, стр. 208.

²²⁴ Там же, стр. 237.

²²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 187.

²²⁶ «II конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», стр. 561.

Это дополнение к ленинскому тексту условий приема в Коминтерн было, видимо, сделано с одобрения В. И. Ленина.

Дальнейший ход событий в Югославии подтвердил справедливость оценки положения в КПЮ, данной Коминтерном. Руководство КПЮ, избранное на Вуковарском съезде, по существу проводило такую же оппортунистическую политику, как и руководство, избранное на Объединительном съезде. Оно не стремилось использовать растущее влияние партии в массах (на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1920 г. КПЮ получила 58 мандатов из 419) для отпора буржуазии, которая перешла в наступление на рабочий класс и его организации.

30 декабря 1920 г. югославское правительство издало декрет (так называемую «обзпану») о запрещении деятельности КПЮ, Союза коммунистической молодежи Югославии и революционных профсоюзов. В этом декрете югославские коммунисты обвинялись в том, что они хотят действовать по примеру русских большевиков²²⁷.

Вскоре после «обзпаны» был принят закон о защите государства, объявивший КПЮ вне закона и грозивший каторжными работами и смертной казнью за коммунистическую агитацию.

КПЮ на долгие годы вынуждена была уйти в подполье и вести борьбу в условиях зверского террора и преследований.

Как отмечалось в изданной в 1921 г. Коминтерном брошюре «Армия Коммунистического Интернационала», эти преследования застигли Коммунистическую партию Югославии врасплох²²⁸. Руководители КПЮ были арестованы, коммунистические депутаты исключены из парламента и также арестованы, партии был нанесен тяжелый удар²²⁹.

Основная слабость возникшей КПЮ состояла в том, что партия ни в идеологическом, ни в организационном отношении не была последовательно революционной.

Коммунистический Интернационал стремился помочь КПЮ оправиться после нанесенного ей удара, указывал на ее слабости и ошибки, IV конгресс Коминтерна в ноябре 1922 г. специально рассмотрел югославский вопрос. Конгресс создал югославскую комиссию, которая проанализировала положение в КПЮ и представила свои рекомендации.

В резолюции IV конгресса Коминтерна по югославскому вопросу отмечалось, что наряду с объективными причинами тяжелое положение, в котором оказалась Коммунистическая партия Югославии, в значительной степени должно быть отнесено на счет ее внутренней слабости: ее внешний рост не соответствовал ни развитию, ни сплоченности организации, ни уровню коммунистического сознания членов партии... руководящий орган партии совершил ряд серьезных ошибок и промахов...²³⁰

Марксистско-ленинский анализ положения в КПЮ помог югославским коммунистам в тяжелых условиях подполья собрать и сгруппировать пролетарские элементы, приступить к укреплению Коммунистической партии Югославии, усилить борьбу против буржуазного строя.

* * *

Более 40 лет прошло с тех пор, как великий Ленин помогал создавать коммунистические партии в Польше, Болгарии, Чехословакии и Юго-

²²⁷ Цит. по книге F. Čulínovič. *Odjeci Oktobra u jugoslovenskim krajevima*, str. 463.

²²⁸ «Армия Коммунистического Интернационала», Петроград, 1921, стр. 58.

²²⁹ См., «V конгрес КПЈ», стр. 26.

²³⁰ См. «Коммунистический Интернационал в документах», М., 1933, стр. 363.

славии. Он направлял их первые шаги, отмечал успехи, указывал на ошибки. Как и многие другие коммунистические партии, компартии славянских стран в первые годы своего существования имели драгоценную возможность пользоваться непосредственной помощью Ленина при решении сложных вопросов, которые выдвигали жизнь и революционная борьба. Ленин учил творческому применению марксизма, непримиримости в борьбе с врагами революции, с оппортунистами и соглашателями, помогал преодолевать «детские болезни».

В. И. Ленин всемерно способствовал созданию таких партий, которые могли бы обеспечить победу над капитализмом в своих странах.

Образование коммунистических партий Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии имело огромное значение для народов этих стран. Ленинизм стал знаменем, под которым лучшие сыны и дочери польского, чехословацкого, болгарского, югославского народов шли на бой с буржуазным миром, сражались за победу социализма.

Говоря о международном значении большевизма, Ленин отмечал, что «большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать»²³¹.

Этими словами можно охарактеризовать деятельность самого Владимира Ильича Ленина — великого вождя, который помог развитию революционного движения во всех странах так сильно, как никто другой в истории.

²³¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 270.

Д. Ф. Марков

**ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ПАРТИЙНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ
И СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В ЛИТЕРАТУРАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН ***

Одной из замечательных примет нашей современности является то, что социалистический реализм стал самым значительным явлением мировой литературы. Он возник как отражение всемирно-исторической эпохи—эпохи подготовки и торжества социалистических революций—и потому является качественно новым этапом в художественном развитии человечества. В противоположность резко обозначившемуся кризису буржуазной культуры, формами выражения которого явились различные модернистские течения с их открытым или завуалированным отказом от правды жизни, социалистический реализм утверждает широчайшие возможности образного познания действительности во всей сложности ее социальных противоречий. Духовному тупику, идейной сумятице он противопоставил глубокое понимание закономерностей общественного развития. Потому новый творческий метод все более становится центром притяжения всех прогрессивных литераторов мира. Сегодня по этому пути, вместе с советскими писателями, идут писатели стран народной демократии, а также наиболее передовые художники слова стран капитала. Литература социалистического реализма создала такие эстетические ценности, которые, несомненно, являются вершинами достижения мировой художественной мысли.

И в этих достижениях мы видим величайшую роль животворных ленинских идей, обоснованного В. И. Лениным принципа коммунистической партийности, в котором нашла свое выражение высшая мера идейно-эстетической правдивости.

Значение коммунистической партийности, как жизненной основы социалистического искусства, подтверждено богатым опытом многих национальных литератур мира. Здесь мы рассмотрим опыт литератур зарубежных славянских стран, ограничив себя проследиванием в общих чертах процесса становления социалистического реализма, характеристикой начальной стадии его развития.

В. И. Ленин показал, что в условиях развитых классовых противоречий борьба классов неизбежно принимает политический характер. В таких условиях возникает резкое и осознанное разграничение классовых

* Доклад, прочитанный 14 апреля 1960 г. на научной сессии Института славяноведения АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В подготовке доклада автору оказали большую помощь участники Группы по изучению социалистического реализма Ин-та славяноведения АН СССР.

позиций и именно в этой осознанности состоит сущность партийности. «Партийность,— говорит В. И. Ленин,— есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей»¹. Она предполагает «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

В противовес буржуазной партийности, в основе которой лежит защита своекорыстных интересов эксплуататорских классов и сознательная изоляция от народа, В. И. Ленин выдвинул принцип коммунистической партийности литературы, означающий сознательную и активную защиту интересов рабочего класса.

Идеологи буржуазии извращали и продолжают извращать сущность выдвинутого Лениным принципа, объявляя его узкосектантским и якобы нивелирующим индивидуальное своеобразие художников.

Нам известны и выступления вульгаризаторов и упрощенцев, неверно трактовавших ленинское учение о партийности литературы: одни из них представляли его как неперемнное требование организационной принадлежности писателей к партии; другие ограничивали его значение лишь периодом начала XX в.

Между тем ленинскому учению совершенно чужда узость. Наоборот, оно представляет собой глубоко верное, последовательно научное истолкование путей литературного развития; в нем нашли свое разрешение такие эстетические проблемы, которые являются первостепенными для всей прогрессивной литературы мира и прежде всего для социалистических литератур.

Коммунистическая партийность, по Ленину,—это сознательное выражение интересов рабочего класса, это понимание взаимоотношений классов и перспектив общественного развития. Отсюда вытекает руководящая роль мировоззрения в пролетарской литературе. И так как идеал пролетариата соответствует интересам всех трудящихся, то пролетарская партийность сливается с народностью. Единство коммунистической партийности и народности — сердцевина ленинской теории социалистической литературы.

Принцип коммунистической партийности самым непосредственным образом связан с общей ленинской теорией пролетарской революции. О нем говорится во всех трудах В. И. Ленина, начиная с 90-х годов XIX в. Но характерно, что в качестве практической задачи такой области общественного сознания, как художественная литература, он был выдвинут в 1905 г., в период, когда в России уже ощутимо сказались результаты соединения социализма с рабочим движением, когда сама жизнь выдвинула нового героя — пролетарского революционера. Тем самым Ленин указал на уже реально определившуюся в общественной жизни тенденцию, художественное выражение которой неизбежно становилось особенностью и закономерностью развития новой, социалистической литературы.

В. И. Ленин видел путь развития этой литературы в ее неразрывной связи с развитием революционной борьбы рабочего класса, в постепенном, все более широком, утверждении исторической конкретности изображения. Он писал: «Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 60.

² Там же т. 1, стр. 380—381.

завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)»³.

Открыто и решительно восставая против буржуазного литературного индивидуализма и анархизма, В. И. Ленин вместе с тем неоднократно указывал на необходимость бережного отношения к эстетическим ценностям демократической литературы прошлого. Если учесть, какое широкое распространение имели в свое время всякие сектантские, вульгарно-социологические теории, грубо отменявшие писателей-классиков, можно со всей ясностью представить себе принципиальное значение ленинских высказываний о культурном наследстве, способствовавших преодолению вредного нигилизма и указавших верный путь к решению жизненно важных проблем литературного развития, какой является, например, проблема традиций и новаторства.

Борьба за создание литературы социалистического реализма, возникшего на национальной почве пролетарского революционного движения во многих странах мира, неизбежно была связана с борьбой за утверждение ленинского принципа партийности. Данный процесс в различных национальных литературах проходил по-разному, временами нелегко и длительно. Это зависело от уровня рабочего движения в стране, от близости писателей к этому движению, от их близости к революционным пролетарским партиям, которые постепенно становились на путь усвоения ленинских идей.

Социалистический реализм, как и всякое общественное явление, возник не сразу. Ему предшествовал подготовительный этап, вызревание предпосылок — общественных и литературных. Мы ясно видим, как в странах, о которых идет речь, содержание пролетарской партийности, еще суженное и нечеткое на начальных фазах становления пролетарских литератур, постепенно расширяется, перерастая в определенных исторических условиях в коммунистическую, ленинскую партийность.

Рождение пролетарских литератур в славянских странах относится к последней четверти XIX — началу XX в. На страницах прогрессивной, главным образом социал-демократической, печати в это время стали появляться произведения, выражающие идеологию рабочего класса; выступили писатели и критики, деятельность которых говорила о новом возникающем литературном явлении. Представителями нового были в Болгарии Д. Благоев, Г. Кирков, Д. Полянов; в Польше — Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Р. Люксембург; в Чехословакии — А. Мацек, круг журнала «Руде цветы», в Югославии — К. Абрашевич, Д. Попович.

Социалистическая идейная основа — главная черта творчества всех этих литераторов. Через их произведения в литературу входил новый герой — пролетарий — со своим строем мыслей и чувств. Все они так или иначе были связаны с социал-демократическим движением своей страны, с рождавшимися рабочими партиями. Многие из них (например, Дзержинский, Мархлевский, Люксембург, Благоев, Кирков, Попович) были видными деятелями социал-демократических партий.

Рождавшаяся на заре рабочего движения, в эпоху борьбы за распространение марксизма, за социалистическое просвещение и организацию рабочего класса, новая литература в первый период своего развития носила в основном агитационно-пропагандистский характер. Она возникала как литература революционного оптимизма, раскрывающая величие социалистического идеала. Ее начальные формы различны.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 31.

Очень интенсивно развивалась массовая рабочая поэзия, широкое развитие получила пролетарская революционная песня. Общеизвестно, например, какой огромной популярностью пользовались среди польской прогрессивной общественности созданные первыми социалистами еще в 80-х годах революционные песни «Варшавянка» Вацлава Свенцицкого, «Красное знамя» Болеслава Червеньского, «Кандальная мазурка» Людвика Варыньского. Популярными были и написанные позже песни «На баррикады», «Майский марш» и др. Они были быстро подхвачены рабочими, стали их революционными маршами, неизменно звучали на демонстрациях и иных массовых сборах. По воспоминаниям А. И. Ульяновой, В. И. Ленин хорошо знал эти песни и восхищался ими.

В Болгарии и по сей день известны «Песня труда» и «Марш рабочих» Г. Киркова, созданные в 90-х годах прошлого века. Боевой революционный призыв, романтическая устремленность в будущее — характерные черты творчества Косты Абрашевича, Димитра Полянова и других пролетарских поэтов.

Одна из форм раннего этапа пролетарского литературного движения — революционная художественная публицистика, которая имела довольно широкое распространение в пролетарских литературах разных стран. Она была ведущей формой польской пролетарской литературы 1890 г. — начала 1900-х годов. Статьи, воспоминания, письма Феликса Дзержинского, Юлиана Мархлевского, Розы Люксембург представляют собой живой, эмоционально-образный рассказ об идейно и нравственно стойких революционных борцах, исполненных глубокой веры в социалистическое будущее.

В жанрах революционной публицистики с особой наглядностью проявляется одна из существенных черт пролетарской литературы — ее связь с политикой марксистских партий. Показательно в этом отношении рождение Киркова — писателя. Один из основоположников болгарской социал-демократической рабочей партии, Г. Кирков был в 1897 г. назначен редактором партийного органа — газеты «Работнически вестник», целью которой было проведение агитации и пропаганды среди рабочих. Кирков стремился сделать социалистическую пропаганду живой, интересной. И потому он часто прибегал к образным характеристикам событий и лиц, к образной передаче своих мыслей, проявив в этом отношении незаурядный талант художника, за что его любовно называли Мастером. Его политические статьи перерастали в художественную прозу. Рассказы и фельетоны Киркова, печатавшиеся на страницах газеты «Работнически вестник» в течение 1897—1900 гг., представляют собой несомненное достижение пролетарской литературы Болгарии.

В некоторых странах уже в конце XIX — начале XX в. получила сильное развитие марксистская эстетическая мысль. Большое значение для польской пролетарской литературы имели выступления Р. Люксембург, Ю. Мархлевского, направленные против буржуазно-модернистской эстетики и утверждающие огромную роль передового мировоззрения в художественном творчестве. Известный сербский критик Душан Попович защищал с марксистских позиций принцип классовости искусства. В ряде своих статей он отстаивал пролетарскую партийность литературы против реакционно-буржуазной идейности.

Широко была представлена марксистская эстетическая мысль в Болгарии. Там выступала по вопросам литературы и искусства группа видных деятелей социал-демократической партии — Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Бакалов и др. На страницах партийного органа — журнала «Ново време» — Благоев опубликовал серию статей, изданных в 1901 г.

отдельной книгой, — «Общественно-литературные вопросы». В предисловии автор писал: «Все мои статьи являются плодом моих стремлений приложить к различным общественно-литературным вопросам социалистическую точку зрения и объяснить их с этой точки зрения»⁴.

Благоев, с одной стороны, раскрыл реакционную сущность эстетики буржуазного литературного декаданса, несостоятельность теории «чистого» искусства, с другой — показал историческую обусловленность рождения пролетарской литературы. «Если есть разделение на классы, — писал он, — то естественно, что каждый из этих классов имеет своих идеологов и певцов. Буржуазия имеет своих, а рабочий класс своих»⁵. Еще в 1898 г., сообразуясь с общей логикой классовой борьбы, Благоев с глубокой убежденностью утверждал, что будущее принадлежит социалистической литературе⁶.

Опыт пролетарских литератур со всей очевидностью показывает, что для их развития решающее значение имели уровень революционного рабочего движения и характер деятельности социал-демократических партий. На первом этапе — в период с конца XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции — лишь начинался большой процесс соединения социализма с рабочим движением; социал-демократические партии еще не стали непосредственно на путь превращения в партии нового, ленинского типа. Пролетарские литературы развивались в сложных условиях борьбы революционной социал-демократии с реформистскими влияниями II Интернационала. Часто эти влияния оказывались очень сильными, что, разумеется, отражалось и на литературном процессе.

Верно изобразить соотношение классов, показать в конкретных образах реальную борьбу за социализм — эта основная задача оставалась в период до Октябрьской революции еще не решенной пролетарскими писателями зарубежных славянских стран, хотя в отдельных странах эти писатели составляли большую и сильную группу, влиявшую на общий ход литературного процесса.

Пролетарская литература Болгарии, например, возникла рано и уже в конце XIX — начале XX в. сформировалась как самостоятельное течение, представленное и критикой, и прозой, и поэзией. Это была одна из развитых пролетарских литератур, опыт которой, несомненно, выходит за национальные рамки Болгарии. Последовательно марксистские позиции партии тесняков по ряду основных вопросов общественного движения, ее размежевание со II Интернационалом, ее близость к большевизму, деятельность таких видных марксистских критиков искусства, как Благоев и Бакалов, — все это способствовало успешному развитию новой литературы. И все же она еще не могла сформироваться как литература социалистического реализма, потому что для этого еще не было необходимых предпосылок.

Дело в том, что рабочее движение было еще слабым. Между тем только оно могло послужить источником для создания живых и конкретных образов новой революционной действительности. Партия в тот период еще не была партией ленинского типа. Она допускала ошибки по коренным вопросам теории пролетарской революции. Решительно отстаивая идеологию революционного пролетариата, тесняки, однако, не видели и не использовали борьбу других демократических слоев, недооценивали и даже игнорировали революционные возможности крестьянства. В пар-

⁴ Д. Благоев. Литературно-критические статьи. София, 1951, стр. 64.

⁵ Д. Благоев. Указ. соч., стр. 116—117.

⁶ Там же, стр. 117—118.

тии еще не было ленинского понимания «соотношения и органической связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм»⁷, роли рабочего класса как авангарда всего народа.

Позиция «абсолютной чистоты» пролетарской идеологии привела и в области литературы к сектантской изоляции от общедемократического литературного лагеря, к известному разрыву преемственных связей с ним. Среди пролетарских писателей и критиков установилось неправильное отношение к творчеству ряда выдающихся представителей критического реализма, таких как И. Вазов, Пенчо Славейков, которых ошибочно причисляли к лагерю буржуазных литераторов. При всех своих огромных заслугах Д. Благоев не поднялся до последовательно верного обоснования принципа социалистической партийности литературы: он не мог обосновать единство партийности и народности. С этим связан и вопрос о положительном герое новой литературы, который также не нашел своего ясного разрешения в эстетике Благоева: миссия пролетариата в его трудах не раскрывалась как миссия передового борца, организующего и ведущего за собой все демократические слои населения.

Решение этих проблем могло произойти, во-первых, в обстановке подъема революционной борьбы пролетариата, во-вторых, только на базе ленинизма. Поэтому восприятие ленинских идей становилось совершенно необходимым условием дальнейшего развития пролетарских литератур. Частично о таком восприятии можно говорить, имея в виду отдельные факты литературной жизни славянских стран, еще в начале XX в. Но как глубокий и многосторонний процесс оно проявилось позже — на новом этапе общественного развития этих стран, связанном с влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Бурный рост революционного движения, образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах внесли глубокие качественные изменения и в литературный процесс. Прежде всего бросается в глаза общий подъем, значительное усиление всего фронта демократической литературы, в которой все более заметное место начинают занимать пролетарские писатели. Уже в период 1918—1925 гг. пролетарские литературы⁸ в отдельных странах, например, в Болгарии и Чехословакии, стали ведущими течениями. В общественной и литературной жизни создавались реальные предпосылки для формирования социалистического реализма.

В конкретных национальных условиях каждой страны процесс становления нового художественного метода протекал весьма своеобразно, имел свои специфические особенности. Однако при этом проявлялись и общие закономерности развития социалистических литератур.

Это был прежде всего процесс утверждения марксистско-ленинского миропонимания. Победившая социалистическая революция в России явилась живым воплощением идей ленинизма, и это придало им необычайную силу влияния на массы трудящихся зарубежных стран. Победа Октябрьской революции, по справедливым словам И. В. Сталина, означала, что «эра господства II Интернационала и социал-демократизма в рабочем движении кончилась. Наступила эра господства ленинизма и III Интернационала»⁹.

⁷ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 583.

⁸ Термин «пролетарская литература», широко распространенный в первой трети XX в. во всех странах, употребляется здесь наравне с термином «социалистическая литература». Речь идет о творчестве писателей социалистических убеждений и идеалов.

⁹ И. В. С т а л и н. Сочинения, т. 10, стр. 250.

Организаторами борьбы за ленинское учение во всех областях общественной жизни выступили коммунистические партии, под непосредственным влиянием которых формировались национальные социалистические литературы.

Интересно отметить, что многие пролетарские писатели тех лет были активными партийными деятелями. Известно, например, что С. К. Нейман и И. Ольбрахт участвовали в создании Коммунистической партии Чехословакии. В рядах Болгарской коммунистической партии находились поэты Д. Полянов и Хр. Смирненский. Известными партийными деятелями были тогда С. Стане, В. Вандурский, А. Цесарец и др.

И дело отнюдь не сводится к организационной связи этих писателей с коммунистическими партиями. Суть — в осознании ими величия ленинских идей. Известно, например, что Броневский не был в партии, но он был близок к ней. Как некогда Горький говорил, что он почувствовал «подлинную революционность именно в большевиках, в статьях Ленина, в выступлениях и работах интеллигентов, идущих за ним»¹⁰, так мог в эти годы сказать о себе и каждый из названных писателей.

Пристальное внимание к революционной борьбе своего народа, обращение к опыту победившей Октябрьской революции, необычайно возросший интерес к художественной социалистической литературе России — во всем этом мы видим живой и многообразный процесс освоения сокровищницы ленинизма. Широко известны многочисленные восторженные высказывания и художественные произведения многих писателей об Октябрьской революции, известна та огромная роль, какую играли в литературной жизни зарубежных славянских стран советские писатели, особенно Горький и Маяковский. Это хорошо показано в уже написанных статьях и книгах, и, очевидно, эта внушительная картина будет дорисовываться и в дальнейшем. Здесь хотелось бы подчеркнуть общую основу, объединяющий дух бурно проявившегося интереса к революционной России. А суть состоит в осознании общности революционных идеалов. «Русский образец, — писал В. И. Ленин об Октябрьской революции в 1920 г., — показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹¹. Именно в этом открытии нового мира, реальных путей и средств движения к нему — секрет неодолимой притягательной силы Советской России. Выдающийся чешский поэт С. К. Нейман писал в 1922 г.: «... для нас, социалистов, русская революция явилась великой школой теоретического и практического познания»¹².

Неоценимую роль в идейном воспитании писательской интеллигенции сыграли ленинские труды. К ним обращались как к живому и надежному источнику: они вооружали ясным и последовательно верным пониманием общественного развития, путей становления социалистической культуры. Библиографические данные показывают, что после Октябрьской революции число переводов произведений В. И. Ленина с русского на другие славянские языки значительно возросло. Огромная тяга к ленинским работам со стороны писателей — характерная примета идейной жизни периода революционного подъема, периода страстных поисков новых путей развития литературы. Известно, каким важным событием в общественной и культурной жизни Чехословакии был выход на чешском языке книги В. И. Ленина «Государство и революция» в 1920 г. Литературный критик Ладислав Штолц писал, что благодаря этой книге, «для всех честных

¹⁰ М. Горький. Публицистические статьи. Л., 1933, стр. 31.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 5—6.

¹² St. K. Neumann. S městem za zády. Praha, 1950, str. 10.

и мыслящих деятелей чешской культуры, чешской поэзии открылись новые необозримые горизонты осуществимого счастливого будущего человечества». «Произведение Ленина, — пишет Штолл, — разжигало высокое, чистое пламя исторического оптимизма (как сказал бы Нейман, оптимизма без суеверий и иллюзий), без которого невозможна истинная, глубоко идейная, большая поэзия»¹³.

Об историческом значении деятельности В. И. Ленина уже в 20-е годы писали многие зарубежные литераторы. Они все более сознавали величие идей вождя трудящихся и, выражаясь словами Маяковского, «себя под Лениным чистили, чтобы плыть в революцию дальше». Владислав Броневский в 1927 г. писал: «Моим любимым чтением являются... произведения Ленина (я лишь недавно познакомился с творчеством этого великого поэта фактов)»¹⁴. Рассказывая о своей эволюции от футуристического экспериментаторства к большой, революционной литературе, Б. Ясенский говорит об огромной роли в его идейном росте ленинских трудов, благодаря которым он «... впервые принялся изучать законы, руководящие развитием капиталистического общества, теорию и практику классовой борьбы»¹⁵.

На II конгрессе Коминтерна в Москве в 1920 г., как делегаты от своих стран, присутствовали чешский писатель Иван Ольбрахт, болгарский писатель — Крум Кюлявков. Они видели и слышали Ленина, написали о нем статьи и очерки. После пребывания в СССР в 1922 г. хорватский писатель Август Цесарец создал ряд вдохновенных, проникнутых искренним чувством уважения к Стране Советов статей, которые с интересом читались в Югославии.

В книге Ольбрахта «Картины современной России», изданной в Праге в 1920 г., любовно выписан портрет Ленина. Ленинская простота, гениальный взлет ленинской мысли, единство вождя и народа — вот о чем пишет Ольбрахт в своих очерках, проникнутых восторгом и восхищением: «Товарищ Ленин! Не больше, но и не меньше. Человек, которого эпоха вывела из чердачных каморок и музейных библиотек эмиграции и поставила в центр событий мировой истории. Он, которого из недр своих подняла на плечи окровавленная масса людей, чтобы в его ясных, твердых, как удар колокола, словах выразить свой нестройный крик, чтобы из мутного хаоса разрозненных помыслов он смог выковать идею, чтобы он руководил ими, сплотил их и вместе с ними завоевал мир»¹⁶.

Атмосфера высокого революционного подъема, наступившего после Октябрьской революции, способствовала быстрому идейному росту и четкому определению позиций пролетарских писателей и критиков, группировавшихся вокруг коммунистических и других революционных периодических изданий, сеть которых в это время значительно расширилась. Пролетарские литературы, в сравнении с предшествующим этапом их развития, представляли собой теперь большие группы художников слова и критиков, которых объединяла все более ясно определявшаяся идейно-эстетическая программа революционных писателей.

Пролетарская литература Болгарии уже в 1918—1925 гг. достигла высокого уровня развития. Тогда на страницах газеты «Работнически вестник», журналов «Ново време», «Червен смях», «Нов път», наряду со

¹³ L. Štol. Třicet let bojů za českou socialistickou poesii. Praha, 1950, str. 29—30.

¹⁴ В. Броневский. Ответ на анкету «Чем обязаны польские писатели иностранной литературе». «Wiadomości literackie», 1927, № 47.

¹⁵ Б. Ясенский. Вроде автобиографии. — В его же кн.: «Стихи», М., 1931, стр. 5.

¹⁶ И. Ольбрахт. Избранное. М., 1956, стр. 620.

старым пролетарским поэтом Д. Поляновым, выступали поэты Хр. Смирненский, А. Расцветников. Ими были созданы значительные произведения, проникнутые духом коммунистической партийности. Вокруг видного марксистского критика Г. Бакалова в журнале «Нов път» группировались талантливые молодые силы, отстаивавшие позиции революционной литературы.

Удивительно быстро развилась пролетарская литература Чехословакии. Уже в самом начале 20-х годов ее представляли выдающиеся художники слова С. К. Нейман, И. Волькер, И. Ольбрахт, М. Майерова и др. Пролетарская литература была самым сильным течением, в ней с наибольшей глубиной и правдивостью отразилась бурная революционная эпоха. И характерно, что самые крупные поэты (С. К. Нейман, И. Волькер) были вместе с тем и самыми крупными теоретиками пролетарского искусства.

В Болгарии и Чехословакии идейно-эстетическое размежевание пролетарских писателей с представителями других литературных течений обозначилось сравнительно резко и ясно уже в первые годы после Октябрьской революции. Сила влияния революционных событий, социалистических идей на литературы этих стран была необычайно большой. Она открывала глаза многим талантливым писателям, ранее связанным с буржуазным искусством, заставляла их менять ориентиры, указывала им путь к народу. Характерно, например, что болгарский символизм в начале 20-х годов как течение распался. Многие поэты (Л. Стоянов, Гео Милев, Хр. Ясенов и др.) порвали с ним и перешли в лагерь революционной литературы.

С. К. Нейман в статье «Эпилог год спустя», рассказывая о том, как он «вступал на свой путь, из идеологического тумана в действительность», пишет: «... победа Владимира Ильича скоро положила конец моим заблуждениям»¹⁷. Поэт быстро освободился от анархизма и стал одним из основоположников чешской пролетарской литературы. То же примерно произошло и с И. Ольбрахтом.

Под влиянием революционных событий усилилась дифференциация писателей и в других странах. В 1925 г. в Польше оформляется группа поэтов, открыто и сознательно связанных с рабочим классом. Издание в том же году В. Броневским, С. Р. Стане и В. Вандурским бюллетеня «Три залпа», в котором изложены взгляды группы, можно считать возникновением польской пролетарской литературы, как идейно и эстетически определявшегося течения. В статье «Польская пролетарская литература»¹⁸ С. Стане рассказывает о постепенном расширении группы «Три залпа» (к ней приобщались новые литературные силы: Выгодский, Ставар, Ват, Ясенский), о превращении ее в пролетарское литературное движение.

Вслед за чешской пролетарской литературой и под ее непосредственным влиянием родилась и пролетарская литература Словакии. Борьба за новую литературу началась в середине 20-х годов. Ее представляли в начале Эдуард Уркс, Ян Поницан, Андрей Сирацкий. И, пожалуй, полное всего принципы новой литературы, уже как литературы социалистического реализма, были впервые выражены в начале 30-х годов в творчестве Петра Илемницкого и Франи Краля.

Здесь мы приводим лишь перечень имен, даем лишь историко-литературную справку, не раскрывая всей сложности процесса формирования

¹⁷ С. К. Нейман. Избранное. М., 1953, стр. 298.

¹⁸ «Литература мировой революции», 1931, вып. 8—9, стр. 170—177.

новых литератур. Задача состоит в том, чтобы только указать на очевидные признаки становления новых течений, связанных с ростом влияния социалистических идей.

Социалистическая идейность так или иначе проникает во все литературы, рано или поздно (это зависит от конкретных условий) формирует определенную тенденцию литературного развития.

В 1919 г. хорватские писатели Август Цесарец и Мирослав Крлежа издают журнал «Пламен», идейно близкий революционному пролетариату. В 1929 г. издается альманах «Книга товарищей», в котором собрана социальная лирика 28 сербских, хорватских и словенских поэтов. Это — серьезная попытка к объединению художников слова, стоящих на общей идейной платформе, выраженной во введении к альманаху: «Нам всегда слышен призыв затерянных путников, — говорится в этом введении, — мы видим, слышим, ощущаем муки угнетенных всего земного шара. Мы хотим соединить их крики в мощное обвинение, приблизиться к их чаяниям, которые «тихи и святы», быть рядом с ними в их протесте и бунте...»¹⁹

Альманах был конфискован полицией, его участники — арестованы и привлечены к суду по обвинению в коммунистической пропаганде. Позже, уже в 30-х годах, живая социалистическая мысль вновь вдохновила большую группу талантливых писателей на создание крупных художественных произведений, которые югославская прогрессивная критика характеризовала как «новый реализм».

Путь развития пролетарских литератур вовсе не был гладким, ровным и всегда прямым. Это был путь ожесточенной борьбы против буржуазных литературных течений. Некоторые из пролетарских писателей иногда колебались, оказывались в плену этих течений. И все же новые литературы, рожденные самой логикой общественного развития (хотя, разумеется, не одновременно и по-разному в отдельных странах) неизбежно утверждались как неодолимое явление литературного процесса.

Только люди, игнорирующие реальные факты, могут создавать миф о внеисторичности социалистического реализма. Так именно поступают современные буржуазные критики и ревизионисты. Но, как говорится, слова и иллюзии гибнут, факты остаются. Опираясь на факты, мы стремимся к тому, чтобы воссоздать как можно более полную картину развития национальных социалистических литератур, представляющих собой внушительный, все нарастающий поток мирового литературного движения.

Жизнь выдвинула перед нами задачу написания истории социалистического реализма в зарубежных странах. На путь ее решения уже стал ряд ученых этих стран. Советские слависты также начали работу в этом направлении. Статья С. В. Никольского о Волькере²⁰, монография С. А. Шерлапмовой о Неймане²¹ раскрывают существенные стороны процесса становления чешской социалистической литературы, в которой С. К. Нейман и И. Волькер играли ведущую роль. Вопросам развития социалистического реализма в словацкой литературе посвящена статья Ю. В. Богданова²². Те же вопросы на материале польской литературы подняты в статье В. А. Хорева о Л. Шенвальде²³, в обзорной статье

¹⁹ «Kniga drugova», Novi Sad, 1957, str. 9.

²⁰ «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. 8, М., 1954.

²¹ С. А. Ш е р л а п м о в а. С. К. Нейман. М., 1959.

²² «Литература славянских народов», вып. 4, М., 1959.

²³ Там же.

Т. П. Агапкиной²⁴; на материале болгарской литературы — в работах Д. Ф. Маркова²⁵.

Изучая процесс формирования социалистического реализма в специфических национальных условиях отдельных стран, мы ясно видим, как через призму конкретно-национального преломляются общие принципы, в многообразии форм — единство идейных основ.

Формирование социалистического реализма неотделимо от формирования марксистско-ленинского мировоззрения, от борьбы за ленинский принцип партийности. Эта борьба велась и в области теории, и в художественном творчестве писателей.

Проблема развития пролетарских литератур в зарубежных славянских странах в 20-е и 30-е годы стала одной из самых острых литературных проблем. По ней в Чехословакии и Польше прошли дискуссии. И это понятно: новое явление выступало не с первой заявкой на жизнь, а уже полновластно утверждалось и, естественно, требовало своего осмысления.

Здесь нет возможности сколько-нибудь подробно говорить о развитии в эти годы марксистской эстетической мысли в каждой стране. Мы остановимся лишь на тех основных вопросах, с которыми связаны общие черты эстетической концепции новых литератур.

Пролетарские писатели и критики видели живую связь литературы с революционным движением своих стран. Мысль о такой связи проходит через многочисленные статьи и высказывания Г. Бакалова, С. К. Неймана, И. Волькера, А. Цесарца, С. Косовела, П. Илемницкого и др. Характерна, например, декларация польских пролетарских писателей, которой открывался сборник «Три залпа». Там сказано: «Не о себе пишем. Мы — рабочие слова. Мы должны высказать то, что не могут высказать люди от станка. В беспощадной борьбе пролетариата с буржуазией мы решительно стоим на левой стороне баррикад. Гнев, вера в победу и радость борьбы заставляют нас писать. Пусть наши слова, как залпы, падут на центральные улицы и отдадутся эхом в фабричных кварталах. Мы боремся за новый социальный строй. Эта борьба является высшим содержанием нашего творчества»²⁶.

Интересно отметить, что большинству марксистских критиков была совершенно чужда ошибочная мысль о том, будто пролетарское искусство возможно только после победы социалистической революции. По мнению Иржи Волькера, подобный вывод — результат статичного понимания истории литературы. «Пролетарское искусство возможно и сегодня», — писал Волькер в 1923 г., так как, по его словам, «областью революции является не только момент ее проведения, но и подготовки к ней»²⁷.

Принципы пролетарской литературы создавались как прямая противоположность буржуазному эстетству и индивидуализму. Марксистские критики раскрыли реакционную сущность модернистской эстетики с ее культом прерального, с ее проповедью «чистого» искусства и мнимой свободы творчества. «Нет «чистой литературы», — говорил Г. Бакалов в 1924 г., — указывая, что в литературе «пульсирует классовая борьба, только выраженная по-другому, чем, скажем, в политической печати»²⁸. В своих «Беседах об искусстве» Г. Бакалов показал классовую при-

²⁴ «Истории Польши», т. III, М., 1958.

²⁵ «Проблема генезиса социалистического реализма в болгарской литературе». «Вопросы литературы», кн. 8, 1958; «Болгарская поэзия первой четверти XX в.», М., 1959.

²⁶ «Литература мировой революции», 1931, вып. 8—9, стр. 172.

²⁷ И. В о л ь к е р. Избранное. М.—Л., 1949, стр. 138.

²⁸ Г. Б а к а л о в. Избранные произведения. София, 1953, стр. 385—386.

роду буржуазной литературы: он писал о том, как, используя различные средства обмана и давления, буржуазия вынуждает художников служить ей, «крепко впрягает их в свою политику»²⁹. Поэтому лозунг «надклассовости», «независимости» есть не что иное, как проявление замаскированной буржуазной партийности. Поэзия, созданная в духе этих лозунгов, далека от живых источников, от общественной жизни народных масс, это поэзия верхних десяти тысяч, утеревших вкус к подлинным духовным ценностям. «Мертвая поэзия», — писал о ней сотрудничавший тогда в журнале «Нов път» Г. Цанев (Б. Боринов), «от замка до кладбища — вот путь этой поэзии, для которой живое не имеет смысла...»³⁰ И как бы перекликаясь с Г. Цаневым о том же явлении декаданса, об его представителях В. Броневский говорил: «Осязаемая действительность для этих поэтов невыносима. Дезертиры жизни, они блуждают в горах, в вечной мгле символов, прикрытые фиговыми листиками мистики»³¹.

Никогда ранее борьба марксистской эстетики с буржуазной не достигала такой остроты, как в 20-е годы. Это была жестокая схватка двух лагерей, один из которых, опираясь на реальный ход общественного и литературного развития, был полон сил и уверенности, обладал ясной перспективой, другой же — яростно цеплялся за старое и грубыми нападениями на пролетарскую литературу и критику пытался отрицать их право на существование.

В противоположность буржуазным литераторам пролетарские писатели и критики видели задачу искусства в служении революционным идеалам современности, которые определялись ими как идеалы коммунистические. «Наша идея — коммунистическая, как и наша тенденция», — писал И. Волькер³². «Сегодня пролетариату нужно только такое искусство, которое является оружием революции»³³, — утверждал С. К. Нейман в 1923 г. О той страстной борьбе, какую вел за принципы социалистической тенденциозности основоположник литературы социалистического реализма в Словакии П. Илемницкий, подробно и убедительно рассказано в статье Ю. В. Богданова³⁴.

Активное вторжение литературы в жизнь, открытая защита интересов революционного пролетариата — требования подобного характера предъявлялись всеми марксистскими критиками. Это была, в сущности, программа коммунистической партийности, вызвавшая бурю нападок со стороны буржуазных литературных индивидуалистов, которые и в Польше, и в Болгарии, и в Чехословакии, и в Югославии действовали в основном одинаково: они кричали об отсутствии творческой свободы у пролетарских писателей, якобы не способных на создание подлинных художественных произведений.

В острой борьбе пролетарские критики и писатели все более четко раскрывали содержание и характер коммунистической партийности. Разоблачая декадентское понимание искусства как субъективистского хаоса ощущений, они страстно отстаивали марксизм-ленинизм как наиболее объективный метод научного видения мира, дающий возможность глубоко познать законы общественной жизни и тем самым обеспечивающий настоящую свободу для честных, стремящихся к правде художников.

²⁹ Г. Бакалов. Беседы по изкуството. София, 1924, стр. 29.

³⁰ «Нов път», 1923, кн. 1, стр. 16.

³¹ «Wiadomości literackie», 1925, № 10.

³² И. Волькер. Избранное, стр. 140.

³³ S. K. Neumann. O umění. Praha, 1958, str. 206.

³⁴ «Литература славянских народов», вып. 4.

Поэтому коммунистическая партийность — не что-то внешнее, наносное, а осознанный принцип, внутреннее убеждение.

Когда в Болгарии реакционный журналист Добриянов выступил с заявлениями, в которых утверждалось, будто у пролетарских писателей «отнята всякая свобода творчества», будто они «работают по приказу», выдающийся пролетарский поэт Христо Смирненский занес в записную книжку слова, полные иронии в адрес реакционера и спокойной уверенности в свое дело: «Странно, как же так мы, работая в коммунистических изданиях, не знали этого? Я, например, до сих пор не получил ни одного литературного приказа. Однако у вас все предварительно решено: дьявол черен, но кто его видел — об этом излишне спрашивать».

Когда в Чехословакии выступил другой защитник «творческой свободы» (Арне Новак), выдающийся пролетарский поэт Иржи Волькер дал ему заслуженную отповедь. Он писал: «... мы видим сегодня борьбу двух миров, весь мир дрожит от столкновения их мировоззрений, а наше сердце замирает в страхе и поет в надежде. Я говорю — слеп тот, кто не видит этого. Я говорю — бессердечен, а не «внутренне свободен» тот, кто не понимает, на чью сторону должно привести его сердце в этот час. Поэты обязаны сейчас открыть величие нашей эпохи. Нам это величие открылось именно здесь, и нигде больше»³⁵.

В этих словах выражен общий дух высказываний представителей пролетарской литературы о партийности и свободе творчества. Ведь тем же пафосом проникнуты и слова польского поэта и критика С. Стане: «Открытая связь с рабочим классом, открытое служение пролетариату является подлинной творческой свободой»³⁶.

Следует отметить, что в решении вопросов о характере и путях развития пролетарских литератур марксистские критики не всегда были последовательными. В их деятельности иногда проявлялось сектантство, мешавшее им понять во всей широте ленинский принцип партийности литературы, сила которого не в разъединении партийности и народности, а в их единстве. В отдельных статьях коммунистическая партийность сводилась к организационной связи с партией; мировоззрение противопоставлялось форме, и этой последней не придавалось значения; некоторые пролетарские критики, верно подчеркивая огромную роль общественно-политической темы в литературе, впадали в грубые ошибки, резко отбрасывая интимную лирику, и т. д.

Во всем этом нетрудно увидеть суженное понимание коммунистической партийности, характерное как своеобразная «болезнь роста», для начальной стадии развития социалистических литератур. Но оно преодолевалось в живом процессе борьбы за постижение ленинских эстетических принципов.

С. К. Нейман еще в 20-х годах подчеркнул широту идейной платформы пролетарских писателей, не только не исключавшей, а, наоборот, предполагающей многообразие художественных форм. «Как художников, нас нельзя натягивать на одну и ту же колодку», — писал поэт. Правда, в накаленной атмосфере борьбы против субъективизма модернистской литературы он доходил до крайностей — до отказа от интимной лирики. Однако позже Нейман занял верные позиции. В книге «Анти-Жид или оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937) он резко выступал против тех, кто пытался тематически ограничивать пролетарскую литературу. «Нет такой стороны жизни, — писал С. К. Нейман, — тема которой была бы ис-

³⁵ И. В о л ь к е р. Избранное, стр. 139.

³⁶ «Miesięcznik literacki», 1930, № 5.

черпана в социалистическом творчестве. Даже любовный конфликт, самый обычный в мире, не был еще разработан в социалистическом духе действительно глубоко и во всем своем многообразии»³⁷.

В «Лекциях об искусстве» Г. Бакалов, на наш взгляд, верно раскрыл соотношение общественно-политических и интимно-личных мотивов в пролетарской литературе. Считая «изобилие политических элементов в пролетарском искусстве вполне естественным», он объяснял это исторической значительностью революционной борьбы пролетариата, в чем пролетариат видел свое спасение и которой неизбежно в большой мере определялась сфера его духовных и нравственных интересов и переживаний. Отвергая несостоятельность утверждений об однообразии пролетарского искусства, Г. Бакалов писал: «Единым является его (пролетарского искусства.— Д. М.) настроение... На фоне этого настроения может — и с течением времени это наступит — разрабатываться самое разнообразное содержание»³⁸.

Пожалуй, нет ни одного сколько-нибудь существенного вопроса, касающегося процесса становления социалистических литератур, который не был бы так или иначе связан с вопросом о коммунистической партийности. Пролетарские писатели и критики должны были определить свое отношение к культурному наследию прошлого. Как же решался ими этот вопрос?

Иногда мы сталкиваемся с грубо прямолинейным толкованием критерия классовости искусства и культуры в целом. О фактах подобного рода в польской критике 20-х годов рассказывает В. А. Хорев. Приведя характерную формулировку Антонины Соколич («искусство — чистейшее выражение идеологии господствующего класса»), он пишет: «некоторые теоретики считали невозможным использовать опыт искусства прошлого в строительстве новой социалистической культуры. Подобная точка зрения очень часто гостит на страницах левой печати в «двадцатилетии». С. Бачиньский называет творчество Пруса и Жеромского «сентиментами буржуазии» и «антимарксистской литературой», предостерегает пролетарских писателей от соприкосновения с ней; С. Поляк в рецензии на поэму Шенвальда «Сцена у ручья» утверждает, что вместе с поэтической техникой Шенвальд перенимает от «великих» классовую сущность их мыслей и образов. Количество примеров можно было бы значительно умножить, но не в примерах дело»³⁹.

Действительно, таких примеров немало, притом не только в Польше, но и в других странах. Мы знаем, что в первые годы после Октябрьской революции и в Советском Союзе довольно широкое распространение имел пролеткультовский нигилизм, выраженный и в статьях, и в поэзии, подобно, например, стихам В. Кириллова:

Во имя нашего завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Известна та борьба, которую вел В. И. Ленин в эти годы против вульгарно-упрощенческого отношения к культурному наследию. Ленинские статьи и выступления становились достоянием передовой общественности и других стран, служили опорой в ее борьбе против вульгаризаторства. Такую борьбу вели многие революционные литераторы. Польский публицист

³⁷ С. К. Нейман. Избранное, стр. 303.

³⁸ Г. Бакалов. Беседы по искусству, стр. 77.

³⁹ «IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению», М., 1958, стр. 226.

и критик Ян Гемпель, в противоположность разного рода сектантам, писал, что «рабочий класс является преемником всего культурного наследия человечества». Огромную роль в выработке правильного отношения чешской творческой интеллигенции 20-х годов к культуре прошлого сыграли статьи З. Неедлы, публиковавшиеся на страницах журнала «Вар» и газеты «Руде право».

В периодической прогрессивной печати часто появлялись ленинские работы, на них делались пространные ссылки. Так, например, на страницах газеты «Ведрина» болгарский писатель Тодор Генев (Меруда Хорели), решительно отстаивая ленинскую точку зрения по вопросам культурного наследия, приводит выдержки из речи В. И. Ленина на III съезде комсомола в 1920 г., где, как известно, эти вопросы получили свое блестящее разрешение⁴⁰. Среди марксистских критиков славянских стран очень популярными были статьи А. Луначарского, который, при всех своих ошибках, несомненно, являлся тогда талантливейшим проводником ленинских идей⁴¹.

Мы говорим о постепенном утверждении ленинского понимания социалистических культур, особенностей и условий их развития. Это, разумеется, вовсе не означает, что марксистские критики и теоретики искусства зарубежных славянских стран во всем и всегда были последовательными ленинцами. В их деятельности все еще иногда проявлялись и существенные ошибки.

Некоторые пролетарские критики и писатели видели преемственную связь с революционными художниками прошлого, но не всегда могли верно определить свое отношение ко многим другим художникам.

В разгаре острой борьбы против литературного декаданса иногда марксистские критики не могли провести правильную разграничительную линию между демократической и реакционной буржуазной литературой. Очевидно, с этим связана непоследовательность в эстетических взглядах С. К. Неймана. С. А. Шерлаимова пишет: «... приближаясь в целом ряде случаев к ленинскому пониманию наличия двух культур в национальной культуре не только настоящего, но и прошлого, Нейман в то же время часто выступает вообще против «искусства буржуазной эпохи», не вскрывает, в чем должно заключаться провозглашаемое им «положительное отношение» пролетарской культуры к культурным ценностям прошлого и к каким именно. В этом была слабая сторона взглядов писателя на классическое наследие»⁴².

Подобную непоследовательность, недостаточно глубокое понимание вопроса об отношении к культурному наследию видим в деятельности Г. Бакалова. Болгарский критик воспринял (главным образом через статьи А. Луначарского) много ценного, правильного, и это выразилось в его высказываниях. Вот, например, что он писал в 1924 г.: «Создание пролетарского искусства происходит не в безвоздушном пространстве, изолированном от всего мира. Оно создается в определенной, унаследованной от истории, уже данной художественной среде. То, что есть здорового в этой среде, что может выдержать пробу пролетарским сознанием, должно сохраниться и перейти в новое, пролетарское творчество... Кто отрицает силу и способность пролетариата освоить критически ценности про-

⁴⁰ «Ведрина», 2.III 1927.

⁴¹ Достаточно, например, хотя бы бегло полистать книгу Г. Бакалова «Беседы об искусстве» (1924), чтобы убедиться, как часто встречается в ней имя Луначарского, на труды которого опирается болгарский критик.

⁴² С. А. Шерлаимова. С. К. Нейман, стр. 95.

плохого искусства, тот не верит в самостоятельность этого исторического класса»⁴³.

Но правильные теоретические формулы реализовались далеко не сразу и не в полной мере в практической деятельности критика. Высоко оценивая творчество писателей эпохи болгарского Возрождения, прежде всего революционную поэзию Христо Ботева и Любена Каравелова, Бакалов в 20-х — начале 30-х годов все еще отрицательно относился к И. Вазову, Пенчо Славейкову и некоторым другим крупным писателям, которых он ошибочно зачислял в лагерь буржуазной литературы. Важно, однако, заметить, что позже Бакалов, опираясь на методологические принципы ленинских работ, стремился преодолеть свои ошибки и многое успел сделать в этом направлении.

Надо сказать и о том, что художественная практика наиболее значительных пролетарских писателей часто оказывалась шире проявлений сектантской узости в критике. Нетрудно увидеть, например, что творчество Христо Смирненского преемственно связано не только с традициями революционных демократов, но и с традициями, идущими от Вазова, от Яворова и др. Без учета этого взаимопроникновения и взаимодополнения теории и практики социалистического искусства нельзя достаточно верно представить себе процесс его формирования.

Марксистские критики зарубежных славянских стран в 20—30-е годы поставили ряд других вопросов социалистической эстетики и определили свое отношение к ним. Ими в основном ясно и четко был решен вопрос о новом положительном герое: в статьях и высказываниях Г. Бакалова, Х. Смирненского, С. К. Неймана, И. Волькера, В. Броневского и др. речь идет о пролетарском революционере, человеке активных и социалистически осознанных революционных действий. Не случайно в 20-е годы особенно усилился интерес к М. Горькому: роман «Мать» и прежде всего образы Павла Власова и Ниловны воспринимались как общий для всех пролетарских писателей пример нового искусства.

Борьба за социалистическую идейность литературы сочеталась с борьбой за ее высокую художественность. С. К. Нейман справедливо считал, что коммунистическая партийность должна выражаться не в голой политической декларации, а в живой ткани образов; он резко выступал против беспорядочного, неосмысленного нагромождения «красных флагов и красных маков», против стихов, «срифмованных по шаблону социалистических речей»⁴⁴. О том же в 1922 г. писал Г. Бакалов: «... пролетарская поэзия не означает переложение в стихах партийной программы и лозунгов. Она означает образное воссоздание всего нового мира чувств и идей, которые воодушевляют пролетариат в его эпической борьбе»⁴⁵.

Немаловажно подчеркнуть, что уже в 20-е годы пролетарские писатели и критики сознавали путь развития социалистических литератур, как путь развития реализма, притом реализма нового типа. «Пролетарское искусство, — писал И. Волькер, — спускается с безответственного витания в облаках к сознающей свою ответственность человечности, оно хочет конкретного изменения конкретной действительности»⁴⁶. Заявляя о том, что «новое искусство будет реалистичным»⁴⁷, чешский поэт говорит далее

⁴³ Г. Бакалов. Беседы по искусству, стр. 94.

⁴⁴ С. А. Шерлаимова. С. К. Нейман, стр. 93—94.

⁴⁵ Г. Бакалов. Избранные произведения, стр. 347.

⁴⁶ И. Волькер. Избранное, стр. 136.

⁴⁷ Там же, стр. 137.

о широких возможностях нового реализма, которые он связывает с идейно-философской концепцией пролетарской литературы, с последовательно объективным видением мира. Сходные мысли высказывались и в других странах. Выдающийся пролетарский поэт Польши В. Броневский считал «чертами искусства: материализм, отказ от «духовной» фразеологии в пользу конкретных жизненных вопросов»⁴⁸.

Высказывания о реализме нового типа — это был не просто прогноз, а обоснованные обобщения реальных фактов литературного развития. В Болгарии и Чехословакии уже в начале 20-х годов были созданы значительные художественные произведения, которые, несомненно, можно характеризовать как произведения социалистического реализма. Поэтические сборники Христо Смирненского «Да будет день!» (1922), Иржи Волькера «Рождение» (1922) и С. К. Неймана «Красные песни» (1923) представляют собой огромное достижение мировой социалистической поэзии. В них с удивительной неповторимостью воссоздана борьба двух миров — капитализма и пролетарской революции — показан период, когда, по словам С. К. Неймана:

Класс против класса стеной
встал на бой.
(«Вы и мы»)

У каждого из этих поэтов — свой индивидуальный облик. У С. К. Неймана резко выражена склонность к политическому анализу, к публицистическим обобщениям, покоряющим последовательно развивающейся логикой мысли. Волькер — больше поэт непосредственного чувства, тяготеющий к образной детали, к психологическому рисунку. Смирненский — певец «восторга борьбы», как метко сказал о нем Г. Бакалов⁴⁹. Прославление борьбы, революционного подвига — основной пафос поэзии Смирненского, ведущей стилиевой особенностью которой выступает героическая патетика.

У всех трех поэтов есть общие черты. Это прежде всего принцип изображения жизни с позиций революционного пролетариата, принцип коммунистической партийности. В их стихах создан образ нового положительного героя — активного борца за социализм, пролетарского революционера. Одной из самых примечательных черт их творчества является нарисованная ими картина формирования исторической сознательности народных масс — живого процесса овладения социалистическими идеями (характерны в этом отношении, например, стихотворение «Углеком» Смирненского, «Баллада о сне» Волькера).

Вышедший в 1926 г. сборник стихов В. Броневского «Дымы над городом» — важный этап в истории пролетарской литературы Польши. «Броневский — революционный лирик. Лирик высокого эмоционального напряжения», — так характеризует его В. Вандурский⁵⁰, и мы это чувствуем в каждой строке поэта. Его «Песня о гражданской войне» — страстная поэтическая программа. В острой схватке двух миров Броневский на стороне угнетенных. К ним — людям пашен, фабрик и штолен — он обращает свой призыв подняться на борьбу «за новую жизнь, жизнь

⁴⁸ «Glos literacki», 1928, N 12.

⁴⁹ Г. Бакалов. Избранные произведения, стр. 348.

⁵⁰ «От легионов — к революции» — предисловие к кн.: В. Броневский. Избранные стихи. М., 1932, стр. 3.

лучшую». Художественное слово для него — оружие революции, и в этом поэт видит свое призвание:

Сегодня в песне гнев и стоны,
но я пою, чтоб миллионы
суровым гневом напоить,
в одно большое сердце слить
и бросить в мир, борьбой расколотый,
как тяжкий и набухший молот.

Броневский шел в своем развитии от эмоционально-романтического восприятия революции к постепенному утверждению принципов реализма. Уже в 1927—1928 гг. он создал яркие реалистические образы пролетарских революционеров («Элегия на смерть Людвига Варынского», «Парижская Коммуна»).

Социалистический реализм, как новое явление литературного процесса, утверждался в начале 30-х годов и в словацкой литературе. Основную роль в этом отношении сыграл роман Петра Илемницкого «Поле невспаханное» (1932)⁵¹.

Интересные глубинные процессы происходят в 30-е годы в югославских литературах — сербской, хорватской, словенской. Здесь в это время выступала блестящая плеяда писателей, чье творчество развивалось в русле социалистического реализма⁵². Некоторые из них пришли к новому видению мира очень сложным путем — сбрасывая груз модернистских наслоений. Фактами большого значения в литературной жизни страны были романы и новеллы Августа Цесарца («Юноша из золотой молодежи»), Иована Поповича («Должен быть порядок»), Мишко Краньца («Ось жизни», «Место под солнцем»), Прежихова Воранца («Пожганица», «Добердоб»), стихи Радована Зогиича («Гордые строфы») и др.

И в Югославии, как и в других странах, новые явления были отмечены передовой критикой, которая стремилась определить их характер. В этой связи особый интерес представляют статьи сербского критика-коммуниста Джордже Йовановича, заговорившего о «новом реализме», противопоставленном им «субъективистскому микрокосму». В статье «Литература и новый реализм» (1936) он писал: «На современной ступени обострения общественных противоречий применение марксистского метода в области художественного и литературного исследования обрело новую форму в новом, качественно более высоком реализме. Этот новый реализм означает постановку в центр художественной и литературной проблематики тех отношений и конфликтов, которые наиболее полно воплощают в себе содержание современной общественной действительности»⁵³.

Говоря о том, что новая литература «ни в коем случае не отбрасывает и не отрицает психологические и моральные конфликты»⁵⁴, Д. Йованович подчеркивал ее основное отличие: «Идеологическая позиция, диалектико-материалистические основы нового реализма делают возможным более полное видение и выражение действительности»⁵⁵, — писал он.

Таковы некоторые основные факты процесса становления социали-

⁵¹ См.: Ю. В. Богданов. К вопросу о формировании эстетических взглядов и творческого метода Петра Илемницкого, «Литература славянских народов», вып. 4.

⁵² Над конкретным исследованием этих процессов на материале словенской литературы в настоящее время работает Е. И. Рябова.

⁵³ Б. Йовановић. Против обмана. Београд, 1951, стр. 231.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Б. Йовановић. Студје и критике. Београд, 1949, стр. 19.

стического реализма в зарубежных славянских странах и, следовательно, процесса утверждения коммунистической партийности. Даже бегло изложенные, они все же свидетельствуют о том, что движение к новому творческому методу обусловлено логикой общественной действительности внутри каждой страны и представляет собой национальную тенденцию литературного развития. И главное здесь не в названии, а в принципах. Характерно, что ряд зарубежных литераторов еще в начале XX в. видел новаторский характер рождавшихся социалистических литератур. Многие из этих литераторов в 20-е — начале 30-х годов заговорили о «новом реализме», сознавая возникновение новой эстетической системы, реальность формировавшегося явления, получившего впоследствии название «социалистический реализм». Глубоко прав был С. К. Нейман, когда говорил о национальных корнях социалистического реализма в чешской литературе, о том, что само название реализма нового типа было принято «исключительно вследствие принципов, которые намного старше, чем само это слово, принципов, за которые мы боролись на свой страх и риск из побуждений отечественного характера и отечественными средствами раньше, чем это слово возникло»⁵⁶.

Новое утверждалось в ожесточенной борьбе с эстетикой модернизма, в плену которой находилась известная часть писательской интеллигенции. И характерно, что наиболее талантливые художники слова, искавшие правды в искусстве, приходили к восприятию социалистического мировоззрения. Они разрывали с модернистскими постулатами и постепенно приобщались к лагерю революционной литературы. Примером тому — путь Бруно Ясенского, Витезслава Незвала и др. Прозрев после долгих блужданий в «мире галлюцинаций и эфемерных грез», Л. Стоянов писал: «Что бы я представлял собой, если бы остался там (в плену модернизма. — Д. М.), кроме жалкой мумии, обернутой в плащаницу метафизических метафор и в лохмотья мысли»⁵⁷. Тем же духом проникнуты выстраданные слова сербского критика Д. Йовановича, который охарактеризовал сюрреализм как «путь к окончательному одичанию». «Если многие из нас, тогдашних сюрреалистов, — пишет критик, — все-таки не дошли до этого, то не потому, что нас спас сюрреализм, а потому, что мы разными, но в основе одними и теми же методами бежали из сюрреалистической норы»⁵⁸.

Наперекор убедительному опыту прошлого, современные ревизионисты призывают к возрождению модернизма. Но что может ожидать тех, кто последует за ними, кроме участи жалкой мумии и окончательного обдичания!

Исторически определившийся путь социалистического реализма — широкий и светлый путь ясной перспективы и безграничных возможностей. Современные социалистические литературы — это подлинно свободные, высоко гуманистические литературы, ибо они служат, выражаясь словами В. И. Ленина, «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верным десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся...»⁵⁹. Это литературы глубочайшей правдивости, многообразия форм, богатейшей стилевой многокрасочности.

⁵⁶ S. K. Neumann. Umění a politika. Praha, 1953, str. 114.

⁵⁷ Л. Стоянов. Избрани произведения, т. 6. София, 1955, стр. 217.

⁵⁸ Ё. Јовановић. Против обмана, стр. 206.

⁵⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 30—31.

С. К. Шаумян

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ *

1. Постановка вопроса

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» писал: «Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленница. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей,— это задача, без разрешения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом»¹.

Из этих слов В. И. Ленина следует, что нельзя отстаивать позиции материализма, игнорируя развитие и успехи конкретных наук. Борьба идеализма и материализма меняет свои формы в зависимости от прогресса науки.

Как же происходит эта борьба? Чтобы ответить на этот вопрос, я воспользуюсь метким сравнением науки с растительным организмом, которое принадлежит академику А. Н. Несмеянову. Подобно тому, как у развивающегося растительного организма существуют определенные точки роста, так и у науки в каждый период ее развития существуют особые, преимущественные точки роста. Точки роста науки — это новая проблематика и новые теории науки. Именно новая проблематика и новые теории науки представляют собой ту область, где возникают острые философские проблемы, привлекающие внимание философов. Борьба философских направлений происходит главным образом вокруг точек роста науки. Чем важнее в теоретическом отношении та или иная новая научная теория, тем большее внимание привлекает она со стороны философов, тем ожесточеннее борются вокруг этой теории философские направления.

Классическим примером того, как следует отстаивать позиции материализма путем конкретного анализа острых философских проблем, выдвигаемых развитием науки, служит книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Развитие физики нашего века с особенной остротой выдвинуло на первый план философскую проблему относительности нашего знания. Как показал В. И. Ленин путем философского анализа теорий современной

* Доклад, сделанный автором на расширенном заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященном 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 206—207.

ему физики, в решении проблемы относительности нашего знания существуют два диаметрально противоположных пути: один путь, вытекающий из философии диалектического материализма, ведет к материалистическому учению о многостепенности сущностей, при помощи которого находит естественное материалистическое объяснение крутая ломка старых физических понятий и замена их новыми понятиями; другой путь ведет к релятивизму и идеализму.

Философы-идеалисты и не знающие диалектики физики, не будучи в состоянии правильно решить проблему относительности нашего знания, стали утверждать, что развитие новейшей физики будто бы свидетельствует о несостоятельности понятия материи. «Материя исчезла» — вот тезис, который получил широкое распространение в связи с развитием новейшей физики. В. И. Ленин показал ошибочность этого тезиса: не материя исчезла, а оказались несостоятельными и потерпели крушение старые представления о физическом строении материи; в связи с крушением старых представлений о физическом строении материи возникла необходимость заменить их новыми представлениями о физическом строении материи, но само философское понятие о материи никоим образом не оказалось подорванным. Суть дела в том, что человеческое познание представляет собой процесс бесконечного углубления от сущностей первого порядка к сущностям второго порядка, от сущностей второго порядка к сущностям третьего порядка и так без конца. Замена одних понятий о физическом строении материи другими представляет собой не что иное, как углубление от сущностей одного порядка к сущностям другого порядка. Таким образом, успехи физики не только не свидетельствуют о крушении материи и материалистического мировоззрения, а, напротив, могут быть правильно осмыслены именно с позиций материалистического мировоззрения.

Для физики нашего века характерна все более и более возрастающая ее математизация. В. И. Ленин показал, что одной из причин физического идеализма является неправильное истолкование процесса математизации. Тезису «материя исчезла, остались одни уравнения» В. И. Ленин противопоставил материалистическое истолкование математических абстракций как построений, отражающих объективные свойства материи.

Прошло вот уже более 50 лет с тех пор, как написана знаменитая книга В. И. Ленина, но ее философские выводы сохраняют всю свою актуальность и для современного состояния физики, а также и других абстрактных теоретических наук.

В. И. Ленин подверг философскому анализу революцию в современной ему физике, но аналогичная революция позже имела место в химии, биологии и других науках. За последние десятилетия революционным преобразованиям подверглось и языкознание — наука, которая является значительно более молодой по сравнению с естественными науками.

Если обратиться к современному состоянию языкознания, то в настоящее время точкой роста этой науки является проблематика структурной лингвистики — новой лингвистической дисциплины, сложившейся на стыке языкознания и математических дисциплин. Именно структурная лингвистика выдвигает наиболее острые философские проблемы, которые нуждаются в правильном решении с позиций диалектического материализма.

Опираясь на анализ философских проблем физики в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в настоящем докладе сделана попытка рассмотреть аналогичные философские проблемы, выдвинутые развитием современного языкознания.

31 В следующем разделе доклада будут изложены основные черты структурной лингвистики, а затем представлена их философская интерпретация в плане идей книги В. И. Ленина.

2. Общая характеристика структурной лингвистики

Для того, чтобы выяснить сущность структурной лингвистики, нужно прежде всего остановиться на понятии структуры.

Классическим примером структурного описания может служить теория колебаний. Как известно, физические колебания бывают разные: механические колебания, акустические колебания, электромагнитные колебания, физиологические колебания живых тканей и т. д. Но теория колебаний занимается исследованием колебаний независимо от физической природы объектов, которые подвергаются колебаниям. Таким образом, с точки зрения теорий колебаний рассматриваемые объекты характеризуются не их конкретной физической природой, а определенной сетью отношений, которые выражаются в виде математических уравнений. Между разными видами физических колебаний имеет место тождество структуры (изоморфизм). Именно поэтому одни виды физических колебаний могут быть преобразованы в другие виды физических колебаний. Так, например, механические колебания граммофонной иглы преобразуются в акустические колебания частиц воздуха, а акустические колебания частиц воздуха преобразуются в физиологические колебания барабанной перепонки уха. Отсюда можно утверждать, что существует тождество структуры между поверхностью граммофонной пластинки, музыкой, производимой граммофоном, и слуховыми ощущениями человека, воспринимающего музыку.

На основании сейчас рассмотренного примера можно определить структуру так: *структура есть известная сеть отношений между объектами, природа которых определяется в данной науке только этими отношениями.*

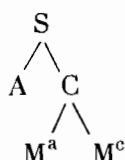
Мы видим, что структура, как она определена сейчас, есть высоко абстрактное понятие. В самом деле, посредством понятия структуры отождествляются друг с другом объекты, между которыми могут быть глубокие качественные различия, изучаемые в соответствующих науках.

Рассмотрим теперь применение понятия структуры к изучению языка.

Сравнивая, например, предложение и слог, мы можем установить известную сеть отношений, которой будут определяться лингвистические элементы независимо от того, являются ли они звуками или значениями. Так, в предложении выделяется прежде всего ядро (группа предиката) и вспомогательная часть (группа подлежащего); далее, ядро разделяется на конституенту ядра (глагол) и вспомогательную часть ядра (дополнение). Но аналогичным образом расчленяется и слог. В слогом мы прежде всего выделяем ядро (гласный звук + конечные согласные) и вспомогательную часть (группу начальных согласных); далее ядро слога разделяется на конституенту (гласный звук) и вспомогательную часть (группу конечных согласных). Таким образом, между предложением и слогом устанавливается тождество структуры, которое можно представить в виде следующей таблицы соответствий:

Предложение	↔	Слог
Группа предиката	↔	Гласный звук + конечные согласные
Группа подлежащего	↔	Начальные согласные
Глагол	↔	Гласный звук
Дополнение	↔	Группа конечных согласных.

Мы видим, что при структурном описании предложения и слога и их элементов они определяются не через анализ значений и звуков, а через определенные отношения, не зависящие от значений и звуков. Если абстрагироваться от значений и звуков, то мы имеем дело уже не с предложениями и слогами, а с некими неинтерпретированными абстрактными комплексами. Если абстрактный комплекс обозначить знаком S , его ядро — знаком C , его вспомогательную часть — знаком A , конститuentу ядра — знаком M^c , и вспомогательную часть ядра — знаком M^a , то последовательное членение абстрактного комплекса на его элементы можно изобразить на следующей схеме:

Этой схеме соответствует следующая формула:

$$S = A + (M^a + M^c)$$

Из этого примера структурного описания видно, что структурное описание сводится к особому рода кодированию лингвистических элементов и отношений между ними посредством определенного набора абстрактных символов.

Всякое структурное описание того или иного языка представляет собой определенный абстрактный код, служащий формальной моделью данного языка. Под формальной моделью мы имеем в виду определенное абстрактное построение, состоящее из набора известных символов и операций над ними, которое служит аналогом к своему оригиналу (в данном случае оригиналом является реальный язык). Поскольку с любой формальной моделью связан определенный математический аппарат, то формальную модель можно образно назвать математическим зеркалом исследуемого объекта.

На основании изложенного можно дать следующее определение структурной лингвистики: *структурная лингвистика есть научная дисциплина, занимающаяся построением абстрактных кодов, служащих формальными моделями естественных языков.*

Так как для построения формальных моделей необходим определенный математический аппарат, то в структурной лингвистике широко применяются методы математических дисциплин: математической логики, теории алгоритмов, теории множеств, топологии, теории вероятности, теории информации.

Структурная лингвистика как абстрактная теория языка возникла в силу внутренней логики развития языкознания: необходимость абстрагироваться от звуков и значений появилась в связи с теоретическими трудностями при решении ряда фундаментальных лингвистических проблем. Однако с течением времени принципы структурной лингвистики нашли также и практическое подтверждение. Я имею в виду прежде всего теорию автоматического машинного перевода. Как известно, для того, чтобы осуществить перевод с одного языка на другой посредством переводческой машины, необходимо преобразовать значимые элементы языка в формальный абстрактный код, в котором эти элементы определяются только через отношения. Это необходимо потому, что переводческая машина, как и всякая другая машина, не наделена способностью понимать

значения и может работать только на базе полной формализации всех элементов языка. Аналогичным образом дело обстоит и с так называемыми информационными машинами, предназначенными для автоматизации библиографической службы и реферирования научно-технической литературы, — информационные машины также могут работать только на базе полной формализации всех элементов языка.

Как переводческие, так и информационные машины принадлежат к числу кибернетических машин, то есть машин, функционирование которых заключается в восприятии, хранении, преобразовании и передаче информации. Поскольку структурная лингвистика служит теоретической основой для решения лингвистических проблем, связанных с конструированием переводческих и информационных машин, то отсюда становится ясной тесная связь структурной лингвистики с кибернетикой — наукой, исследующей общие законы восприятия, хранения, преобразования и передачи информации. Связь структурной лингвистики с кибернетикой не исчерпывается только областью переводческих и информационных машин. Укажу также на значение структурной лингвистики для решения других лингвистических проблем кибернетики — проблем экономного кодирования информации с целью повышения пропускной способности каналов проводной и непроводной связи, речевого управления производственными и военными объектами, конструирования автоматических стенографических и читающих устройств.

Итак, теоретические принципы структурной лингвистики находят широкое применение в области автоматизации процессов умственного труда и в других важнейших областях человеческой деятельности. Займемся теперь философской стороной теоретических принципов структурной лингвистики.

3. Некоторые вопросы философской интерпретации структурной лингвистики

В рамках настоящего доклада невозможно дать систематическую философскую интерпретацию принципов структурной лингвистики, — это дело специальной монографии. Здесь я ограничусь философской интерпретацией только некоторых из наиболее существенных аспектов структурной лингвистики в плане основных идей книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Сопоставляя структурную лингвистику с традиционным языковедением, мы устанавливаем прежде всего крутую ломку старых установившихся понятий. Для традиционного языковедения фонемы, морфемы, слово и другие лингвистические единицы — это определенные звуковые или значимые элементы. С точки же зрения структурной лингвистики все лингвистические единицы представляют собой точки пересечения отношений или, иначе, — пучки отношений. Таким образом, предметом структурной лингвистики являются не звуки и значения, а реляционный каркас языка, который манифестируется в звуках и значениях.

Возникает вопрос: можно ли рассматривать лингвистические единицы как пучки отношений? Совместим ли подобный подход к объектам исследования с материалистическим взглядом на мир? Не дает ли подобный подход к объектам исследования повод утверждать, что «материя исчезла, остались одни отношения»?

Встречается мнение, что изучение элементов языка как пучков отношений будто бы представляет собой проявление идеализма, поскольку структурная лингвистика, дескать, отрывает отношения от материи.

В действительности, это мнение в корне ошибочно. Оно основано на произвольном сужении философского понятия материи. Именно на произвольном сужении философского понятия материи были основаны фокусы защитников релятивизма и идеализма, которые, отождествляя материю с установившимися представлениями о физическом строении материи и констатируя крутую ломку этих представлений, утверждали, что «материя исчезла, остались одни уравнения». По поводу этого утверждения В. И. Ленин писал: «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»².

Итак, с точки зрения диалектического материализма понятие материи ничего другого не означает, как объективную реальность, существующую вне нашего сознания. Именно с этой точки зрения мы должны подходить к понятиям структурной лингвистики, как и к понятиям физики и других абстрактных теоретических наук.

Если верно, что единственным свойством материи, с признанием которого связан диалектический материализм, есть свойство быть объективной реальностью, то становится ясным, что характеристика лингвистических единиц как пучков отношений, принятая в структурной лингвистике, не дает никакого повода утверждать, что «материя исчезла, остались одни отношения». В самом деле, отношения принадлежат к объективной реальности не меньше, чем другие свойства материи, и структурная лингвистика, занимаясь изучением элементов языка, как пучков отношений, занимается тем самым изучением определенных сторон объективной реальности, то есть изучением определенных сторон материи.

Некоторые ученые употребляют термин «материя», как синоним термина «физическая субстанция». Ясно, что подобное понимание термина «материя» не имеет ничего общего с философским пониманием термина «материя» как объективной реальности, существующей вне нашего сознания. Термин «материя» в смысле физической субстанции и термин «материя» в смысле объективной реальности, данной нам в ощущении, являются омонимами, которые не имеют между собой ничего общего.

Принципиальное отличие свойств предметов, характеризующихся отношениями, от физической субстанции ясно показал К. Маркс в «Капитале». К фундаментальному понятию структурной лингвистики — понятию ценности (элемента отношения) — применимы слова К. Маркса по поводу стоимости: «Стоимость товаров тем отличается от вдовлицы Квикли, что неизвестно, с какой стороны за нее приняться. В прямую противоположность чувственной грубой осязаемости товарных дел, в стоимость их не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним, что вам угодно, он, как стоимость, остается неуловимым»³.

Подобно тому, как в стоимость товаров не входит ни одного атома вещества природы, точно так же и в лингвистическую ценность, манифести-

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 247.

³ К. Маркс. Капитал. М., 1950, стр. 54.

руемую в звуке, то есть в фонеме, не входит ни одного атома физического субстрата, а в лингвистическую ценность, реализуемую в значении, не входит ни одного атома семантического субстрата.

Мы можем при помощи каких угодно аппаратов изучать звуки и их образование, с какой угодно степенью точности, тем не менее звук, как фонема, будет оставаться для нас неуловимым.

Итак, материальна не только физическая субстанция языка. С точки зрения диалектического материализма материальны также лингвистические отношения и пучки лингвистических отношений, изучаемые структурной лингвистикой.

Возникает вопрос: как следует расценивать с точки зрения диалектического материализма крутую ломку старых, установившихся понятий традиционного языковедения, в результате которой возникли новые чисто реляционные понятия структурной лингвистики?

Эту ломку следует расценивать как переход в процессе познания языка от сущностей одного порядка к более глубоким сущностям другого порядка. Таким образом, лингвистические понятия стали столь же относительными, как понятия других наук. Относительность лингвистических понятий, как и понятий других наук, может быть правильно понята в свете диалектико-материалистического учения о многостепенности сущностей. Для характеристики этого учения приведем следующие слова В. И. Ленина: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*».

В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*; не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности вещей также* ⁴.

Традиционное языковедение, занимаясь звуками и значениями, имеет дело с сущностями первого порядка. Структурная лингвистика, занимаясь реляционными элементами, субстратами которых являются звуки и значения, имеет дело с сущностями второго порядка. Эти последние являются более глубокими по сравнению с первыми и принципиально отличаются от них, — поэтому возникновение структурной лингвистики следует рассматривать как революцию в развитии языковедения. Однако отсюда вовсе не следует, что возникновение структурной лингвистики отменяет необходимость изучения звуков и значений. Структурная лингвистика не отменяет традиционное языковедение, но вводит его в новый комплекс идей и делает необходимым переосмыслить его позитивные результаты в новом, структурном плане.

Структурная лингвистика как абстрактная теория реляционного каркаса языка служит необходимым формальным фундаментом для изучения звуков и значений. Специфику звуков и значений как лингвистических объектов возможно раскрыть лишь на фоне реляционного каркаса языка. Исследование звуковых и семантических инвариантов и вариантов языка имеет смысл только на основе их соотнесения с соответствующими фонологическими и грамматическими инвариантами и вариантами реляционного каркаса языка. Фонетика и семантика, не опирающиеся на структурную лингвистику, были бы зданиями, построенными на песке.

Таким образом, современная наука о языке представляет собой иерархический комплекс дисциплин, в основе которого находится структурная лингвистика.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 249.

Структурная лингвистика, занимаясь исследованием реляционного каркаса языка, открывает путь к познанию наиболее глубоких тайников механизма языка, скрытых от прямого наблюдения. Имея дело с отношениями, структурная лингвистика поднимает изучение языка с эмпирического уровня на уровень познания законов языка, ибо существенной характеристикой всякого научного закона является то, что закон есть отношение.

«Закон есть отношение», — подчеркивал В. И. Ленин⁵.

Этим словами В. И. Ленина я закончу рассмотрение некоторых вопросов философской интерпретации структурной лингвистики.

⁵ В. И. Л е н и н. Философские тетради, М., 1947, стр. 128.

И. И. Удалцов

РЕШАЮЩАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ *

В историческом прошлом чешского и словацкого народов — много ярких и выдающихся событий. История навсегда сохранит память о многовековой самоотверженной национально-освободительной борьбе чехов и словаков против иноземного гнета, о славном гуситском движении и замечательной эпохе национального возрождения, о героической революционной борьбе чехословацкого рабочего класса, пронесшего боевое красное знамя свободы от баррикад Пражского восстания 1848 г. до пражских баррикад мая 1945 г. Народы Европы будут всегда с уважением и благодарностью вспоминать вклад, внесенный чехословацкими антифашистами в общее дело борьбы против гитлеровской Германии.

Но во всей многовековой истории народов Чехословакии никогда не было такого значительного и поистине великого периода, как последнее пятнадцатилетие, завершение которого торжественно отмечалось в 1960 г. в Чехословацкой Социалистической Республике.

Именно в этот период трудовой народ Чехословакии впервые в своей истории взял власть в свои руки, покончил со всеми видами социального гнета, осуществил коренные общественные и экономические преобразования, добился невиданного подъема своего народного хозяйства, расцвета национальной культуры и завершает сейчас строительство социализма.

Можно смело сказать, что этот краткий по времени период равен целой исторической эпохе. И если чехословацкий народ знал в прошлом длившуюся столетиями «эпоху тьмы», то эта новая эпоха может с полным основанием именоваться «эпохой света», эпохой новой, свободной жизни трудового народа социалистической Чехословацкой Республики — прочного звена великого содружества социалистических стран.

Самым важным итогом прошедших пятнадцати лет являются решающие победы, завоеванные чехословацкими трудящимися под руководством Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) на пути строительства социализма.

Еще три года тому назад XI съезд Компартии Чехословакии констатировал, что в стране фактически ликвидирована эксплуатация человека человеком и созданы основы социализма.

В своем новогоднем выступлении 1 января 1960 г. А. Новотный заявил: «В юбилейный 15-й год нашей народно-демократической республики мы

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором на расширенном заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященном 15-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

вступаем с полной победой социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве... Мы стоим непосредственно перед выполнением нашей ближайшей задачи — перед завершением строительства социализма»¹.

На апрельском 1960 г. пленуме ЦК КПЧ т. Новотный в своем докладе о принципах новой Конституции Чехословацкой Республики сказал: «... в нашей стране были решены все основные задачи перехода от капиталистического общества к обществу социалистическому. Мы вступаем теперь в следующий этап развития нашего общества, в этап построения всесторонне развитого социалистического общества, когда одновременно с завершением строительства социализма мы будем создавать предпосылки для последующего постепенного перехода к коммунистическому обществу»².

Каковы главные этапы того пути, который привел в наши дни народы Чехословацкой Социалистической Республики к победе социализма?

Революционная борьба рабочего класса за социализм не завершилась в условиях буржуазной Чехословацкой Республики его победой. Но величайшее значение этой борьбы состояло в том, что в упорных классовых боях с буржуазией чехословацкий пролетариат и его авангард — Коммунистическая партия — закалились, приобрели огромный политический и организаторский опыт, сумели сплотить вокруг себя значительную часть непролетарских слоев трудящихся города и деревни, заложили основы для создания союза рабочего класса с крестьянством.

Обстановка, сложившаяся после расчленения и оккупации Чехословакии гитлеровцами, изменила условия революционной борьбы рабочего класса. Перед ним возникла задача стать гегемоном антифашистского, национально-освободительного движения, объединить вокруг себя все патристические, прогрессивные силы страны. И рабочий класс Чехословакии успешно выполнил эту историческую задачу. В тяжкие для страны 1938—1945 гг. рабочий класс, его марксистско-ленинская Коммунистическая партия показали себя самыми последовательными и самоотверженными борцами за национальные интересы страны, КПЧ разработала четкую программу национальной и демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую.

Двумя главными целями национальной и демократической революции, начавшейся в 1944 г. с массовой вооруженной антифашистской борьбы и Словацкого народного восстания, были освобождение страны от национального порабощения и демократизация ее общественного и государственного строя. Осуществление этих целей, отражавших коренные жизненные интересы народов Чехословакии, должно было создать необходимые условия для дальнейшего развертывания революционного процесса, для перерастания национальной и демократической революции в революцию социалистическую.

Поражение в войне гитлеровской Германии и освобождение Чехословакии советскими войсками, активно поддержанными боевыми действиями чехословацких антифашистов, создали благоприятную обстановку для победы национальной и демократической революции и установления в стране народной власти — власти сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков, представлявшего собой коалицию нескольких политических партий при руководящей роли КПЧ.

¹ «Rudé právo», 3.I 1960.

² Там же, 17.IV 1960.

Власть правительства Национального фронта не была тогда еще диктатурой пролетариата, поскольку Национальный фронт представлял собой блок рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии и той части средней буржуазии, которая не была скомпрометирована прямым сотрудничеством с гитлеровцами и выразила согласие осуществлять цели национальной и демократической революции, сформулированные в известной Кошицкой правительственной программе.

Однако, как показал дальнейший ход событий, буржуазия рассчитывала, опираясь на свои позиции в органах государственной власти, сорвать выполнение этой программы, изгнать коммунистов из правительства и восстановить в стране капиталистический строй.

Развернувшаяся в течение последующих трех лет после освобождения страны борьба между рабочим классом и буржуазией была борьбой за власть. В ходе этой борьбы национально-демократическая революция переросла в революцию социалистическую.

Гегемония пролетариата в национально-демократической революции явилась зародышем диктатуры пролетариата. Однако она не обеспечивала еще сосредоточения в руках рабочего класса всей полноты власти после победы этой революции.

Установление и утверждение диктатуры пролетариата произошло в Чехословакии не в виде единовременного акта, не путем свержения возникшей в мае 1945 г. власти правительства Национального фронта, а в результате серии ударов по буржуазии, завершившихся решительной победой над ней в феврале 1948 г.

Важнейшими моментами перерастания национально-демократической революции в социалистическую были национализация ключевой промышленности и банков (октябрь 1945 г.), приход к власти правительства К. Готвальда весной 1946 г., слом старого буржуазного государственного аппарата и замена его органами революционной народной власти — национальными комитетами, разоблачение антинародной и антинациональной политики буржуазных партий, подавление и срыв попыток буржуазии организовать с помощью империалистических держав антигосударственные заговоры, завоевание подавляющего большинства населения на сторону политики Коммунистической партии и правительства Готвальда.

Основным методом борьбы КПЧ за единство трудящихся в революции, за укрепление союза рабочего класса с крестьянством было последовательное и неуклонное отстаивание коренных жизненных интересов и требований трудящихся при одновременном систематическом разоблачении на конкретных фактах и примерах буржуазии как силы, враждебной интересам народа.

В февральские дни 1948 г. был окончательно решен главный вопрос социалистической революции — вопрос о власти. В Чехословакии утвердилась диктатура рабочего класса. Процесс перерастания национальной и демократической революции в революцию социалистическую закончился. Начался новый период развития народной демократии — период развернутого строительства социализма.

Как известно, диктатура пролетариата неизбежна и необходима потому, что только она может обеспечить и организовать строительство социализма. Поэтому установление и утверждение власти рабочего класса является самым драгоценным завоеванием чехословацких трудящихся.

Руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, представляет собой одну из главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим

на путь социализма. Вместе с тем эти закономерности проявляются всюду при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций.

Поэтому вопросы развития политического строя и государственной власти в Чехословакии в период строительства социализма представляют собой одну из тех первоочередных проблем, которые заслуживают глубокого и всестороннего исследования. Формы и методы государственного руководства социалистическим строительством, разработанные Компартией Чехословакии, являющейся душой и мозгом народной власти, представляют огромный интерес. Эти формы и методы были выработаны КПЧ, ее ленинским ЦК на основе правильного, творческого применения в конкретных условиях Чехословакии общих принципов марксизма-ленинизма и опыта социалистического и коммунистического строительства в Советском Союзе, с учетом особенностей исторического развития страны.

Основной метод государственного руководства социалистическим строительством, который применялся и применяется в Чехословакии, — это максимальное содействие разрыванию творческой инициативы широких масс трудящихся, непрерывное расширение и углубление участия масс в управлении государственными делами, в решении коренных вопросов хозяйственного и культурного строительства и в организации практического проведения этих решений в жизнь. Постоянное расширение и углубление социалистической демократии является, в противоположность государствам буржуазным, характерной чертой развития государственного строя в Чехословакии, как и в других социалистических странах.

Большой интерес представляет, в частности, последовательно применяемый Компартией Чехословакии метод предварительного всенародного обсуждения всех важнейших мероприятий в области политической, экономической и культурной жизни страны.

Такому всенародному обсуждению подвергались, например, в 1949 г. задачи партии в связи с переходом к строительству социализма и вопрос о деятельности профсоюзов, в 1953—1954 гг. законопроект о национальных комитетах, в 1956 г. — итоги деятельности Компартии Чехословакии и проект второго пятилетнего плана, в 1957—1959 гг. — вопросы о путях повышения экономической эффективности народного хозяйства, о реорганизации управления промышленностью, о путях дальнейшего повышения жизненного уровня трудящихся, о перестройке системы нормирования труда и заработной платы и т. д. В 1960 г. была проведена всенародная дискуссия по проекту новой Конституции Чехословакии. Как видно из этого неполного перечня, всенародному обсуждению подвергаются коренные вопросы жизни страны.

Значение такого метода, родившегося в нашей стране и умело примененного чехословацкими товарищами, состоит в том, что он в огромной мере способствует усилению политической активности масс, разрыванию их творческой инициативы, ведет ко все более широкому участию всего народа в управлении государством. Вместе с тем этот метод позволяет вскрывать и реализовывать такие новые материальные и общественные резервы строительства социализма, которые не могут быть выявлены без активного участия самих трудящихся. Народные массы, видя эффективность своего участия в решении главных вопросов жизни государства, с каждым годом увеличивают свою активность, а вместе с этим растет результативность самих обсуждений.

Если в дискуссии по законопроектам о национальных комитетах в 1954 г. участвовало 2735 тыс. граждан, подавших 297 тыс. предложений,

то в 1957 г. при обсуждении вопроса об экономической эффективности руководства промышленностью и строительством было внесено уже более 500 тыс. предложений. В 1958 г. вопрос о путях повышения жизненного уровня обсуждало уже 4 млн. человек, а в проведении подготовки плана 1959 г. участвовали практически все трудящиеся страны³.

Участие трудящихся в обсуждении вопросов развития народного хозяйства и внесенные ими конкретные предложения позволили в течение второй пятилетки увеличить валовое промышленное производство более чем на 5 млрд. крон сверх плана.

В то же время применение метода всенародных дискуссий является важной формой идеологического воспитания масс в духе социализма, в духе марксизма-ленинизма и помогает тем самым быстрому росту социалистического сознания трудящихся.

Одним из замечательных проявлений роста социалистического сознания народа стало возникновение и развитие все новых и новых форм социалистического труда, поднимающее на новую, более высокую ступень не только производственную деятельность трудящихся, но и их отношение к труду, к общественным проблемам, к культуре. Это движение возникло в Чехословакии по примеру советских бригад коммунистического труда и с учетом их опыта.

В соревновании за звание бригад социалистического труда уже к началу 1960 г. участвовало более 160 тыс. рабочих, инженеров и техников, объединенных в 14 тыс. коллективов, из которых свыше 500 были удостоены этого высокого звания⁴.

По мере успехов социалистического строительства все более широким и активным становится участие трудящихся в выборных органах государственной власти, все большую роль играют в жизни страны массовые организации трудящихся — профсоюзы, Чехословацкий союз молодежи и др., — постепенно принимающие на себя ряд функций государственных органов в области социального обеспечения, контроля над производством, просвещения, суда и т. п.

Состоявшийся в январе 1960 г. пленум ЦК КПЧ подчеркнул, что главным звеном дальнейшего углубления социалистической демократии является расширение прав Национальных Комитетов — одной из самых массовых и представительных общественных организаций в стране.

Весной 1960 г. в Национальных Комитетах всех ступеней работало 216 тыс. депутатов, в том числе 78 тыс. — в советах Национальных Комитетов. В работе 70 тыс. постоянных комиссий этих комитетов наряду с депутатами принимали участие более 220 тыс. граждан. В деятельности Национальных Комитетов участвовал в общей сложности более чем шестисоттысячный актив представителей трудящихся.

65% состава депутатов — рабочие и крестьяне, 18% депутатов — служащие, 17% — прочие. Более половины всех депутатов — коммунисты⁵.

Эти данные говорят о том, что в Национальных Комитетах представлены все слои населения, что Национальные Комитеты являются органами

³ M. P a s t y ř í k. Vedoucí úloha strany-záruka úspěšné cesty československého lidu k dovršení výstavby socialismu. «Celostátní ideologický seminář k 15 výročí osvobození ČSR sovětskou armádou». Praha, 1960, str. 13.

⁴ «Rudé právo», 6.IV 1960. В настоящее время (январь 1961 г.) число бригад составило 34414 с 330 тыс. членов («Život strany», 1961, N 3, str. 130).

⁵ O. P r ů š a. Leninské učení o státu a jeho tvůrčí uplatňování v činnosti KSČ, «Nová mysl», 1960, N 4, str. 379.

союза рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции при ведущей роли рабочего класса и Коммунистической партии.

Апрельский (1960 г.) пленум ЦК КПЧ, одновременно с проектом новой Конституции Чехословацкой Республики обсудил и мероприятия, направленные на повышение прав и ответственности Национальных Комитетов в условиях нового административно-территориального деления республики. Осуществленное в 1960 году укрупнение областей и районов страны означает такую перестройку местных органов государственной власти, которая обеспечивает резкое повышение их роли в решении политических, экономических и культурных вопросов, относящихся к жизни данной области, района, города или села.

Дальнейшее расширение прав и ответственности местных органов народной власти преследовало прежде всего цель еще более приблизить руководство и управление страной к народу, к самым широким массам трудящихся.

Стремление к постоянному совершенствованию форм и методов государственного руководства народным хозяйством и культурным строительством — одна из отличительных черт развития социалистической государственности в Чехословакии. К числу характерных черт этого процесса должен быть отнесен также и ряд хотя и имеющих аналогии в других странах социалистического лагеря, но все же своеобразных явлений и институтов, таких, как Национальный фронт, многопартийная система, рабочая милиция и т. п. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть только, что этот процесс заслуживает самого пристального внимания историков, в том числе историков нашего института. При этом особый интерес представляет большая организаторская работа Коммунистической партии, сумевшей пробудить к активной политической и государственной деятельности широчайшие слои народа, организовать и возглавить творческую активность масс в интересах построения социализма.

Можно смело сказать, что оказавшаяся в руках рабочего класса и его коммунистической партии государственная власть была использована ими наилучшим образом, о чем говорят результаты развития страны после 1948 г.

Успехи чехословацких трудящихся в развитии народного хозяйства страны, явившиеся решающей предпосылкой создания материально-технической базы социализма, вместе с тем имеют большое международное значение. С одной стороны, эти успехи — серьезный вклад в укрепление экономической мощи мировой социалистической системы хозяйства, а с другой — наглядно опровергают измышления буржуазной пропаганды, утверждающей, что социализм будто бы не приносит экономических преимуществ развитым в хозяйственном отношении странам.

Чехословакия, как это хорошо известно, в довоенный период относилась к числу экономически развитых стран Европы. Поэтому ее пример, сравнение теперешних темпов ее развития с темпами периода буржуазной республики, а также с темпами хозяйственного развития промышленно развитых капиталистических государств в послевоенный период представляет большой научный и политический интерес.

Чехословацкая Республика по своим размерам и числу населения сравнительно невелика. Ее население составляет всего 0,4% человечества, или 1,3% населения, социалистических стран. Между тем удельный вес ее промышленной продукции в мировом промышленном производстве составляет 2%, а в валовой продукции социалистического лагеря — 6,2%⁶.

⁶ «Práce», 7.XI 1959; «Nová mysl», 1960. N 4, str. 401.

что является наглядным подтверждением высокого уровня промышленного развития страны.

Такой высокий уровень является не только и не столько следствием того, что Чехословакия была развитой страной и до войны. Это прежде всего и главным образом результат правильной марксистско-ленинской экономической политики КПЧ, трудовых усилий трудящихся Чехословакии и принадлежности Чехословакии к мировой социалистической системе хозяйства.

Известно, что чехословацкое народное хозяйство в первую очередь характеризуется развитой промышленностью. Посмотрим, как развивалась она в условиях буржуазной республики.

После первой мировой войны на восстановление уровня промышленного производства 1913 г. потребовалось шесть лет: 1918—1924. В 1924—1929 гг. ежегодный прирост промышленной продукции составил в среднем 5,6%, затем, в годы кризиса, произошло резкое падение, в 1933 г. уровень промышленного производства равнялся всего 40% уровня 1929 г. В последующий период уровень 1929 г. так и не был достигнут, а уровень 1913 г. был в 1937 г. превышен всего лишь на 25—26%⁷. За 20 лет всего на 25%!

Совершенно иную картину представляет собой развитие промышленности в народно-демократической Чехословакии. Для восстановления довоенного уровня (1937 г.) потребовалось здесь не шесть лет, а всего три года, и после этого, всего за 12 лет, этот уровень превзойден уже почти в 4 раза. Средний годовой прирост составляет теперь 10—11%, т. е. в пять-шесть раз больше, чем в буржуазной республике⁸.

Сравним теперь темпы промышленного развития народно-демократической Чехословакии с крупнейшими капиталистическими странами Запада. Если за последние 10 лет средний годовой прирост производства в Чехословакии составлял, как сказано, около 11%, то в США — 2,5%, в Англии — 3,4%, во Франции — 6,6%⁹. В 1958 г., когда промышленное производство по сравнению с уровнем 1937 г. увеличилось в Чехословакии на 226%, в Англии оно выросло всего на 67%, во Франции — на 84%, в США — на 121%, в ФРГ — на 113%, в Италии — на 129%, в Австрии — на 155%¹⁰.

Важнейшим показателем уровня народного хозяйства является производительность труда. За период с 1950 по 1957 г. средний годовой прирост производительности труда равен в чехословацкой промышленности 8,2%, в США — всего 2,1%, в Англии — 1,9%, в ФРГ — 5%¹¹.

Наконец, решающий показатель выполнения главной экономической задачи социалистических стран, в том числе и Чехословакии, — это производство основных видов продукции на душу населения. В настоящее время Чехословакия по производству на душу населения электроэнергии уже опередила Францию, Италию и Японию; по производству чугуна — Японию, Италию, Австрию, Канаду, Швецию; по производству стали — Францию, Австрию, Швецию; по добыче угля — Францию, Канаду, Японию, Швецию, Италию¹².

Следует учесть, что к 1965 г. довоенный уровень промышленного производства будет Чехословакией превзойден в шесть раз. Все это доста-

⁷ «Rudé právo», 4.IV 1960.

⁸ Там же.

⁹ «Práce», 10.XI 1959.

¹⁰ O. Š i k. 15 let hospodářského vývoje v lidově demokratické ČSR a další směr jeho rozvoje. — «Ideologický seminář...», стр. 50; «Rudé právo», 5.XI 1959; 2.IV 1960.

¹¹ «Rudé právo», 7.XI 1959.

¹² «Проблемы мира и социализма», 1960, № 2, стр. 9.

точно убедительно свидетельствует о полной несостоятельности попыток доказывать, что социализм якобы «не подходит» для экономически развитых стран.

Опыт Чехословакии столь же убедительно опровергает и разоблачает многие другие домыслы апологетов капитализма. Приведем еще один пример.

Известно, что проводимая КПЧ, как и другими компартиями социалистических стран, проверенная опытом Советского Союза, политика преимущественного развития тяжелой промышленности подвергалась и подвергается нападкам противников социализма, утверждающих, что такая политика якобы идет в ущерб развитию производства средств потребления, ведет к сокращению выпуска потребительских товаров и снижению жизненного уровня населения. Абсурдность и беспочвенность подобных утверждений видна хотя бы из того факта, что в Чехословакии в течение 1948—1958 гг., когда производство средств производства (группа «А») возросло в 3,4 раза, производство средств потребления (группа «Б») не только не сократилось и не остановилось на месте, а увеличилось в 2,6 раза. А за всю двадцатилетнюю историю буржуазной республики уровень производства подавляющего большинства отраслей промышленности товаров широкого потребления почти не повышался и лишь в 1929 г. несколько превысил уровень 1913 г., после чего снова снизился¹³. Примерно на одном и том же уровне находится производство предметов потребления в течение послевоенного периода в большинстве капиталистических стран Запада.

Приведенные примеры и факты, а число их можно было бы значительно умножить, говорят о том, что изучение процесса развития чехословацкой промышленности в период строительства социализма представляет большой интерес и является насущной необходимостью, поскольку результаты такого изучения будут способствовать распространению опыта чехословацких товарищей и вместе с тем дадут возможность показать на конкретном материале, что в таких высокоразвитых странах, как Чехословакия, социализм особенно быстро и наглядно выявляет свои преимущества перед капитализмом, создает немыслимые при капитализме возможности и условия для всестороннего развития производительных сил страны.

За истекшее 15-летие коренным образом преобразилось и чехословацкое сельское хозяйство, изменилось лицо чехословацкой деревни. И здесь, как и во всем народном хозяйстве страны, главным итогом является решительная победа социалистических производственных отношений, выразившаяся прежде всего в успехах политики производственного кооперирования крестьянских хозяйств и изменение социальной структуры деревни.

Социалистические преобразования в чехословацкой деревне начались значительно позже, чем в других отраслях народного хозяйства. Еще в 1948 г., когда социалистический сектор охватывал уже 95 % всех лиц, занятых в промышленности, в сельском хозяйстве он был представлен только небольшим количеством государственных хозяйств, а производственной сельскохозяйственной кооперации социалистического типа практически не существовало вовсе.

В 1949 г., в год начала кооперирования, в деревне насчитывалось около полутора миллионов единоличных хозяйств, кулакам принадлежало 17 % пахотной земли, в их хозяйствах работало 60 тыс. батраков. Доля кулацких хозяйств в основных видах поставок сельскохозяйственной

¹³ «Rudé právo», 26.III 1960.

продукции составляла 18—19%, а доля социалистического сектора была незначительной.

Прошло всего одно десятилетие и положение стало совершенно иным. К концу 1959 г. в Чехословакии в 12 560 единых сельскохозяйственных кооперативах было объединено немногим менее миллиона членов. Социалистическому сектору в деревне принадлежало уже около 85% всей сельскохозяйственной земли¹⁴. Остающаяся вне социалистического сектора земля, 80% которой составляли участки до двух гектаров¹⁵, принадлежала, в основном, живущим в деревне рабочим, служащим, пенсионерам и ремесленникам¹⁶. Значительная ее часть расположена в горных районах, где трудно применять сельскохозяйственную технику.

Таким образом, можно констатировать, что процесс кооперирования деревни в основном осуществлен и его полное завершение займет уже немного времени.

Чрезвычайно важным результатом социалистического преобразования деревни явилась ликвидация кулачества путем применения политики его ограничения и вытеснения. Кулачество утратило свою экономическую базу, лишилось возможности эксплуатировать чужой труд и перестало существовать как класс.

Вместе с тем родился новый класс — кооперативное крестьянство, которое играет теперь решающую роль в жизни чехословацкой деревни.

Опыт Чехословакии полностью подтвердил марксистско-ленинское положение о том, что постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства представляет собой одну из главных общих закономерностей развития всех стран, вступающих на путь социализма.

Этот опыт наглядно показал абсолютную несостоятельность попыток буржуазных апологетов и ревизионистов утверждать, будто бы в условиях развитого интенсивного сельского хозяйства и наличия укоренившихся традиций частной собственности на землю политика коллективизации не имеет перспектив. Победа социализма в чехословацкой деревне, успехи социалистического преобразования сельского хозяйства в других странах народной демократии Европы, особенно в Болгарии, ГДР и Венгрии показывают, что политика производственного кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств не только вполне пригодна для любой европейской, да и неевропейской страны, но и что только она, эта политика, несет трудовому крестьянству освобождение от эксплуатации, зажиточность, культуру и делает его активной общественной и политической силой в жизни страны.

Противники коллективизации в качестве одного из своих главных аргументов выдвигают обычно тезис, что процесс коллективизации будто бы неизбежно сопровождается дезорганизацией сельского хозяйства, резким сокращением сельскохозяйственного производства и вследствие этого снижением поставок сельскохозяйственного сырья для промышленности и т. п., одним словом, — едва ли не полным крахом всего народного хозяйства и, как следствие этого, политическими потрясениями.

Пример Чехословакии опровергает и эти утверждения врагов социализма. Сельскохозяйственное производство в Чехословакии, хотя и развивается значительно медленнее, чем промышленное, тем не менее не только не сократилось, но и, наоборот, даже в период наиболее интенсивного ро-

¹⁴ «Zemědělské noviny», 22.I 1960; «Rudé právo», 9.II 1960. По данным на февраль 1961 г. — 90,4%. «Правда», 17. II 1961.

¹⁵ «Rudé právo», 9.II 1960.

¹⁶ B. Š e d i v ý. M. Z u b i n a. Drobní držitelé půdy a jejich úloha v našem zemědělství. «Nová mysl», 1960, N 1, str. 80.

ста кооперативов — в 1952—1958 гг. — увеличилось на 18%¹⁷. По сравнению же с 1936 г. сельскохозяйственное производство, в расчете на одного постоянно занятого в сельском хозяйстве работника, возросло в 1958 г. на 93%, а товарная продукция — на 139,5%¹⁸.

Эти примеры говорят о том, что успехи в развитии чехословацкого сельского хозяйства, как и в развитии промышленности, имеют большое не только внутреннее, но и международное значение.

В настоящей статье нет возможности даже бегло охарактеризовать основные линии и особенности развития чехословацкого сельского хозяйства в период строительства социализма. Между тем таких исторически сложившихся особенностей, отличающих процесс кооперирования чехословацкой деревни от процесса коллективизации советской деревни, имелось и имеется множество. Напомним, что кооперирование в чехословацкой деревне осуществляется при отсутствии национализации земли; что характерным для Чехословакии является наличие большого числа в деревне постоянно живущих рабочих с наделами и без наделов; что Коммунистическая партия и государственные органы имели возможность использовать в интересах коллективизации существовавшую в деревне широкую сеть различных непроектных кооперативов и опираться на развитую промышленность и т. д.

Совершенно очевидно, что глубокое и всестороннее изучение развития чехословацкого сельского хозяйства, форм и методов социалистического преобразования чешской и словацкой деревни имеет большое теоретическое и практическое значение и должно стать одним из важных объектов исследований историков-славяноведов.

Выдающимся успехом социалистической Чехословакии является быстрый экономический и культурный прогресс Словакии, убедительно подтверждающий марксистско-ленинское положение о том, что отставшие при капитализме в своем развитии народы в условиях социализма получают реальную возможность ликвидировать свою былую отсталость, подняться до уровня передовых стран. Важно подчеркнуть, что реализация этой возможности становится при социализме обязательной закономерностью, действующей как в масштабах всего социалистического лагеря, во взаимоотношениях между государствами, так и внутри неоднородных по своему национальному составу социалистических государств. Разумеется, такое выравнивание уровня экономического и культурного развития возможно лишь при условии поддержки и помощи со стороны более высокоразвитых народов. Именно такую братскую поддержку и помощь оказал словакам чешский народ.

Коммунистическая партия и правительство Чехословакии в своей практической деятельности по ускоренному развитию Словакии опирались на марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и на опыт национального строительства в Советском Союзе.

Успех этой деятельности был обеспечен прежде всего тем, что КПЧ положила в основу политики развития Словакии крутой подъем ее экономики, в первую очередь — промышленности.

Общезвестна отсталость словацкой экономики в условиях буржуазной республики, за все время существования которой число занятых в промышленности Словакии увеличилось до смешного незначительно — всего примерно на 10 тыс. человек — и составило в 1937 г. немногим более 100 тыс. по сравнению с 92 тыс. в 1913 г. В том же 1937 г. доля Словакии

¹⁷ «Zemědělské noviny», 5.II 1960.

¹⁸ О. Š i k. Указ. соч., стр. 43.

в общем объеме промышленного производства страны составляла всего 6,7%¹⁹.

В теперешней Чехословакии, в особенности за последние 10—12 лет, картина резко изменилась. В 1959 г. число занятых в словацкой промышленности равнялось уже 365 тыс. человек, а доля Словакии в промышленном производстве республики возросла до 17,4%. За последние 15 лет в Словакии построено 225 новых заводов и около 150 заводов реконструировано и модернизировано.

В 1959 г. объем промышленного производства в Словакии превысил уровень 1937 г. в 8,6 раза, в 1960 г. — в 10 раз, а в 1965 г. превысит в 17 раз. Сейчас словацкая промышленность примерно за 40 дней выпускает столько же продукции, сколько она выпускала за весь 1937 г., а в 1965 г. она будет делать это всего за три дня. Только один ежегодный прирост промышленной продукции Словакии равняется сейчас всему объему производства за 1937 г.

Сельскохозяйственное производство в Словакии выросло за годы народной власти на одну треть по сравнению с довоенным уровнем, производительность труда в сельском хозяйстве — на 115%, а товарное производство — на 176%. Замечательные цифры, говорящие о многом²⁰.

Необходимо подчеркнуть, что важным следствием правильной политики КПЧ в отношении Словакии является то, что словацкий народ и другие населяющие территории Словакии народы во все возрастающей степени оказывают влияние на успешный ход строительства социализма в стране; словацкая экономика играет все большую роль в развитии социалистического народного хозяйства республики; словацкая культура и культура чешского народа все сильнее взаимно обогащают друг друга. А это говорит о том, что по мере своего развития Словакия вносит все больший вклад в общее дело строительства социалистического Чехословацкого государства.

Можно с уверенностью сказать, что осуществляемая Компартией Чехословакии политика всестороннего развития и подъема Словакии является серьезным вкладом в теорию и практику национального строительства и должна быть внимательно изучена.

Успехи экономического развития страны сопровождаются неуклонным ростом жизненного уровня трудящихся города и деревни. Данные статистики свидетельствуют о существенном и систематическом росте реальной заработной платы рабочих и служащих, повышении доходов крестьян, увеличении потребления важнейших продовольственных и промышленных товаров на душу населения. Чехословакия уже теперь принадлежит к числу стран с наиболее высоким жизненным уровнем народа.

Это является следствием постоянной заботы партии о жизненных нуждах и потребностях трудящихся, результатом ряда мероприятий по **повышению** благосостояния населения. 23 апреля 1960 г. было опубликовано **новое** постановление ЦК КПЧ о дальнейших мерах по **повышению** жизненного уровня народа, которые должны приносить ежегодно **дополнительную** выгоду населению в размере 2460 млн. крон. Среди этих мер — крупное **снижение** цен на промышленные и некоторые продовольственные товары, сокращение платы за пользование электроэнергией, бесплатное обеспечение всех учащихся общеобразовательных и профессиональных школ **учебниками** и учебными пособиями, повышение пенсий по старости, инвалидности и т. д. ЦК КПЧ констатировал, что с осуществлением этих

¹⁹ «Nová mysl», 1959, N 10; «Zemědělské noviny», 7.IV 1960.

²⁰ Составлено по: «Nová mysl», 1959, N 10; «Rudé právo», 28.X, 2.XI 1959; 28.II, 17.III 1960; «Zemědělské noviny» 7.IV 1960; «Obrana lidu» 21.I 1960.

мероприятий в 1960 г. будут выполнены директивы партии об увеличении в течение второй пятилетки (1956—1960) личного потребления населения на одну треть и реальной заработной платы рабочих и служащих на одну пятую. В постановлении говорится: «Систематическое повышение жизненного уровня населения является результатом успешного строительства социализма в нашей стране, свидетельством развивающейся творческой активности и инициативы трудящихся и выражением единства личных и общественных интересов и потребностей»²¹.

Составной частью социалистического преобразования общества является культурная революция. Руководя процессами экономических и социальных преобразований, организуя и направляя эти процессы, КПЧ неустанно работала и работает над идеологическим воспитанием народа в духе идей социализма и пролетарского интернационализма, проявляет постоянную заботу о совершенствовании системы народного образования, развитии социалистической науки и культуры. Главным результатом деятельности Коммунистической партии в идеологической области является формирование нового человека — активного строителя социализма, борца за мир и дружбу между народами, — за победу коммунистических идеалов.

Если попытаться максимально кратко перечислить важнейшие завоевания чехословацкого народа за 15 лет, то можно сказать, что за это время:

утвердилась и доказала свою незыблемую прочность народная власть; окрепла, сплотила свои ряды и стала признанным руководителем всего народа Коммунистическая партия Чехословакии — боевой отряд международного рабочего движения;

ликвидирована капиталистическая экономика и создана сильная, бурно развивающаяся социалистическая экономика;

исчезли навсегда эксплуатация человека человеком и эксплуататорские классы;

упрочился и выдержал все испытания союз рабочего класса с крестьянством и другими трудовыми слоями населения;

сложился подлинно братский союз чешского и словацкого народов, трудящихся всех национальностей республики;

существенно вырос материальный и культурный уровень жизни трудящихся;

в сознании подавляющего большинства народа одержала решающую победу идеология марксизма-ленинизма;

Чехословакия стала важной составной частью и прочным звеном социалистического лагеря.

Все это позволило записать в новой Конституции Чехословацкой Социалистической Республики следующие замечательные слова:

«Мы, трудящиеся Чехословакии, торжественно провозглашаем:

Общественный строй, за который боролись целые поколения наших рабочих и остальных трудящихся и который после победы Великой Октябрьской социалистической революции был перед нашими глазами как образец, стал теперь, под руководством Коммунистической партии Чехословакии, действительностью и у нас.

Социализм в нашей отчизне победил!»²².

В этом выдающемся документе, подводящем итоги пройденного чехословацким народом пути и раскрывающем перед ним перспективы движения

²¹ «Rudé právo», 23.IV 1960.

²² Там же, 12.VII 1960.

к коммунизму, обобщен исторический опыт народа, накопленный в период строительства социализма.

Одна из первых статей этого документа гласит: «Руководящей силой общества и государства является авангард рабочего класса, Коммунистическая партия Чехословакии, добровольный боевой союз наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочих, крестьян и интеллигенции».

Эта статья Конституции отражает тот глубоко осознанный народом факт, что на протяжении всех сорока лет своего существования КПЧ была и остается самой революционной, самой передовой, самой подлинно национальной силой общества; что именно КПЧ привела народ к освобождению от капиталистического гнета и к победе социализма; что только она способна привести его к коммунизму.

Полуторамиллионная закаленная в классовых боях Коммунистическая партия Чехословакии, тесно связанная братскими узами международной солидарности с КПСС и всем международным коммунистическим движением, вобрала в себя лучших из лучших представителей народа и успешно воплощает в жизнь идеи марксизма-ленинизма. Именно поэтому она вправе и в силах осуществлять руководство народом, руководство государством. История Компартии Чехословакии, ее борьбы и побед, ее деятельности по руководству социалистическим строительством — это источник познания наиболее выдающихся событий недавнего прошлого и настоящего народов Чехословацкой Социалистической Республики.

Чехословацкие товарищи, говоря о своих достижениях и завоеваниях, обычно подчеркивают, что эти достижения и завоевания стали возможными благодаря помощи со стороны Советского Союза, освободившего страну от гитлеровских захватчиков, не допустившего вмешательства империалистических держав во внутренние дела Чехословацкой Республики и оказывающего ей в течение всего послевоенного периода широкую и разностороннюю экономическую, внешнеполитическую и иную поддержку. Это полностью соответствует действительности. Советский Союз — первое и самое мощное социалистическое государство — всегда оказывал и будет оказывать всестороннюю помощь и поддержку народам, вставшим на путь социализма, предоставлять в их распоряжение свой опыт социалистического и коммунистического строительства. Необходимо подчеркнуть в связи с этим, что взаимоотношения между СССР и Чехословакией, как и между другими социалистическими странами, характеризуются с каждым годом все более ярко выраженным принципом взаимности. Советские люди высоко ценят плодотворное экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество с Чехословакией, ее большой вклад в укрепление мощи социалистического лагеря, в борьбу за мир, за победу принципов ленинской внешней политики на международной арене. Советско-чехословацкие отношения представляют собой один из наиболее ярких примеров нового типа межгосударственных отношений, характерных для социалистического строя и основанных на принципах пролетарского интернационализма.

Итак, итоги экономического, политического и культурного развития Чехословакии за последние 15 лет дают, как мы видели, ответ на ряд вопросов, бесспорных для марксистов-ленинцев, по оспаривавшихся и оспариваемых противниками марксизма и социализма.

В тот период, когда в мире существовало одно-единственное социалистическое государство — Советский Союз, — труднее было обосновывать и защищать марксистско-ленинскую политику нашей партии, направленную на осуществление коренных социально-экономических преобразова-

ний, на построение социализма и коммунизма. Буржуазные теоретики и политики и их ревизионистские подпевалы объявляли наш опыт в этой области не имеющим значения для других стран, особенно для стран экономически высокоразвитых.

Теперь, когда имеется возможность сопоставлять опыт социалистического строительства в странах, находившихся при капитализме на самом различном уровне экономического и культурного развития, с полной очевидностью выявляется непоколебимая правильность марксистско-ленинского учения о социализме и коммунизме, всемирно-историческое значение опыта социалистического и коммунистического строительства в Советском Союзе.

Развитие Чехословацкой Республики в послевоенный период дает чрезвычайно важный и интересный материал для такого сопоставления, обогащающий теорию и практику социалистической революции и социалистического строительства. Глубокое изучение этого материала — насущная задача научных работников. Выше была сделана попытка указать на некоторые из возможных направлений исследования этого периода.

Говоря о необходимости существенного расширения научной работы в области исследования процессов исторического и культурного развития Чехословакии в период строительства социализма, необходимо подчеркнуть, что изучение этого периода не может и не должно вестись в отрыве от предшествующей истории чешского и словацкого народов. Совершенно очевидно, что именно там, в их историческом прошлом вызревали и складывались условия, сделавшие возможным переход к социалистическому обществу.

Без знания и понимания исторических процессов, подготовивших народы к вступлению в социалистическую эпоху, нельзя правильно понять и оценить характер и значение событий, происходящих в наши дни. Знать прошлое, чтобы понимать настоящее и помогать народу предвидеть будущее, — таково назначение исторической науки и каждого историка.

Но это не значит, разумеется, что все, что происходило в прошлом, одинаково важно и существенно. Не все исторические факты и явления равны перед лицом истории и историка.

Уметь отобрать важное и существенное из суммы событий и фактов, нагроможденных историей за тысячелетия, уметь отличить в прошлом это существенное и важное для понимания настоящего и будущего от незначительного и случайного — первейшая обязанность историка. Сто раз прав наш старый друг и учитель многих из нас — Зденек Романович Нежелды, сказавший на III съезде чехословацких историков: «Главной нашей заботой должно быть: не утонуть в прошлом. Здесь речь идет не столько о том, какую эпоху мы изучаем — эпоху феодализма или другую, более новую эпоху. Не это главное. Главное в том, чтобы мы всегда имели в виду формирование чего-то, чего сейчас нет, но что должно быть... Прошлое есть прошлое. А наука существует не для того, чтобы оживлять труп, Наука создает новые ценности, если она действительно является наукой»²³.

Это глубоко мудрые слова выдающегося ученого, посвятившего многочисленные труды *всем* периодам истории своего народа, слова крупного политического и государственного деятеля, активного строителя социалистической Чехословакии.

Если говорить о том, что же может и должно в первую очередь интересоваться нас в прошлом чешского и словацкого народов, на чем мы должны сосредоточить свое внимание, то следует назвать прежде всего историю

²³ Z. Nejedlý. O poměru historie k dnešku. «Československý časopis historický», 1960, N 1, str. 33.

революционной борьбы рабочего класса и крестьянства, национально-освободительных движений, возникновения и деятельности Коммунистической партии Чехословакии, формирования, распространения и победы идей социализма и коммунизма в рабочем движении, в сознании широких масс. Изучение этих проблем должно, несомненно, вестись в тесной связи с исследованием истории народного хозяйства и культуры. Это те проблемы *внутренней* истории Чехословакии, которые представляют собой предысторию социалистической республики.

Другая группа важнейших проблем связана с изучением всех видов и направлений взаимоотношений и связей народов нашей страны с чешским и словацкими народами в прошлом, с историей советско-чехословацких отношений.

Коллектив Института славяноведения Академии наук СССР немало сделал в последние годы для изучения истории и культуры Чехословакии и разработал довольно широкую программу дальнейших исследований. Следует сказать в связи с этим, что уровень и значимость наших работ существенно возрастут, если мы будем рассматривать происходящие в Чехословакии исторические процессы не изолированно, а в сопоставлении с аналогичными процессами в других социалистических странах. Разумеется, это потребует от нас дополнительных усилий, повышения уровня специальной подготовки. Но постоянное совершенствование наших специальных знаний так же необходимо, как непрерывное углубление теоретической подготовки, систематическое изучение и освоение всех составных частей марксистско-ленинского мировоззрения.

Народы Советского Союза отметили национальный праздник Чехословакии — 15-летие освобождения страны от гитлеровских захватчиков — как свой собственный праздник, как праздник всего социалистического лагеря. Это одно из замечательных проявлений нового характера взаимоотношений между государствами и народами, возникшего в условиях социализма. Успехи наших друзей радуют нас по многим причинам и прежде всего потому, что они означают приближение того времени, когда страны социалистического лагеря вслед за Советским Союзом станут осуществлять переход от социализма к коммунизму. Народы Чехословакии много сделали для достижения этой цели. И мы вместе с ними гордимся их великими достижениями.

К V МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

11—17 ноября 1960 г. в Софии состоялось совещание Международного комитета славистов.

Совещание обсудило итоги IV Международного съезда славистов и наметило основную проблематику созываемого в 1963 г. в Софии V Международного съезда славистов.

Совещание признало необходимым расширить проблематику предстоящих съездов славистов, включив в их программу наиболее важные вопросы истории славянских народов (для обсуждения на V Международном съезде славистов утверждены, в частности, следующие проблемы: славянский этногенез; образование славянских государств; общественная мысль славянских народов в средние века и новое время; революционное и национально-освободительное движение славянских народов; Великая Октябрьская социалистическая революция и славянские народы; общественно-культурное развитие славянских стран после второй мировой войны; современные проблемы славянской этнографии).

Совещание обсудило также работу комиссий при Международном комитете славистов и организационные вопросы.

Ниже публикуется обсужденный на совещании доклад Председателя Советского комитета славистов академика В. В. Виноградова об итогах IV Международного съезда славистов и дальнейших перспективах работы Международного комитета славистов.

Акад. В. В. Виноградов

ИТОГИ IV МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

1. Общие наблюдения, итоги и выводы]

Московский Международный съезд славистов, по единодушному признанию как его участников, так и тех ученых, которые заочно откликнулись в печати на его результаты и на сообщения о нем, был ярким проявлением и воплощением идеи широкого научного сотрудничества славянских и неславянских филологов, идеи, вдохновлявшей еще основоположников науки о славянстве — Добровского, Востокова, Копитаря, Вука Караджича, Линде и Штура, затем Срезневского, Ягича, Челаковского, Ив. Франка, названных в приветственном слове акад. Т. Павлова основателей и организаторов болгарской славистики и других выдающихся представителей славяноведения.

Двухлетний срок, отделяющий нас сейчас от этого съезда, помогает нам уже в перспективе времени оценить его значение, найти ему хотя бы предварительное место в истории мирового славяноведения, отметить удаchi и неудачи, охарактеризовать недостатки и очертить задачи ближайшего развития славистики, дальнейшие пути и формы международного сотрудничества в этой важной области историко-филологических наук.

Характерной чертой почти всех славистических съездов, начиная с первого, Пражского (1929 г.), было стремление к постановке широких принципиальных вопросов, к выдвижению центральных лингвистических и литературоведческих проблем, разрешение которых на славянском материале имело не локально-славянское, а широкое международное и общетеоретическое значение, оказывалось значительной вехой в истории лингвистической и историко-литературной научной мысли. В самом деле, развитие фонологии и системного понимания языка, отчасти связанное с Пражским съездом, опиралось в очень большой мере на славянский материал. Славянские языки, наряду с другими европейскими, прежде всего были подвергнуты опытам статистического и алгоритмического анализа для целей машинного перевода и других замыслов так называемого «прикладного» языкознания. Славянские литературы явились благодарным материалом для разрешения методологических вопросов, связанных с изучением развития и сущности классического реализма, направления, создавшего богатейшее наследие современной мировой культуры в области литературного искусства, для разрешения проблем становления, оформления и распространения нового реалистического метода, направлен-

ного на отражение черт нового человека и социалистического обновления жизни.

Заслуги первых трех славистических съездов — Пражского, Варшавского (1934 г.) и Белградского (1955 г.) — бесспорны. Несомненно также, что проблематика исследования славянских языков и литератур, а также связанная с нею проблематика общего языкознания и литературоведческой теории постепенно расширялись от одного съезда к другому, хотя и не всегда последовательно развивались в строго определенных направлениях. Однако сейчас нам ясна не только научно-теоретическая, но и организационная ограниченность этих съездов. И в этом отношении у IV Международного съезда славистов, проходившего в 1958 г. в Москве, оказались некоторые преимущества, предоставленные ему новой эпохой.

Московский съезд положил конец ненормальному положению, заключающемуся в том, что в работе первых трех съездов принимали незначительное участие или вовсе отсутствовали славяноведы ряда стран и прежде всего славяноведы СССР — представители трех многочисленных славянских народов — России, Украины и Белоруссии.

Московский съезд вместе с тем продемонстрировал интенсивный рост славистических кадров в неславянских странах и предоставил впервые в истории славяноведения трибуну ученым-славяноведам азиатских стран. Славяноведение стало наукой, которая разрабатывается на всех континентах, в ее развитии, хотя и в разной степени, заинтересованы ученые самых далеких стран мира.

Статистика, которая в последнее время довольно решительно стремится проникнуть в языкознание, могла бы наглядно продемонстрировать нам численное соотношение числа участников, докладов, тем, проблем, секций, комиссий и подкомиссий, наконец, научных изданий и материалов, представленных на первом, втором, третьем и четвертом съездах. Изданный Советским комитетом славистов «Отчет» о Московском съезде освобождает от необходимости подробно останавливаться на этой стороне дела. Можно лишь напомнить, что на первом, Пражском, съезде насчитывалось 544 участника (из них 183 зарубежных) и было прочитано 86 докладов и сообщений. На втором, Варшавском съезде было приблизительно то же количество участников и представлено 147 докладов и сообщений, правда, многие из них на съезде не читались и не обсуждались. На третьем, Белградском, съезде, по предварительным заявкам, должно было быть более 400 участников (408) и предполагалось сделать 125 докладов, не считая ответов на вопросы, по которым намечалась общая дискуссия. На четвертом Международном съезде было представлено 28 стран, в нем приняло участие более полутора тысяч славистов, из них треть составляли зарубежные ученые. Было прочитано 253 доклада из представленных 318, не считая многочисленных статей в сборниках, посвященных съезду, и ответов на вопросы по языкознанию и литературоведению. Само собой разумеется, что гораздо более существенным является расширение и изменение тематики четвертого съезда по сравнению с предыдущими. На первых трех съездах в темах отдельных докладов и сообщений нередко ощущался, образно говоря, дух «частной инициативы», дух индивидуального и иногда очень специального «изобретательства». Темы некоторых рефератов, часто даже весьма любопытных и интересных, не были подчинены задачам целенаправленной и заранее определенной тематики съезда — это затрудняло свободный ход широкой дискуссии, уменьшало общий научный эффект съездов. Перед четвертым конгрессом московское (май 1956 г.), пражское (январь 1957 г.) и варшавское (январь 1958 г.) совещания и заседания Международного комитета заранее определили основную тематику

и программу съезда, выделив ряд общих актуальных научных проблем. Правда, длительный перерыв между третьим, а фактически вторым и четвертым конгрессом потребовал от Международного комитета славистов постановки, быть может, чрезмерно большого числа научных вопросов в самом широком аспекте и тем самым предопределил многоплановую структуру проблематики съезда.

Тем не менее тщательная подготовка к IV Международному съезду, проведенная Международным комитетом славистов и советскими национальными комитетами, во многом способствовала более продуманному отражению новых задач и перспектив славяноведческой науки на современном этапе ее развития и значительно ослабила в программе съезда элементы случайности и мелкой пестроты. Все это, конечно, не могло вполне оградить течение съезда от некоторой примеси частных и узких тем.

2. История славянских литературных языков

Обращаясь непосредственно к общей характеристике лингвистического содержания Московского съезда, следует сказать, что безусловно новым для славянских конгрессов и очень плодотворным было свободное и внимательное обсуждение проблем возникновения, развития и взаимодействия славянских литературных языков и связанных с ними вопросов соотношения книжного и народного начал в истории этих языков, проблем литературного двуязычия в истории славянских народов, роли старославянского языка как международного культурного языка славян в древние периоды их культурной истории. Лингвисты-слависты старшего, уже ушедшего от нас, поколения в большинстве случаев не видели разницы в методах и задачах изучения истории языка как такового (т. е. в исследовании исторической грамматики и диалектологии) и изучения истории литературного языка, имеющего свои особые условия и закономерности развития. Дискуссия на Московском съезде обнаружила важность и своевременность поднятых в этой сравнительно новой области славянского языкознания вопросов, но в то же время показала необходимость дальнейшего — более расчлененного и теоретически углубленного их рассмотрения — определения основных структурных особенностей славянских литературных языков в эпоху средневековья, в преднациональный и национальный периоды. Остро выступила задача периодизации славянских литературных языков и книжнославянского (в основе своей старославянского) языка. Успешное решение этих научных задач зависит не только от более строгого теоретического подхода, но и от наличия нового материала, который должны предоставить дифференцированные по эпохам, а возможно, и по жанрам письменности и характеру языка исторические словари славянских языков, словарь старославянского и церковнославянского языка, исследования и издания памятников письменности, создание сводных каталогов славянских рукописей. Задача нашего Комитета всемерно поощрять работу в этом направлении, осуществлять координацию соответствующих исследований, посвященных анализу закономерностей развития славянских литературных языков в донациональную эпоху и в эпоху образования наций, раскрытию общих и специфических для отдельных народов тенденций формирования национальных литературных языков, сопоставлению грамматических и лексико-семантических процессов, происходивших в этот период в разных славянских языках, выяснению роли языка художественной литературы в развитии общенационального литературного языка и т. п.

Представляют огромный интерес исследования не только взаимодействий славянских литературных языков, но и аналогий, соотносительных или параллельных языковых явлений и процессов в закономерностях их развития. Любопытны также обобщения, касающиеся неравномерности темпов развития однородных явлений в разных славянских языках. Так, явления, характерные для русского литературного языка во второй половине XVII и в XVIII в., были свойственны болгарскому литературному языку в первой половине XIX в., а сербскому — в XVIII — начале XIX в. Не могут быть оставлены в стороне при изучении истории славянских литературных языков проблемы стилистической дифференциации их в разные эпохи, проблемы их исторической стилистики. Между тем лингвистическое исследование смены или сосуществования различных стилей, определение социальных и литературно-жанровых сфер их употребления, их функциональных и структурно-соотносительных различий — все это еще почти не исследовано в истории славянских литературных языков. И многое в этом направлении остается на долю V Международного съезда славистов.

Сложность изучения славянских литературных языков — в их современном состоянии и в их истории — усугубляется еще тем, что до сих пор в теории общего языкознания, а следовательно и в славистике, недостаточно точно определены и разграничены понятия и термины «литературный язык», «письменный язык» или «язык письменности», «деловой язык», «язык художественной литературы», «разговорный литературный язык», «культурный язык» или «культурный диалект», «стиль языка», «стиль речи» и т. п.

3. Вопросы исторической и сравнительно-исторической грамматики и лексикологии славянских языков, а также типологии славянских языков

Подсекция исторической и сравнительной грамматики и лексикологии славянских языков отличалась на минувшем съезде обилием и разнообразием проблем и, соответственно этому, некоторой пестротой тематики. Наиболее успешно обсуждался традиционный для славистических съездов вопрос видовых корреляций, соотношения категорий вида и времени, вопрос определения и распределения падежных значений, в области синтаксиса — проблема соотношения синтаксического строя различных языков, главным образом греческого и древнеславянского, в области сравнительно-исторической лексикологии — принципы и задачи этимологических исследований. Фонологическая проблематика касалась вопросов, связанных с реконструкцией праславянского звукового состояния, а также проблем типологии и характеристики фонологических систем современных славянских языков. В связи с этим следует отметить, что по первоначальному замыслу нашего Комитета, стремившегося несколько ограничить и концентрировать тематику съезда, почти исключались проблемы, связанные с изучением современного состояния фонетического и грамматического строя славянских языков. Однако и в этой области на заседания съезда были представлены отдельные доклады, посвященные разрозненным, иногда очень частным темам описательной грамматики отдельных славянских языков.

По-видимому, особенно остро нуждаются в дальнейшем изучении и обсуждении на новом съезде славистов вопросы теории синтаксиса, вопросы исторического и сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков.

В области сравнительно-исторического изучения славянского синтаксиса остается до сих пор неразрешенным ряд кардинальных проблем. Не установлены твердые принципы и методы реконструкции синтаксических явлений. Различна степень достоверности отдельных реконструкций. Если для глагольно-именных сочетаний, для синтаксиса падежей или для синтаксиса глагольных форм времени можно достигнуть большей степени вероятности, то в области синтаксиса предложения (паратаксиса и гипотаксиса), как и в области таких явлений, как порядок слов, пока еще реконструкция связана со значительным риском. До сих пор нет четкого представления о структурных особенностях синтаксической системы, как нет и единого понимания синтагмы и даже общей методики синтаксического анализа, что в значительной степени затрудняет и опыты реконструкции и обобщающие исследования по историческому синтаксису славянских языков. Естественно, что на IV съезде были выдвинуты доклады, связанные с более конкретным материалом и более реальными задачами, как, например, группа докладов по проблеме синтаксических, преимущественно греческих, заимствований в старославянском и древнерусском языках, рассмотренная на широком материале, или доклад о системе предложных конструкций в современном сербо-хорватском языке. Не случайным является и тот факт, что члены сравнительно-исторической подсекции единодушно подчеркнули необходимость активного и тщательного собирания диалектного синтаксического материала, которым до сих пор славянское языкознание располагает в очень незначительной степени. Этот материал дополнит, обогатит, а в отдельных случаях, видимо, и изменит ту довольно схематическую картину исторического развития славянского синтаксиса, которая воссоздается на основании письменных источников.

Таким образом, в плане методологической работы IV Международного съезда, относящаяся к сравнительно-исторической грамматике и лексикологии славянских языков, не имела единства. Наряду с докладами чисто филологического характера были доклады, выполненные в духе традиционно-описательном. Заметным и ощутимым был и структурный подход к изучаемым явлениям. Некоторые вопросы теоретической грамматики, поднятые еще на третьем, четвертом съездах, отсутствовали. Поэтому, безусловно, надо приветствовать инициативу Болгарского комитета славистов, предложившего будущему съезду в качестве одной из общих проблем проблему «Структурная типология славянских языков». Внимание к системным отношениям внутри грамматического и фонологического строя славянских языков, интерес к широким теоретическим обобщениям были всегда характерны для ведущих представителей нашей науки, начиная с Бодуэна-де-Куртенэ и его «школ» — казанской, петербургской и варшавской, для «петербургской школы» акад. Л. В. Щербы, для Пражского лингвистического кружка, для многих работ наших современников.

Будущему съезду следует уделить большее внимание проблемам типологической характеристики современных славянских и сопредельных с ними неславянских, в первую очередь балканских, языков, определению фонологических моделей славянских языков, их морфологических особенностей и словообразовательно-типологических свойств. Выяснение различных типов предложений и синтагм и их трансформационных возможностей имеет не только теоретическое, но и практическое значение для целей машинного перевода.

Типологическое исследование может быть произведено не только в современном — динамико-генетическом, но и в историческом плане,

и это, надо полагать, окажет серьезное воздействие на дальнейшее развитие славянской сравнительно-исторической грамматики. Бесспорна также важная роль типологических приемов исследования в разработке лингвистических балканистических проблем, которые широко ставились лишь на третьем съезде славистов и сейчас вновь и вполне правомерно поднимаются болгарскими славистами.

Балканистические проблемы требуют дальнейшей разработки теории субстрата, с которой необходимо считаться и при решении древнейших судеб восточнославянских и других славянских языков.

4. Проблемы прародины и праславянского языка, балтийско-славянских языковых отношений, топонимики и ономастики

Классические для славистики и традиционные для славистических съездов вопросы определения славянской прародины и древнейшего диалектного членения праславянского языка, вопросы балто-славянских языковых отношений нашли на минувшем Московском съезде славистов широкое отражение как в докладах, так и на дискуссии. Был подведен итог многолетней работе славянских лингвистов, археологов и историков и был в первую очередь положительно оценен систематический и интенсивный труд наших польских коллег. Сейчас почти во всех славянских странах и за их пределами продолжаются исследования в этих направлениях.

Однако сравнительно небольшой интервал во времени, отделяющий V съезд от IV, едва ли даст возможность исследователям выступить с принципиально новыми, подкрепленными большим материалом, положениями и полностью преодолеть противоречия, обнаружившиеся на Московском съезде по многим из относящихся сюда вопросам. Поэтому тематику в этой области славяноведения следовало бы тщательно конкретизировать, обратив при этом особое внимание на разыскания в области топонимики и лингвистической географии. Наш Комитет может с удовлетворением отметить, что во время двухлетнего перерыва между его заседаниями начали успешную работу Комиссия по ономастике (заседание в октябре 1959 г. в Кракове) и Комиссия по общеславянскому атласу (в ноябре 1959 г. в Варшаве и в октябре этого года в Будышине). Проблемы, связанные с общеславянским атласом, поднятые еще накануне первого съезда Бодуэном-де-Куртенэ, Мейе и Теньером, были подробно обсуждены на Московском съезде, положившем, надо думать, прочное начало этому чрезвычайно важному всеславянскому предприятию. Можно с удовлетворением отметить, что дальнейшая работа от постановки вопросов и обсуждения их в общей форме идет в направлении конкретной разработки программы, сетки пунктов, методов и задач полевой работы и т. п. В связи с этим нашему Комитету следует рассмотреть вопрос о возможности постановки некоторых проблем, в частности проблем общеславянского атласа, топонимики и ономастики, лингвистической терминологии, а возможно, и составления исторических словарей и словаря церковнославянского языка не только на пленарных и секционных заседаниях съезда, но и на расширенных открытых заседаниях комиссий, так как все эти проблемы помимо чисто научных требуют ряда конкретных и тщательно взвешенных организационных решений. С другой стороны, это должно повысить авторитет наших комиссий, которые, к сожалению, на IV съезде из-за отсутствия необходимого времени и четкого понимания своих задач и возможностей работали не всегда достаточно организованно и плодотворно.

5. Вопросы прикладного языкознания

Своеобразной новинкой V конгресса, заинтересовавшей почти всех его участников-лингвистов, была работа подсекции «Машинный перевод со славянских языков».

В то время неразработанность этого почти чисто прикладного, «периферийного» отдела языкознания допускала возможность постановки очень ограниченного числа докладов, носивших информационный характер. Участники IV съезда узнали о первых опытах перевода при помощи машины, произведенных в СССР и в США. С тех пор, однако, произошли значительные изменения: эта отрасль науки интенсивно развивалась в разных странах. Практические задачи породили ряд теоретических вопросов, имеющих существенное значение и для общего языкознания. Сам круг проблем и частных дисциплин, объединявшихся над провизорным названием «прикладная лингвистика», расширился и в ряде случаев перестал носить чисто прикладной характер. Внедрение отдельных математических методов в языкознание, применение статистических приемов, важных не только для описательной грамматики, фонетики и лексикологии, но и для лингвостилистики, связь языкознания с теорией информации и проблематикой кибернетической науки, наконец, ряд общих задач, обнаруживающихся у лингвистики и символической, а также (математической) логики, требуют от современной славяноведческой науки разработки проблем моделирования славянских языков, выяснения их трансформационных возможностей, их дистрибутивной характеристики, статистической и формальной характеристики их грамматических показателей и лексического фонда. Все эти вопросы в последнее время тесно связываются и с задачами типологического изучения славянских языков.

* * *

Таким образом, в области языковедческой тематики IV Международный съезд славистов поднял ряд важных теоретических проблем, дальнейшее развитие и исследование которых мы наблюдаем в повседневной работе лингвистов-славистов почти всех стран. Софийский съезд, по нашему мнению, должен стремиться к более глубокому и принципиальному раскрытию и обсуждению этих вопросов. Нет сомнений, что советские языковеды приложат все усилия к тому, чтобы содействовать в этом отношении успехам V конгресса.

6. Литературно-лингвистические проблемы

Большой интерес представила работа впервые организованной на Московском съезде славистов Литературно-лингвистической секции. Потребность синтеза лингвистики и литературоведения в кругу вопросов стилистики, поэтики, эстетики слова — яркий симптом зарождения и развития новой синкретической области филологических наук, получившей значительную научную и общественную актуальность за последнее время. Большое значение приобретает в этой связи проблема разработки общих принципов и методов науки о языке или стилях художественной литературы.

Деятельность этой секции на IV Международном съезде славистов внесла много полезного и в отдельные вопросы изучения языка писателя, стилистики художественной речи, соотношений между художественным методом и творческой индивидуальностью писателя, между индивидуальным стилем и идейным замыслом произведения, между творчеством писателя

и литературным течением его времени. В этой области наметились давно уже недостающие славистике пути синтеза и обобщающего осмысления многосторонних попыток лингво-стилистического анализа.

Проблема художественного перевода, стоящая на стыке филологии и искусства, представляет не только научный, но и большой практический интерес. Она вызвала живую дискуссию; в ней приняли участие ученые, писатели, переводчики, а в их числе и такие выдающиеся представители славянской культуры, которые счастливо объединяют в своем лице владение сокровищами филологии, литературного мастерства и высокой техники перевода (например, Л. Стоянов, М. Ф. Рылский).

Следует особенно приветствовать ясно обнаружившееся и частично уже осуществленное стремление связать проблему художественной стилистики и перевода с историческим изучением судеб литературного языка во взаимодействии его с развитием языка разговорно-общенародного. Этот аспект изучения литературно-лингвистических проблем открывает научные пути преодоления столь распространенных в данной области субъективных и абстрактно-формальных опытов.

Научная правомочность выделения литературно-лингвистических проблем оправдывается и тем, что в пределах этой богатой области филологического синтеза изучения стилей языка и стилей литературно-словесного искусства с равным успехом удавалось обсудить различные темы, нередко отдаленные друг от друга по характеру и материалу, начиная, например, от систем древнего славянского стихосложения, от определения задач стиховедения как предмета языкознания или литературоведения, или от проблем перевода «Слова о полку Игореве», и кончая проблемами стилистики современного литературного языка и современной литературно-художественной речи, например, наблюдениями над ролью метафоры в творчестве В. Маяковского.

Нельзя не отметить, однако, что направление дискуссии в пределах литературно-лингвистической проблематики в отдельных случаях, как это было, например, при обсуждении литературных источников и реминисценций в «Евгении Онегине», приобретало односторонний и запутанный характер.

Необходимо пополнить предложенный болгарскими славистами проект тематики очередного съезда славистов рядом литературно-лингвистических проблем, изучение и обсуждение которых даст возможность развить и углубить это полезное и нужное начинание Московского съезда. Перечень этих новых проблем дается в разработанном советском проекте программы предстоящего V Славяноведческого съезда.

7. Славянское народно-поэтическое творчество

Фольклорная проблематика IV съезда славистов характеризуется широкой и острой методологической направленностью. В центре внимания стояли проблемы героического эпоса славянских народов, освещавшиеся преимущественно с позиций историко-типологического осмысления и происхождения эпических сюжетов, а также стилистической характеристики особенностей эпического художественного образа и типа. В кругу этих проблем было обращено большое внимание на мало еще изученные принципы и приемы художественного воплощения в фольклоре идейных, исторических и бытовых представлений народа. Были подвергнуты обсуждению опыты исторической периодизации эпоса, опиравшиеся на результаты изучения исторического, общественного и государственного развития славянских народов и связанные с периодом формирования

славянских пародностей, а затем и наций. Здесь важно отметить все более глубокое проникновение идей историзма в фольклористику, причем не только в вопросы реального содержания и тематики эпических произведений, но и в изучение самого характера отражения исторической действительности в эпосе, далее — в вопросы сюжетосложения, и, что особенно показательно, в область изучения стилистики фольклора. По-видимому, есть основания говорить о назревшей потребности поисков новых путей решения проблемы исторической поэтики народного творчества и притом в отличие от старой науки не столько для древнейшего синкретического периода развития поэзии, сколько для периода феодального и для нового времени. Этому содействует и несомненный успех в историко-сравнительном изучении взаимодействий фольклора и литературы. Установление исторических и литературных связей славянского фольклора позволило ярче охарактеризовать и вопросы национальной специфики народной поэзии у отдельных славянских народов и конкретнее осветить историю ее отдельных видов и жанров. В свете этих общих проблем разбирались и более частные вопросы бытования отдельных жанров фольклора (болгарские и сербские гайдуцкие песни и др.), делались опыты сравнительного анализа стилистических средств эпоса у разных народов, затрагивались смежные вопросы отношения языка фольклорного произведения к диалекту, в сфере которого оно бытует, вопросы общей композиционной и лирико-драматической структуры фольклорных произведений и др.

Таким образом, наблюдается несомненное пробуждение интереса к теоретическим проблемам фольклора, начинающим постепенно отодвигать на второй план привычный описательный подход к явлениям народной поэзии.

Впрочем, было бы еще преждевременно говорить о методологическом прояснении проблем историко-типологического анализа народной поэзии. Достижения в этой области носят пока скорее количественный, чем качественный характер. Не определены еще с достаточной четкостью основные признаки типологических соответствий явлений фольклора (в отличие от сходства генетического или основанного на заимствовании), не создана историческая классификация этих признаков, не выяснена природа и характер типологического сходства в разные исторические периоды развития фольклора, только еще начаты поиски перехода от типологии идеологического явления или бытового факта в сфере фольклора к типологии художественной формы. Наблюдаются колебания и в самом понимании существа славянского эпоса, его жанровой природы, его исторических и народно-фантастических основ. Обсуждение проблемы художественного метода или методов фольклора не вышло за пределы самых общих предположений, и применение к этой сфере обычных, хотя подчас и недостаточно определенных, литературоведческих категорий, не дало ощутимых реальных результатов.

Все эти теоретические проблемы фольклористики иллюстрировались очень ограниченным материалом. На Московском съезде славистов почти не затрагивались проблемы славянской сказки и лирической песни, проблемы современных судеб народно-поэтического творчества, современного состояния фольклора, его роли в социалистическом обществе. Эти проблемы предусматриваются нами для следующего съезда славистов. В области общих аспектов и методических принципов подхода к материалу устной народной словесности явно господствовало литературоведческое осмысление фольклора как искусства слова. Это — очевидное завоевание новейшей фольклористики. Но чрезмерное преобладание или одностороннее применение такого подхода суживает представления о природе и сущности

фольклора, как синтетического отражения разных сторон духовной жизни и культуры народа. Очевидно, следует, не покидая этой оправдавшей себя области фольклорно-филологических изучений, обратиться к глубокому пересмотру и укреплению собственно исторических, этнографических и музыковедческих аспектов исследования славянской народной поэзии. Показательно, что единственная попытка наблюдений фольклорно-этнографического характера, имевшая место на IV съезде, оказалась в методологическом отношении лишь повторением или вариацией фрейдистских гаданий, рассматривающих славянские народные обряды в свете пережитков древних эротических обрядов посвящения и субъективно интерпретируемой сексуальной символики.

Подсекция славянского народного творчества входила в литературоведческую секцию съезда, что в известной мере определило и ее достижения и ее недостатки. По своей теоретической оснащенности и методологической ориентации на разрешение ряда комплексных научных проблем эта подсекция проявила значительную самостоятельность. Поэтому уместно поставить вопрос об образовании на предстоящем съезде славистов отдельной Секции славянского народного творчества со своими подсекциями, где могут обсуждаться и общие и специфические области изучения фольклора, в том числе такие, которые тяготеют к проблемам литературоведения, истории, этнографии, музыковедения.

8. История древних славянских литератур и их связей

По традиции славистических съездов Московский съезд славистов уделил большое внимание проблемам исторического и сравнительно-исторического изучения древних славянских литератур. На первом плане тут стояли вопросы нового исследования и истолкования древнеславянских литературных и культурных связей и взаимосвязей. Так, в отличие от традиционной литературоведческой компаративистики проблема соотношений древнерусской литературы с инославянскими литературами была направлена не столько к установлению влияний и взаимовлияний, сколько к выяснению того своеобразного народного вклада в литературный процесс, который внесен восточным славянством. Еще более широко развилась как будто уже заглушавшая, но очень важная для истории славянской культуры и искусства проблема второго южнославянского влияния в России, как значительного культурного движения, при историческом осмыслении которого раскрылась необходимость комплексного изучения сложных и взаимосвязанных процессов, протекавших в период средневековья в литературах, литературных языках, живописи, зодчестве, а также в религиозной и политической идеологии южнославянских и восточнославянских народов.

В отличие от прежних научных интересов в данной области славистики, сосредоточенных на изучении славянских литератур преимущественно с позиций источниковедения, книговедения и миграции сюжетов, на Московском съезде славистов обнаружилось обостренное внимание к выяснению принципов отражения в славянских литературах идеологической и общественной жизни средневековья, к анализу и описанию постепенно развивающихся приемов изображения человека и характера. Эта проблематика оказалась внутренне связанной с творческими опытами исследования литератур гуманизма и Ренессанса у славянских народов в первую очередь у южных и западных славян, но, как показали новейшие работы, и у славян восточных. Обнаружилось, что историческое осмысление Ренессанса, учитывающее культурные явления и процессы не только Запада,

как это было принято в традиционной науке, но и Востока Европы, вносит немало нового в понимание роли и характера деятельности самих западноевропейских гуманистов и дает возможность значительно правильнее оценить достижения славянских культур и литератур того времени. Концепции сравнительно-исторического литературоведения о движении общего литературного процесса с Запада на Восток, и непременно по нисходящей линии, оказываются преодоленными уже применительно к древнему периоду. Нельзя не упомянуть и о новых попытках сравнительной классификации жанров в средневековых литературах славянских и западноевропейских. При всей спорности этих опытов необходимо признать, что в основе их классификации лежало изучение не только формальных особенностей литератур, но и факторов идеологических и исторических.

В обширную сферу работы литературоведов и лингвистов были вовлечены и проблемы происхождения славянской письменности, и проблемы возникновения славянского книгопечатания. Их, несомненно, следует углубить и расширить на предстоящем V Международном съезде славистов.

Обсуждение проблем славянской медиэвистики, протекавшее в обстановке творческого напряжения и дружественной консолидации научных сил, рассеяло сомнения в целесообразности и плодотворности комплексного подхода к изучению явлений литературы этого периода, подхода, выходящего за границы литературоведения в обширную область древней культуры европейских народов. Однако увлечение проблемами связей и взаимосвязей древних славянских литератур, понимаемыми в таком широком культурно-историческом плане, несколько оттеснило задачи изучения проблем средневековой славянской поэтики и стилистики. Задачи конкретных исследований славянского литературного общения в древний период, общих закономерностей и процессов в развитии славянских литератур того времени, а также выяснения народного своеобразия этих литератур, их поэтики и стилей должны быть рассмотрены значительно глубже на V съезде славистов, что и предусматривается нами в предлагаемой проблематике съезда.

Дискуссия показала, что назрела острая потребность и в новом углубленном историко-литературном пересмотре всей проблемы византийско-славянских отношений. Точно так же необходимо еще глубже осветить проблему барокко в славянских литературах. Эта проблема вызвала на IV съезде славистов живые споры, свидетельствовавшие о горячем интересе к ней. Но дискуссия по этому вопросу пока еще не привела к вполне обоснованным и общепризнанным обобщениям и выводам.

9. История славянских литератур XVIII—XIX вв. и их связей

В области изучения славянских литератур XVIII и XIX вв. особенно наглядно и ярко проявилось очень плодотворное стремление к установлению общих объективно-исторических закономерностей литературного процесса. В основе этой тенденции лежит убеждение, что даже наиболее индивидуальные явления словесно-художественного творчества в той или иной мере отвечают назревшим потребностям общественного и культурного развития или обусловлены ими. Систематизация конкретно-исторических признаков искомых закономерностей пока глубже всего выявилась и проявилась в раскрытии исторической смены художественных методов, в определении идеологических, тематических и жанровых свойств литературы в их связях и соотношениях с идейными и общественно-политиче-

скими движениями соответствующих эпох, но не углублялась еще в достаточной степени в разыскания внутренних закономерностей развития литератур, их форм и стилей. Специфические внутренние тенденции, мотивы и противоречия литературно-художественного развития еще не получили всестороннего освещения и объяснения, так же как и само понятие — «закономерности» литературного процесса в соотношении этого понятия с представлениями о законах общественного развития.

Попытки выяснения закономерностей развития национальных славянских литератур правомерно связывались с задачами их сравнительно-исторического изучения. Усилилась тенденция к воссозданию целостной картины литературного процесса и его общих направлений. В связи с этим был выдвинут вызывающий давние споры вопрос о синтетических способах изучения славянских литератур, как некоторого культурного целого, как своеобразно внутренне объединенного комплекса словесно-художественных явлений и достижений мировой культуры. Отличительной чертой литературоведческой компаративистики на данном этапе явилось ее стремление изучать не просто влияния одних литератур на другие, но соотношения и взаимосвязи славянских литератур с особым вниманием к исследованию причин и результатов таких связей и взаимосвязей, к выяснению не только, а подчас и не столько моментов общности, сколько моментов национальной специфики литературного развития. Особенно интересно и наглядно иллюстрировались эти положения анализом польско-украинско-русских литературных отношений XVIII—XIX вв. Среди литературоведов славянских стран ясно наметилась практическая консолидация сил для решения общих задач сравнительно-исторических исследований.

Однако эти аспекты литературоведческой компаративистики в их конкретном преломлении нередко уходили или уводили от решения важных проблем идейно-художественного порядка в область внешних историко-культурных отношений, биографических разысканий, наблюдений над общением писателей между собой, над их перепиской и т. п.

Одной из важнейших проблем истории славянских литератур XVIII и XIX вв. является изучение закономерностей и условий формирования отдельных национальных славянских литератур, общих и специфических для каждой страны тенденций в этом национальном движении, раскрытие связей этих явлений с образованием национальных литературных языков, выяснение взаимообогащения и взаимодействия славянских литератур в процессе национального самосознания, установление хронологических граней этого процесса применительно к литературам разных славянских народов. Этот сложный комплекс историко-литературных проблем, естественно, не мог быть всесторонне освещен на IV Международном съезде славистов. И теперь перед нами стоит задача дальнейшего дифференцированного и общетеоретического анализа их на том съезде, который нами подготавливается.

В области изучения общих процессов развития и взаимодействия социально-политических и эстетических идей между славянскими народами много внимания было уделено рассмотрению влияния революционно-демократической идеологии на развитие славянских литератур. Вновь были подняты вопросы отражения в литературной жизни борьбы славянофилов и западников, движения народничества.

В центре изучения историко-литературных проблем того периода стояли проблемы романтизма и реализма, преимущественно в их исторических взаимосвязях. Романтизм в славянских литературах получил единую оценку как своеобразное и прогрессивное идейно-художествен-

ное течение, генетически связанное с подъемом национально-освободительного движения. Отмечались своеобразия его развития и его проявлений в славянских литературах. Менее отчетливо определились вопросы, связанные с изучением реализма, его типов и закономерностей его развития в истории славянских литератур XIX в.

Как положительный итог предшествующих славистическому съезду дискуссий о реализме следует оценить тот факт, что на самом съезде реализм отыскивался и освещался уже не с первых этапов истории письменности, не от «сотворения мира», а рассматривался как историческая категория в развитии эстетического сознания и движения искусства, возникающая в определенных условиях социального, национального и культурного движения первой половины XIX в. Однако определения сущности реализма и его признаков даже применительно к конкретно-историческому анализу отдельных славянских литератур не всегда отличались теоретической ясностью. На Московском славистическом съезде особенно отмечалось огромное значение русского реализма для развития многих славянских литератур и обсуждались вопросы национального своеобразия реализма в этих литературах. Впрочем проблемы генезиса реализма, вопроса своеобразия его внутреннего и социально обусловленного развития, его периодизации еще не получили четкого разрешения. Необходимо дальнейшее тщательное теоретически и конкретно-исторически обоснованное и всесторонне освещенное исследование движения стилей и их эволюции в пределах реалистического искусства. Наблюдались колебания в оценке роли и соотношения национально-самобытных и межнационально-миграционных факторов в оформлении и развитии реализма. Характерны также противоречия в попытках употребления термина *реализм* в значении то направления, то метода, то стиля.

Изображение хода литературного процесса нового времени иногда и притом очень охотно укладывалось в прямолинейную схему последовательного чередования направлений без учета процессов длительного сосуществования и противоречивого взаимодействия разных направлений в пределах какой-либо одной славянской литературы (например, романтизм, реализм и символизм в русской литературе не только чередуются, но и сосуществуют). При решении подобного рода проблем глубокое теоретическое и историко-литературное изучение материала нередко отеснялось и даже вытеснялось теорией блуждающих или странствующих «элементов», например, «элементов» реализма, которые иногда возводятся чуть ли не к началу славянской письменности, затем постепенно «созревают» и «накапливаются» или «элементов» романтизма, которые уже после упадка этого направления продолжают, однако, благотворно и притом нередко необъяснимым способом проникать в художественную практику реализма.

В связи с оценкой материалов нашего съезда в рамках истории литературы данного периода нельзя не коснуться двух общих научно-организационных вопросов.

История славянских литератур XVIII—XIX вв. вызвала живейший интерес участников Московского съезда. Это выразилось в особенном обилии по этому периоду или по этому литературоведческому циклу докладов и выступлений, значительную часть которых пришлось вынести за пределы основных заседаний конгресса и поместить в число так называемых утренних сообщений. Эти сообщения, как, впрочем, и некоторые доклады, отличались тематическим разнообразием и в то же время, иногда, преобладанием интереса к очень частным и даже случайным вопросам, таким, например, как «Личность Башмачкина», «Молчание Крылова», «Два

страшных года Лермонтова». Субъективно-идеологический и узкоэмпирический характер разработки некоторых из этих тем не раз на Московском съезде вызывал острую полемику, которая отвлекала внимание участников съезда от важных научных проблем. Характерно с этой точки обсуждения таких эпигонски-фрейдистских опытов, как «Бегство от любви» в творчестве Гоголя, абстрактно-психологических этюдов об «Одинокости подполья», на произвольно смешанном материале разных литератур.

Теперь перед нами вновь возникает вопрос об отношении к «мелким» темам в организационной перспективе будущего съезда славистов. Предпочитая темы широкие, важные и крупные, мы, конечно, не можем полностью отказаться и от частных тем. Такой отказ закрыл бы двери съезда перед представителями тех стран Востока и Запада, где славистика еще не окрепла, а в участии этих стран в нашей общей работе и в развитии там разных областей славистики мы все очень заинтересованы. Необходимо основательно продумать способы разумного, строгого и заблаговременного отбора тем перед очередным съездом славистов и соответственно усовершенствовать организационную структуру предстоящего съезда.

Второй попутный вопрос связан с проблемой терминологии, в частности, литературоведческой. Многие участники съезда законно жаловались на разнозначность, на неупорядоченность осмысления и употребления многих научных терминов (что, впрочем, не мешало им самим пользоваться разными терминами с полной непринужденностью). Но на этой почве вспыскивали споры и недоумения, особенно потому, что в такие общепотребительные термины, как «направление», «метод», «стиль» или в такие понятия, как «барокко», «предклассицизм», «сентиментализм» и т. п., вкладывалось разнообразное содержание. В иных случаях проявлялась острая и ничем не сдерживаемая и не регулируемая потребность терминологического творчества. Тогда для обозначения явлений реалистических и реальных предлагались такие внутренне противоречивые, нередко отнюдь не реалистические и даже не реальные термины, как «этический реализм», «романтический реализм», «поэтический реализм», «символический реализм» и, наконец, «фантастический реализм». Но избрательство, сочинение или составление терминов, равно как и призывы к упорядочению терминологии, будут бесполезными до тех пор, пока не будет внесено теоретической ясности и логической, а также исторической обоснованности в существо основных терминов нашей филологической науки. Эта задача стоит во всем своем широком объеме перед нашей терминологической комиссией.

10. История славянских литератур XX в. и их связей

Характерной и значительной особенностью Московского съезда является то обстоятельство, что в его структуре была создана отдельная подсекция славянских литератур XX в. История этих литератур доводилась до текущей современности. Она отражала животрепещущие вопросы идеологических исканий и борений наших дней. Центральным здесь был вопрос генезиса, общих закономерностей развития и вместе с тем национального своеобразия и современного состояния метода социалистического реализма в славянских литературах. При этом подчеркивалась важная роль советской литературы, а в особенности творчества М. Горького и В. В. Маяковского, для развития многих славянских литератур. Были подняты

вызвавшие живую дискуссию и разнообразную реакцию вопросы соотношения социалистического реализма и революционного романтизма, проблемы классического наследия и литературного новаторства, общетеоретические проблемы мировоззрения и метода. На этом фоне обсуждение частных тем, посвященных соотношениям, связям и взаимосвязям отдельных славянских и неславянских писателей, приобрело целеустремленный, внутренне сосредоточенный характер. Оно было сближено с общими теоретическими и общественно-политическими идеями современности. Однако нельзя не отметить, что историко-литературный анализ художественных принципов, свойственных современным славянским литературам, литературам XX в., нередко заменялся иллюстративной характеристикой творчества отдельных выдающихся писателей, которые считаются выразителями или представителями этих принципов. Проблематику будущего славистического съезда по этому разделу, нам кажется, необходимо расширить и в плане теоретическом путем постановки докладов, освещающих общие процессы и общие закономерности развития литератур социалистического реализма, и в плане конкретно-историческом — путем выдвижения тем касающихся наиболее значительных художественных явлений в славянских литературах последнего времени.

Предлагаемая нами проблематика будущего съезда ставит затронутые здесь вопросы не только более широко, но и более дифференцированно — с учетом опыта новейших работ данной области.

* * *

Таков круг основных проблем славяноведения, в той или иной форме, хотя и с разной степенью рельефности и научной определенности, выступивших на IV съезде славистов. Таковы общие контуры и результаты их обсуждения и вместе с тем таковы вытекающие отсюда задачи и нужды или пожелания, которые нельзя оставить без внимания и удовлетворения при подготовке к Софийскому международному славистическому съезду. Мы убеждены в прогрессе общественной жизни и развитии научного знания. Трезво оценивая достоинства и недостатки Московского славистического съезда, мы уверены, что наш опыт будет учтен и использован для более совершенной организации следующего съезда как Международным комитетом славистов, таки нашими болгарскими друзьями, на которых ляжет основное бремя и лавная работа по подготовке нового славистического конгресса.

На очередном конгрессе, мы надеемся, языкознание и литературоведение вступят в еще более глубокий контакт с общей и культурной историей славянства.

Ведь у нас, например, в Советском Союзе, в Чехословакии и других странах, особенно славянских, все шире и разнообразнее развивается комплексное изучение славянства. Эта комплексность славяноведческих исследований уже нашла общепризнанное, прочное, плодотворное и неоспоримое применение в решении вопросов славянского этногенеза, славянской ономастики и топонимики, истории славянской письменности, истории материальной и духовной культуры славянства. История органически соединяется и сочетается с языкознанием, литературоведением и искусствоведением. От этого взаимодействия выигрывают все. Идея дополнения и обогащения проблематики Софийского славяноведческого съезда историческими темами уже этретила сочувственный отклик у славистов Болгарии, Югославии, Чехословакии и других стран. В разработанных Советским комитетом славистов предложениях по программе будущего

Софийского съезда выдвинут ряд важных, актуальных исторических проблем.

Атмосфера дружного сотрудничества и сочувственного взаимопонимания, характеризующая деятельность нашего Комитета, располагает всех нас, несмотря даже на различия мировоззрений и методологических систем исследования, еще теснее объединяться вокруг замечательного, исторически значительного научного предприятия — подготовки V Международного съезда славистов, так плодотворно начатой нашими болгарскими коллегами.

ПОЛЬША, ГЕРМАНИЯ И ГРАНИЦА ОДЕР — НЕЙССЕ¹

Германо-польские отношения новейшего времени являются одной из наиболее актуальных политических проблем современности. В то время, как между Германской Демократической Республикой и Польской Народной Республикой все больше крепнут узы братской дружбы и сотрудничества, связывающие все страны социалистического лагеря, в ФРГ империалисты вновь выступают с притязаниями на польские земли, разжигают ненависть к польскому народу, готовят новую мировую войну. Мобилизация реваншистских сил в Западной Германии проводится под знаком ревизии справедливой границы на Одере и Нейссе. В обосновании притязаний германского империализма активную роль играет западногерманская историография — «остфортшунг», пытающаяся найти историко-юридическую аргументацию для политики реванша.

Перед прогрессивной исторической наукой стоит задача разоблачить фальсификации истории, принятые на вооружение поджигателями войны.

Борьба против западногерманских фальсификаторов истории отвечает интересам не только немецкого и польского народов, но и всех народов Европы, содействует укреплению мира.

Историки всех стран социалистического лагеря, в частности, ученые ГДР и ПНР, объединяют свои силы в этом деле. В 1956 г. была основана Германско-польская историческая комиссия, которая подчеркнула, что научное изучение истории границы Одер — Нейссе и связанных с ней проблем составляет особо важную задачу историков обеих стран.

Этой цели и служит сборник документов «Польша, Германия и граница Одер — Нейссе», изданный в ГДР в 1959 г.

Сборник издан немецким институтом современной истории в Берлине совместно с Германско-польской исторической комиссией под редакцией Р. Гогюля. В работе над публикацией принял участие большой коллектив историков ГДР и Польской Народной Республики: Г. Вибих, К. Вольгемут, Ф. Г. Гентцен, Р. Гогюль, Е. Зебер, К. Зейдель, И. Калиш, Ф. Лютцш, Э. Людеман, А. Мартин, Г. Шильферт (ГДР), А. Гроссфельд, Г. Лабуда, Э. Менцлевский, К. Пиварский (ПНР).

Содружество германских и польских ученых оказалось плодотворным, о чем свидетельствует положительная оценка, данная изданию на страницах польской и советской печати². Явившись серьезным вкладом в дело укрепления германо-польской дружбы, сборник вызвал злобные нападки западногерманской прессы, обвинившей составителей в «предательстве германских интересов»³, под которыми в действительности следует понимать интересы германских монополий и милитаристов.

¹ «Polen, Deutschland und die Oder—Neisse — Grenze», Berlin, 1959, S. 1067.

² «Sprawy międzynarodowe», 1960, № 1; «Przegląd zachodni», 1960, № 1; «Polityka», 1960, № 3, 4; «Международная жизнь», 1960, № 7; «Новая и новейшая история», 1960, № 5.

³ A. B r o k m a n n. Polen Drang nach Westen. Aussenpolitik. Stuttgart. 1960, Hft. 2, S. 103.

Рассматриваемое издание, как сообщается в предисловии, открывает серию публикаций документов по истории новейшего времени. Составители сборника видели свою задачу в том, чтобы на основе документов исторически верно осветить германо-польские отношения новейшего времени, установление границы Одер—Нейссе и тем самым разоблачить реваншистские теории западногерманских фальсификаторов истории. При этом, как отмечается в предисловии⁴, авторы исходили из марксистского положения о том, что объективное изложение истории всегда партийно.

Настоятельная потребность в появлении подобной публикации стала особенно острой в связи с выходом в свет в ФРГ тенденциозного издания дипломатических документов по вопросу об установлении границы Одер—Нейссе⁵, в котором делается попытка обосновать политику реванша. В целях восстановления исторической правды о границе Одер—Нейссе в ГДР в 1956 г. была издана книга «Одер—Нейссе»⁶. Она сыграла значительную роль в правильном освещении данной проблемы. Однако ее документальная база была ограничена. Издание не удовлетворяло всем требованиям научной публикации: документы были помещены в тексте без заголовков, полностью отсутствовали комментарии. Таким образом, можно считать, что рассматриваемый труд является первым в ГДР подлинно научным изданием документов, освещающим взаимоотношения между Германией и Польшей в новейшее время и установление границы Одер—Нейссе.

Составители сборника проделали большую работу. В рассматриваемом томе помещено свыше 500 документов.

В отличие от западногерманской публикации ограниченной дипломатическими документами и мемуарами⁷, круг источников, использованных в данном издании, очень разнообразен. Это — международные договоры и соглашения, дипломатическая переписка, приказы и распоряжения официальных лиц, военно-оперативные документы, протоколы съездов и конференций, прокламации, судебные отчеты, мемуары, материалы прессы, статистические отчеты и диаграммы, географические карты и т. д. Таким образом, в данной публикации германо-польские отношения и установление границы Одер—Нейссе рассматриваются всесторонне с политической, исторической, международно-правовой и экономической точек зрения.

Сочетание столь разнообразных документов помогает в исследовании многих проблем, связанных с темой сборника.

Документы сборника расположены по тематическому принципу, опубликованы на языке подлинника (международные соглашения — на языках стран, их подписавших) с переводом на немецкий язык. Подавляющее большинство документов имеет комментарии, которые раскрывают исторические причины возникновения документа, его цель и значение, дают датировку, а в ряде случаев отмечают степень достоверности. В научном аппарате издания, как правило, указывается первая публикация документа, цитирование по другим изданиям специально оговаривается. Каждый раздел сборника предваряет вступление, которое знакомит с кругом проблем, дает их сжатое освещение и тем самым помогает правильно оценить помещенные в сборнике документы.

⁴ «Polen, Deutschland und die Oder — Neisse Graze», S. II.

⁵ G. Rhode und W. Wagner. Quellen zur Entstehung der Oder—Neisse Linie in den diplomatischen Verhandlungen des zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1956.

⁶ «Oder — Neisse. Eine Dokumentation», Berlin, 1956.

⁷ G. Rhode und W. Wagner. Указ. соч.

Хронологические рамки публикации следующие: 1934—1959 гг.⁸ Однако исторический аспект вопроса об установлении границы Одер — Нейссе значительно шире этих рамок. Он включает проблему германской колонизации славянских земель, проводившейся в течение многих веков. Поэтому историческое освещение проблемы установления границы Одер — Нейссе в сборнике не является исчерпывающим. Его дополняет ряд работ, вышедших в ГДР⁹ и в других странах.

Исходным моментом публикации избрано польско-германское соглашение «О мирном разрешении споров» от 26 января 1934 г. На наш взгляд, это представляется вполне обоснованным, так как указанное соглашение было использовано нацистской Германией для подрыва системы коллективной безопасности и явилось одним из серьезных этапов в подготовке немецкой агрессии¹⁰, жертвой которой стала вскоре и Польша. Таким образом, составители выдвигают на первый план коренной вопрос об ответственности германского империализма за вероломное нападение на Польшу и развязывание второй мировой войны.

Сборник состоит из следующих разделов: Введение. Историческое значение границы Одер — Нейссе. Германо-польские отношения в 1934—1959 гг. Исторические материалы и статистические обзоры.

В сжатом введении, написанном Ф. Гентценом, раскрывается история и причины установления границы Одер — Нейссе, разоблачаются реваншистские нападки в ФРГ на Potsdamские решения по вопросу о границах Польши. Автор отмечает, что главной предпосылкой объединения Германии и установления дружественных отношений с Польшей является борьба против империализма, милитаризма и реваншизма. Как показывает пример ГДР, признавшей границу мира — границу по Одер — Нейссе — и разрешившей проблему переселенцев, только этот путь может привести к установлению нерушимой дружбы и братских связей между немецким и польским народами.

Второй раздел, составляющий основную часть сборника, имеет восемь глав. В первой из них освещается дипломатическая и военная подготовка гитлеровской Германии к агрессии, цели, которые она преследовала в отношении Польши, роль немецкого меньшинства в осуществлении фашистских планов. Следует отметить, что буржуазные публикации дипломатических документов о подготовке нацистской агрессии против Польши недостаточно раскрывают проблему организации Гитлером своей пятой колонны в Польше совсем не касаются ее действий¹¹. В целях создания более полной и правильной картины составители рассматриваемого сборника привлекли разнообразный материал, убедительно показывающий, что немецкое меньшинство в Польше было использовано фашизмом в целях подготовки и развязывания войны и что значительная часть этого населения поддерживала действия гитлеровской армии.

Составители правильно включили в сборник материалы о борьбе коммунистических партий Германии и Польши против подготовки фашистской агрессии (нелегальные листовки по поводу германо-польского соглашения, Данцигского вопроса и т. д.). В этой борьбе, которую вели лучшие представители рабочего класса Германии и Польши, закладывались основы дружбы немецкого и польского народов.

⁸ Документы II главы приложения относятся к периоду 1917—1945 гг.

⁹ «Oder — Neisse. Eine Dokumentation»; F. G e n t z e n. Deutschland und Polen. Ein Überblick über die deutsch-polischen Beziehungen. Leipzig und Jena, 1956 и др.

¹⁰ «Фальсификаторы истории Историческая справка», М., 1948.

¹¹ «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918 bis 1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes», 3.—Baden. Serie D., Bd. V, VI, VII; «Documents on international affairs 1939—1944», Bd. 1, 2 London—Oxford и др.

Для характеристики разбойничьей политики фашизма по отношению к Польше в годы оккупации составители широко использовали польские источники¹². Документы сборника раскрывают фашистские планы уничтожения польского народа, которые осуществлялись при помощи террористических «акций», принудительной германизации, искусственного создания голода и нужды для польских рабочих, массовых депортаций населения и его физического истребления в газовых печах Майданека, Аушвица и других «фабрик смерти». В сборнике также показана борьба фашистов против польской национальной культуры, истребление ими польской интеллигенции, разграбление сокровищ искусства, планомерное опустошение и разрушение городов. Нужно отметить, что за последнее время в ряде социалистических стран появились новые материалы, разоблачающие преступления фашистских оккупантов в Польше (судебные отчеты Варшавского процесса над гаулейтером Э. Кохом, заочного процесса в ГДР над Оберлендером и др.).

Большое значение имеют документы, показывающие захват концерном И.—Г. Фарбениндурии и другими монополиями ключевых позиций в экономике Польши, подчинение ее интересам германского империализма. Сборник дает представление об извлечении сверхприбылей германскими концернами путем беспощадной эксплуатации и грабежа польских трудящихся.

При всей насыщенности материалом, затрагивающим широкий круг проблем, эта глава, на наш взгляд, значительно выиграла бы, если бы составители дали более широкую характеристику катастрофического экономического положения Польши под гнетом фашистской оккупации. Это имеет важное значение в связи с предпринятыми в западногерманской историографии, в частности, в изданиях Түбингенского института проблем оккупации, попытками представить «немецкое руководство» в оккупированной Польше — причиной ее экономического расцвета. Договариваясь до полного отрицания эксплуатации населения оккупированной Польши фашизмом¹³⁻¹⁴, апологеты германского империализма воскрешают в новой форме старую легенду о прогрессивной миссии Германии на Востоке.

В связи с вышеуказанным было бы еще более оправдано помещение в сборнике статистического материала об ущербе, нанесенном фашистской агрессией Польше; об этом приводятся лишь самые общие данные, притом без ссылок на источники, да и то во вступлении.

Кроме того, хотя составители ограничили задачу этой главы в основном характеристикой политики Германии по отношению к Польше, в интересах правильного освещения проблемы главу следовало бы дополнить материалом о патриотическом движении Сопротивления против фашистских оккупантов в Польше. Помещенные в сборнике документы о восстании в варшавском гетто не могут компенсировать этот существенный недостаток.

Значительное место в издании занимают документы, излагающие дипломатические переговоры по польскому вопросу в канун и во время второй мировой войны. Многочисленные публикации, содержащие важные для этой темы материалы, обычно преследовали более широкие цели освещения дипломатической истории войны. В изданиях, вышедших в капиталистических странах Запада, имел место тенденциозный подбор и прямая фальсификация документов, искажающие ход и смысл исторических

¹² «Documents Occupationis Teutonicae», Poznań, Bd. I—VII, публикации «Przegląd Zachodni» и др.

¹³⁻¹⁴ H. Streng. Die Landwirtschaft im Generalgouvernement. Institut für Bes. Frag. Tübingen. 1955, Studie, N 6.

событий. Поэтому подбор документов для сборника представлял большие трудности. Однако составители успешно справились со своей задачей. Большую помощь в этом отношении им оказали советские публикации дипломатических документов¹⁵.

Составители убедительно показывают освободительную миссию Советского Союза в Западной Украине и Западной Белоруссии, его решающую роль в освобождении Польши от фашистского ига и помощь, оказанную советским правительством польскому народу в создании своего независимого демократического государства. Документы сборника разоблачают беспринципную политику эмигрантского правительства, скомпрометировавшего себя перед польской и мировой общественностью. Они показывают неудачные попытки западных держав сохранить буржуазно-помещичий строй в Польше, где в ходе борьбы против фашизма сформировалось новое, демократическое правительство, поддержанное народом и признанное СССР. Много места в сборнике уделено обсуждению польского вопроса великими державами на конференциях в Тегеране и Крыму. Документы, помещенные в сборнике, свидетельствуют о том, что союзники уже тогда пришли к единому мнению о государственных границах Польши: на востоке — линия Керзона, на западе — р. Одер (Предложения СССР, США и Великобритании и заключительное коммюнике, стр. 330, 335). При этом особенно показательно, что это подтверждают издания, вышедшие на Западе¹⁶.

Западная граница Польши по Одере — Нейссе была установлена на основании статьи IX Потсдамского соглашения, подписанного 3 августа 1945 г. главами правительств СССР, США и Великобритании. Решение Потсдамской конференции о польско-германской границе и переселении немцев в настоящее время подвергается яростным нападкам западногерманских реваншистов, особенно часто демагогически прибегающих к юридической аргументации¹⁷. Поэтому составители сборника вполне обоснованно посвятили специальную главу теме «Потсдам и граница Одер — Нейссе в свете международного права». В этой главе помещены некоторые статьи Потсдамского соглашения, текст Парижского соглашения (пакт Бриана — Келлога), ссылки на прецеденты международного права и юридические комментарии, показывающие полную несостоятельность реваншистских теорий западногерманской юриспруденции. Особенно распространенной среди них является выдвинутое западногерманским юристом Р. Лауном, так называемое «право на Родину», которым реваншисты пытаются обосновать планы возвращения немецких переселенцев в Польшу и другие страны¹⁸. Это пресловутое право, как показывают материалы сборника, идентично нацистскому «праву народных групп» (стр. 426). Оно не имеет никакой юридической силы и призвано замаскировать агрессивные стремления западногерманского империализма.

¹⁵ «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. 1—3. М., 1946—1947; «Внешняя политика СССР. 1917—1944 гг. Сборник документов», т. 4—6. М., 1946, 1947; «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами»; М. 1946; «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы из предыстории второй мировой войны», тт. I—II, М., 1958 и др.

¹⁶ «The Conferences at Malta and Yalta. Department of State USA», 1945.

¹⁷ «Oder — Neiße Linie. Politische Entwicklung und völkerrechtliche Lage von Friedrich Hoffmann», Frankfurt a. Main, 1949; H. K r a u s. Die Oder — Neiße Linie. Eine völkerrechtliche Studie. Köln—Braunsfeld, 1954 и др.

¹⁸ R. L a u n. Das Recht auf die Heimat. Hannover — Darmstadt, 1951; а также «Das Recht der Völker auf die Heimat ihrer Vorfahren. Internationales Recht und Diplomatie», Berlin, 1958, Hft. I.

Составителям удалось на основе документов показать, что развитие Польши по пути демократии и социализма, обусловившее полный крах надежд западных держав на реставрацию капитализма в Польше, вызвало изменение их позиции в польском вопросе; в частности, в вопросе о границе Одер—Нейссе. Порвав с Потсдамским соглашением и развязав «холодную войну» против стран социалистического лагеря, западные державы сделали ставку на раскол Германии и возрождение империализма и милитаризма в Западной Германии.

В сборнике приведен многочисленный материал, характеризующий враждебную деятельность правительств западных держав, в особенности США, по отношению к Польской Народной Республике; попытки вмешательства в ее внутренние дела, установление связей со шпионской организацией ВИН и другими центрами шпионажа и диверсий, репрессии против официальных польских представителей и т. д.

О новом маневре в политике западных держав в отношении Польши свидетельствуют приведенные в сборнике выдержки из книг, газетных и журнальных статей, высказывания многих официальных и влиятельных лиц США и стран Западной Европы.

Составителями помещены выдержки из текста отчетного доклада первого секретаря ЦК ПОРП тов. Гомулки на III съезде ПОРП, в котором он дал сокрушительный отпор всем попыткам западных держав ценой признания границ Польши ослабить ее связи с Советским Союзом и странами социалистического лагеря.

Глава «ГДР — друг Польской Народной Республики» содержит большой материал об упрочении братских связей и сотрудничества между всеми странами социалистического лагеря, о борьбе Советского Союза против германского реваншизма за окончательную ликвидацию остатков второй мировой войны, за подписание мирного договора с Германией, обеспечение прочного мира в Европе и во всем мире.

Составители приводят многочисленные документы, характеризующие отношения между ГДР и ПНР, развивающиеся на основе принципа социалистического интернационализма: программные заявления руководства СЕПГ и ПОРП, решение польского правительства о признании ГДР и об обмене дипломатическими представителями, соглашение о демаркации границы Одер—Нейссе, материалы о германо-польских переговорах в Берлине и Варшаве, о деятельности германо-польского общества мира и доброго соседства и т. д. К документам приложен перечень важнейших договоров и соглашений, заключенных между ГДР и ПНР, статистические данные о развитии германо-польских экономических отношений, а также сведения о культурном и научном сотрудничестве обеих стран, включая протоколы и резолюции Германо-польской исторической комиссии. Приведенные материалы наглядно свидетельствуют о нерушимой дружбе и крепнущих связях Германской Демократической Республики и Польской Народной Республики.

По другому пути развивались отношения народной Польши с ФРГ. Боннское правительство, отказываясь от признания границы Одер—Нейссе, является единственным европейским правительством, выдвигающим территориальные требования. Сборник освещает возрождение реваншизма, разоблачает выдвинутую Бонном программу восстановления германских границ 1937 г., теории новой восточной колонизации и совместного германо-польского управления западными областями Польши (кондоминиум), а также другие виды идеологического оружия германского милитаризма.

Составители поместили документы об отношении политических партий ФРГ к установлению границы Одер—Нейссе, о разногласиях и колебаниях в политических кругах Бонна по вопросу об установлении дипломатических отношений с Польшей, деятельности «Союза немецких переселенцев» и других реваншистских организаций ФРГ. Значительное место в сборнике отведено показу борьбы КПГ против реваншизма за укрепление дружбы с польским народом.

В издание включены также материалы, освещающие борьбу историков ГДР и Польши против фальсификации германо-польских отношений историографией «остфоршунга», в частности, деятельности «Геттингенского рабочего кружка» — главного центра в ФРГ по «изучению» Польши. Большой интерес представляют документы сборника, проливающие свет на неудачные попытки западногерманских историков распространить свои концепции в среде польских ученых с целью ослабить их борьбу против «остфоршунга» (тезисы Э. Мейера, статьи в западногерманском журнале «Германо-польские выпуски»). В связи с этим нужно отметить, что взгляды «остфоршеров» оказались неприемлемыми даже для реакционных польских историков, находящихся в эмиграции. Их встреча в Тюбингене в октябре 1956 г. в сущности явилась безрезультатной¹⁹.

Рассматривая главу «Реваншизм в Западной Германии — цели и методы», следует отметить, что ее название значительно шире, чем содержание. На наш взгляд, полезно было бы несколько подробнее охарактеризовать организации и лица, занимающиеся «остфоршунгом», чтобы подчеркнуть их преемственность с гитлеровским «изучением Востока». За последнее время в исторической литературе ГДР, Польши и Советского Союза появилось много работ, дающих для этого богатый материал²⁰.

Заключительная глава второго раздела сборника «Лагерь мира на страже», содержит документы, освещающие вопрос об обеспечении странами — участниками Варшавского договора и Китайской Народной Республики безопасности границы Одер—Нейссе. Составители также поместили материал о признании этой границы и другими странами и о деятельности массовых международных организаций в защиту границы мира.

Третий раздел сборника состоит из трех приложений. В первом приложении приводятся статистические данные об участии иностранного капитала в польских акционерных обществах, влиянии концернов и монополий Германии и других стран на промышленное развитие Польши и бывших немецких областей накануне войны. Дается также статистика крупного помещичьего землевладения на указанной территории в предвоенные годы, список 100 наиболее значительных земельных магнатов бывших немецких областей с указанием размеров их владений. Характер документов данной главы требует большой осторожности в оперировании ими. Дело в том, что официальная статистика участия иностранного капитала в акционерных обществах дает значительно заниженные сведения, так как она не охватывает многочисленных предприятий польских граждан немецкого происхождения, связанных с экономикой «рейха», не учитывает договоров о патентах, лицензиях и т. д. Тем не менее и официальные статистические данные показывают, что экономика буржуазно-помещичьей Польши была полностью подчинена иностранному контролю.

В стремлении западногерманских монополий и земельных магнатов восстановить утраченное экономическое господство и политическое влия-

¹⁹ «Osteuropa», 1957, Hft. I, S. 75

²⁰ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, Hft. 8; «Die Wahrheit über Oberländer», Brl., 1959; «История СССР», 1960, № 1 и др.

ние на востоке заключается основная причина реваншистской пропаганды в ФРГ, ведущейся под прикрытием защиты интересов нации. В опубликованной статистике находит экономическое объяснение и поддержка, оказываемая реваншистам Западной Германии империалистами других стран, также заинтересованными в реставрации своих позиций в Восточной Европе.

Исторические материалы, посвященные установлению восточной границы Польши, выходят за общие хронологические рамки сборника. Они объединены во втором приложении под названием «Линия Керзона» и содержат документы о предоставлении Советской Россией независимости Польше в 1917 г., планах империалистических держав в отношении Польского государства, аннексии польскими войсками Восточной Галиции и нападении Польши на Советскую Россию. В заключение освещается вопрос об установлении на основе так называемой линии Керзона государственной границы между СССР и Польшей, закрепленной советско-польским договором 11 августа 1945 г.

Документы данного приложения опровергают распространенную в реакционной историографии теорию «компенсации», согласно которой Польша получила западные земли якобы в возмещение восточных областей, отошедших к Советскому Союзу. Сторонники этой реваншистской теории пытаются противопоставить Польшу Советскому Союзу и тем самым обосновать возможность возвращения ее западных земель Германии. Документы сборника разоблачают фальсификаторов и показывают, что установление границы Одер—Нейссе, обеспечивающей безопасность Польши от новой агрессии германского империализма, не связано с историей ее восточной границы по линии Керзона.

Последнее приложение содержит разнообразные по типу документы, характеризующие многие проблемы: ликвидацию разрухи и других последствий войны в западных областях, заселение этих областей, организацию управления, проведение земельной реформы, развитие промышленности и сельского хозяйства в западных областях, их значение в народном хозяйстве Польши и перспективы развития по семилетнему плану 1959—1965 гг. Следует отметить, что сборник значительно выиграл бы, если бы в нем нашла отражение помощь, оказанная Советским Союзом и странами социалистического лагеря Польской Народной Республике в деле восстановления хозяйства западных земель, о чем свидетельствует ряд документов. Число их за последнее время возросло²¹.

Документы приложения опровергают измышления историков и публицистов ФРГ о полном запустении и экономической деградации западных областей Польши, имеющие целью обосновать реваншистский вывод о том, что экономический и культурный расцвет этих земель может быть достигнут только при помощи германских монополий и земельных магнатов.

Таков далеко не полный круг проблем, нашедших освещение в сборнике документов «Польша, Германия и граница Одер—Нейссе».

К изданию приложены указатели литературы, имен, географических названий и административного деления западных областей Польши (последний на польском и немецком языках).

Рассматриваемый сборник имеет большое научное и политическое значение. На основе тщательно подобранных документов на широком фоне

²¹ «Письмо Воеводского и городского народных советов в Щецине Секретарю ЦК КПСС и Председателю Совета Министров Союза ССР Н. С. Хрущеву», «Правда», 3.V 1960 и др.

международной жизни создана яркая и правдивая картина истории германо-польских отношений новейшего времени. Материалы сборника убедительно показывают историческую справедливость установления границы Одер—Нейссе, на страже которой стоит могучий лагерь мира, демократии и социализма.

Совместный труд германских и польских историков является важным вкладом в дело упрочения дружбы между немецким и польским народами, в дело мира.

Ю. Н. Александров

ДОКУМЕНТЫ О СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

Вопросу о советско-чехословацких отношениях в годы второй мировой войны, посвящен ряд работ, вышедших в Чехословакии. Прежде всего должны быть названы мемуары З. Фирлингера¹, В. Копецкого², Б. Лаштовички³, генерала Л. Свободы⁴, большой (трехтомный) коллективный труд по истории чехословацких воинских частей, сформированных в СССР⁵, изданный Ч. Амортом сборник документов «На помощь чехословацкому народу»⁶ и т. д. Большое внимание уделено рассматриваемому вопросу и в многочисленных работах чехословацких историков, посвященных Словацкому народному восстанию, антифашистскому освободительному движению народов Чехословакии.

Значительно меньше разработаны эти отношения в советской исторической литературе. К сожалению, кроме III тома «Истории Чехословакии» (М., 1960) и вышедшей в 1953 г. работы С. Грачева «Помощь СССР народам Чехословакии в их борьбе за свободу и независимость» и некоторых статей нельзя назвать работ советских авторов, где специально освещалась бы история советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны.

Одна из причин этого — существовавший до последнего времени крайний недостаток опубликованных документов, используя которые советские историки могли бы развернуть исследовательскую работу по проблемам советско-чехословацких отношений вообще и в период второй мировой войны в частности.

Поэтому следует приветствовать работу, начатую совместно министерствами иностранных дел СССР и ЧССР по публикации документов и материалов, освещающих взаимоотношения народов наших стран на различных этапах их исторического развития. Вслед за опубликованным в 1958 г. весьма интересным и полезным сборником документов из истории

¹ Z. Fierlinger. Ve službách ČSR, d. I—II. Praha, 1947—1948.

² V. Kopecký. ČSR a KSČ. Praha, 1960; V. Kopecký. Gottwald v Moskvě. Praha, 1948.

³ B. Laštovička. V Londýně za války. Praha, 1960.

⁴ L. Svoboda. Z Buzuluku do Prahy. Praha, 1960; L. Svoboda. Bojovali sme po boku veľkej armády. Bratislava, 1960.

⁵ «Za svobodu Československa», sv. I. Praha, 1959; sv. III, Praha, 1960 (т. II еще не вышел из печати).

⁶ Č. Amort. Na pomoc československému lidu. Dokumenty o československo-sovětském přátelství z let 1938—1945. Praha, 1960.

Мюнхена⁷, МИД СССР и МИД ЧССР издали недавно новый сборник, охватывающий период с 1941 по 1945 г.⁸ В издание включено 144 документов, большинство из них извлечено из советских и чехословацких архивов и публикуется впервые. Следует решительно поддержать принятый подготовителями принцип, в соответствии с которым, наряду с первопубликациями помещены и уже опубликованные документы и материалы, необходимые для правильного понимания и освещения характера советско-чехословацких отношений и международной обстановки.

Большим достоинством рецензируемого сборника является то, что включенные в него документы дают возможность рассматривать вопросы развития советско-чехословацких отношений в период Великой Отечественной войны Советского Союза не изолированно, а в связи как с общей международной обстановкой, так и с изменениями внутриполитического положения в Чехословакии, расчлененной и оккупированной гитлеровцами.

Большая группа документов сборника освещает огромную работу, проведенную Компартией Чехословакии по организации национально-освободительной антифашистской борьбы чешского и словацкого народов. Эти документы показывают, как с первых дней Великой Отечественной войны КПЧ подняла знамя всенародной антифашистской борьбы, призвала к созданию партизанских отрядов, к накоплению сил для решительного удара против гитлеровцев, к массовому проведению саботажа и диверсий в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве (док. № 1, 4, 21, 36, 77, 81, 88, 89, 96, 132, 136, 138, 144). Эти документы показывают неутомимую повседневную организаторскую деятельность находившегося в Москве руководящего центра КПЧ во главе с К. Готвальдом, разрабатывавшего программу революционной освободительной борьбы и способствовавшего созданию на территории СССР чехословацких воинских частей, а также осуществлявшего непосредственное руководство деятельностью подпольных организаций партии в Чехословакии, развертыванием партизанского движения.

Освободительное антифашистское движение чешского и словацкого народов, возглавленное коммунистами, вдохновлялось примером героической борьбы советского народа, советских Вооруженных Сил против гитлеровских захватчиков, опиралось на поддержку советских людей и правительства СССР.

Советское правительство оказывало огромную помощь народам Чехословакии в течение всего периода Великой Отечественной войны. Оно никогда не признавало позорных Мюнхенских соглашений о Чехословакии и решительно протестовало против ее расчленения и оккупации гитлеровцами и их пособниками в марте 1939 г.

Через несколько дней после начала Отечественной войны — 8 июля 1941 г. — советское правительство сообщило президенту Э. Бенешу, что политической программой СССР в отношении Чехословакии является самостоятельная Чехословацкая республика с чехословацким национальным правительством, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что оно готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в СССР (док. № 2). Советский Союз оказывал политическую поддержку Чехословакии последовательно в течение всей войны, идя навстречу Чехословацкому правительству во всех мероприятиях, которые могли бы способствовать ос-

⁷ «Новые документы из истории Мюнхена, М., 1958.

⁸ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы», М., 1960.

чане стали всячески препятствовать этой поездке (док. № 53, 54). 23 августа в беседе с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне Бенеш признал, что «позиция, в которую его ставят англичане, ему невыгодна», но заявил при этом, что он боится англичан (стр. 101). Тем временем чехословацкое правительство всячески старалось убедить англичан, что оно хочет заключить договор с СССР для предотвращения «опасности коммунизма» как для самой Чехословакии, так и для других стран Центральной Европы. Такое циничное заявление сделал, в частности, чехословацкий государственный министр Г. Рипка 6 октября 1943 г. послу Великобритании при чехословацком правительстве в Лондоне (док. № 60). Когда стало известно, что англичане намереваются поставить перед СССР на конференции министров иностранных дел в Москве (октябрь 1943 г.) вопрос об отсрочке заключения договора до конца войны, Бенеш и его правительство окончательно струсили. 18 октября Бенеш писал Фирлингеру: «На случай, если бы Англия и Россия остались каждая на своих позициях и вообще не пришли к соглашению или если бы Россия настаивала на точке зрения, что это дело касается только нас двоих, что Англии нет дела до этого и что в таком случае русские не будут говорить с Англией, необходимо, чтобы вы совершенно ясно знали, что, рискуя вызвать конфликт с Англией, я не могу ехать в Россию и не могу подписать там договор» (док. № 63, стр. 118).

Так английское правительство и правительство Бенеша готовились уже похоронить идею советско-чехословацкого договора о дружбе и послевоенном сотрудничестве. Однако твердая позиция Советского Союза, последовательно отстаивавшего принцип полного суверенитета и самостоятельности во взаимоотношениях между народами, вынудила западные державы и их приверженцев из лагеря чехословацкой буржуазии прекратить козни и интриги против договора. Английскому правительству пришлось отказаться от давления на чехословацкое правительство (док. № 67, 68, 69). Бенеш выехал в Москву, и договор был заключен (док. 73, 74, 75, 76). Подписание этого договора представляло собой огромную морально-политическую поддержку народам Чехословакии в их антифашистской борьбе. Вместе с тем договор предусматривал широкую и всестороннюю взаимную помощь СССР и Чехословакии в совместной войне против гитлеровской Германии.

В связи с выходом советских войск весной 1944 г. к границам Чехословакии актуальным стал вопрос об определении характера взаимоотношений между советским командованием и чехословацкими властями на освобожденной территории. 8 мая 1944 г. в Лондоне было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой Администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии» (док. № 86, 87). Это соглашение предусматривало, что власть Главнокомандующего советскими войсками и его ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будут распространяться только на зону военных операций и только на время, необходимое для осуществления этих операций. Важное значение имела статья 3-я Соглашения, предусматривавшая, что как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет быть зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство полностью возьмет там в свои руки власть и управление общественными делами и будет оказывать Советскому Главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь. Соглашение устанавливало также, что юрисдикции Советского Главнокомандующего на территории Чехословакии будут подчиняться только лица, принадлежавшие к советским войскам.

Это соглашение имело большое международное значение. Оно создало серьезные трудности для осуществления агрессивных планов англо-американских империалистов, готовившихся в то время навязать оккупационный режим странам, в которые вступали англо-американские войска. Правительство Англии вело в эти дни в Лондоне переговоры с находившимися там эмигрантскими правительствами ряда оккупированных европейских государств об управлении освобожденными территориями Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции на условиях, ограничивающих суверенитет этих стран на неопределенное время. 12 мая в Лондоне было объявлено, что для управления всеми гражданскими делами на территории освобожденной Европы будет создана специальная секция при ставке генерала Эйзенхауэра. Эта секция создаст на всей освобожденной территории органы управления под руководством прошедших специальную подготовку английских и американских офицеров и чиновников. Секцию возглавит английский генерал вместе с двумя американскими генералами, которые «приобрели опыт в Тунисе и в Италии»⁹. Это означало, что на освобожденных от гитлеровцев территориях европейских государств англо-американское командование намеревалось ввести оккупационный режим.

Полную противоположность агрессивным замыслам американцев и англичан представляли принципы взаимоотношений советского командования с народом освобожденной страны, сформулированные в советско-чехословацком соглашении. Историческое значение этих принципов ярко раскрыл в своей речи К. Готвальд, выступая 11 мая 1944 г. по московскому радио (док. № 88, стр. 164—165).

Интересны и важны документы, относящиеся к организации партизанского движения в Чехословакии, подготовке и проведению Словацкого народного восстания 1944 г. (док. № 91—96, 99, 141, 143). Особенный интерес представляют запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Чехословакии в СССР и начальником чехословацкой военной миссии от 31 августа 1944 г. (док. № 95), записка К. Готвальда «К событиям в Словакии» от 2 сентября 1944 г. (док. № 96) и письмо чехословацкого посла в Москве наркому иностранных дел СССР от 4 сентября 1944 г. (док. № 99).

29 августа 1944 г. в Словакии вспыхнуло народное антифашистское восстание. 31 августа посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер информировал наркоминдел СССР о событиях в Словакии и высказал просьбу, «чтобы словацкому народу была оказана помощь в рамках оперативных возможностей Красной Армии» (стр. 181—182). Через два дня (2. IX.) товарищ К. Готвальд передал в Наркомат иностранных дел СССР записку, в которой подробно изложил ход событий в Словакии, дал анализ этих событий и охарактеризовал их как «мощную вооруженную народную войну против вторгшихся немецких войск, в которой участвуют, кроме партизан, значительная часть словацкой армии и широкие слои населения» (стр. 184). Тов. Готвальд подчеркнул в записке, что ЦК КПЧ оценивает эту борьбу как «подлинно народное, глубоко демократическое освободительное движение» (стр. 186). Он сообщил, что в подготовке вооруженного выступления принимала активное участие Коммунистическая партия Чехословакии.

Советское правительство уже 2 сентября сообщило Фирлингеру, что оно считает бои в Словакии всенародным делом, которому будет оказана помощь (док. № 98). О том, как и в каких масштабах оказывалась помощь,

⁹ Z. Fierlinger. Ve službách ČSR, d. II, str. 252—253.

рассказывают многочисленные документы сборника (док. № 97, 100—115, 117, 121, 141). Весьма большой интерес представляет опубликованное в сборнике письмо Клемента Готвальда от 30 июня 1945 г., адресованное Первому секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Н. С. Хрущеву. В письме К. Готвальд от имени ЦК КПЧ выражает благодарность ЦК КП Украины и лично тов. Хрущеву за помощь, оказанную в развитии партизанского движения в Чехословакии. В письме дается высокая оценка деятельности советских партизан в Чехословакии. «Помощь Украинского штаба партизанского движения, деятельностью которого руководили Вы лично, Никита Хрущев, была очень существенной, — писал Готвальд. Благодаря партизанскому движению в Словакии, в котором участвовали такие замечательные партизанские командиры, как товарищ Егоров, Квитинский, Величко, Лошаков и другие, и в руководстве которым принимал большое участие тов. Асмолов, произошло национальное восстание в Баньской-Быстрице, которое переросло затем в массовое партизанское движение по всей Словакии. Ваша помощь нам помогла также развернуть партизанское движение в Чехии и Моравии, где воевали и наносили фашистам тяжелые потери многие бригады и отряды, которые были организованы с помощью и под руководством советских партизан. Советские партизаны принесли к нам замечательный дух советских бойцов, дух решимости в борьбе с фашистами; советские партизаны показали чешскому и словацкому народам, как нужно бить фашистов и то, что в этой борьбе должны участвовать широкие народные массы... За всю помощь, которую оказал нам Украинский штаб партизанского движения, мы прежде всего благодарны Вам, так как мы знаем, что именно Вы лично заботились о том, чтобы эта помощь была как можно более эффективной» (док. № 143, стр. 276—277).

Огромное значение для развертывания освободительной антифашистской борьбы в Словакии, для судеб Словацкого народного восстания имело предпринятое Советским Командованием 8 сентября 1944 г. наступление войск 38-й Армии 1-го Украинского фронта на Кросно-Дуклинском направлении. Это героическое наступление, в котором принял активное участие 1-й Чехословацкий Армейский корпус в СССР, сковало значительные силы гитлеровцев, лишило их возможности участвовать в подавлении Словацкого восстания и привело 6 октября к вступлению чехословацких и советских войск на территорию Чехословакии в районе перевала Дукля. К сожалению, в рецензируемом сборнике отсутствуют документы об этой операции Советской Армии, предпринятой специально с целью оказания помощи Словацкому народному восстанию и оцененной президентом Готвальдом как «героическая эпопея, которой никогда не забудет чехословацкий народ»¹⁰.

Большую помощь оказало Советское правительство в снабжении населения освобожденных районов Чехословакии продовольствием (док. 112, 113, 117), в формировании, вооружении и снабжении чехословацких вооруженных сил, создаваемых на территории Чехословакии (док. 121, 127, 134), в восстановлении нормальной жизни в стране.

Непонятно, однако, почему в сборник фактически совсем не включены хотя бы самые важные материалы о действиях Советской Армии по освобождению Чехословакии.

Включение таких материалов способствовало бы, по нашему мнению, более правильному и глубокому освещению той многосторонней помощи,

¹⁰ K. Gottwald. 1949—1950. Praha, 1951, str. 135—136.

которую оказывали советский народ и его Вооруженные Силы братским народам Чехословакии в решении важнейшего для них жизненного вопроса — завоевания национальной свободы и государственной самостоятельности. Совершенно очевидно, что именно боевые действия Советской Армии по освобождению Чехословакии от гитлеровского порабощения были самой важной и самой действенной формой помощи чешскому и словацкому народам.

Вместе с тем в сборник следовало бы включить некоторые материалы, характеризующие героическую борьбу против гитлеровцев чехословацких воинских частей в СССР, словацких повстанцев, партизан-антифашистов в чешских и моравских областях, ибо эта борьба была важным вкладом народов Чехословакии в общее дело борьбы против гитлеровской Германии, помогала боевым операциям советских войск, способствовала укреплению боевой дружбы и братского союза наших народов.

Опубликованные далее в сборнике документы разоблачают деятельность чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне и президента Бенеша, показывая, что в коренных вопросах советско-чехословацких отношений и антифашистской национально-освободительной борьбы народов Чехословакии они проводили неискреннюю двурушническую политику.

В то время, как Коммунистическая партия призывала народ к активной борьбе против фашистских поработителей, в то время как коммунисты сами шли в первых рядах этой борьбы и руководили ею, лондонское правительство по радио и другими средствами призывало население страны «воздержаться от каких-либо демонстраций, стачек и тому подобных действий, в ожидании более благоприятного для широкого выступления дня» (док. № 6, стр. 21; док. № 18, 27), возражало против развертывания партизанского движения в стране (док. № 94), искало пути ограничения деятельности создававшихся народом органов революционной борьбы — национальных комитетов (док. № 93). Чехословацкое правительство, ведя переговоры с Советским Союзом о помощи в борьбе за освобождение Чехословакии от гитлеровцев, в то же время заверяло правительство Англии, что оно не желает, «чтобы Россия приобрела одностороннее преимущественное влияние в Чехословакии», так как сознает «все далеко идущие последствия, которые из-за этого возникли бы не только для нас (т. е. для чехословацкого эмигрантского правительства. — *И. У.*), но и для всей европейской и мировой политики» (док. № 14, стр. 32).

Чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, нарушая свои союзнические обязательства в отношении СССР, систематически использовало чехословацкую военную миссию в Москве для сбора шпионских сведений о Советском Союзе и его Вооруженных Силах, передавая эти сведения английской разведке (док. № 9, 13, 80, 91). При этом начальник военной миссии генерал Пика, «добросовестно» шпиона против СССР, одновременно доносил в Лондон и на находившихся в Москве руководителей Компартии Чехословакии (док. № 26), и на чехословацкого посла в СССР тов. З. Фирлингера (док. № 20), которого за его последовательную патриотическую позицию считали в Лондоне «не критичным русофилом», «прорусским» и т. д. (док. № 63, 65).

Документы сборника показывают также, что правительство Англии, стремясь использовать чехословацкое эмигрантское правительство для осуществления своих внешнеполитических целей, весьма мало на деле заботилось о судьбах народов Чехословакии, об их подлинной национальной свободе и независимости. В течение всей войны английское правительство упорно не соглашалось, например, отказаться от Мюнхенских со-

глашений с Гитлером о расчленении Чехословакии и заявить о признании ее домюнкенских границ (док. № 10, 14, 15, 52). Бенеш сообщал 6 апреля 1942 г. Фирлингеру, что англичане «отклоняют формулу, которая означала бы публичное заявление, что в 1938 г. они сделали что-то неправильное или нечестное» (стр. 33). Эта же позиция сохранялась англичанами в последующие годы.

В сборник включены некоторые документы, касающиеся образования нового чехословацкого правительства в Кошице и его программы (док. № 119, 124, 125, 130, 131). Другие документы освещают вопрос о воссоединении народа Закарпатской Украины с Украинской ССР (док. № 118, 122, 123, 142). Находившийся на территории Закарпатской Украины уполномоченный чехословацкого правительства Ф. Немец сообщал 29 декабря 1944 г. своему правительству и президенту, что движение на Закарпатской Украине за воссоединение с Советской Украиной «нужно считать движением народным и стихийным. Советский Союз считает его выражением национального стремления и уважает его так, как он уважает вообще проявление национальных стремлений славянских народов». Ф. Немец писал далее: «Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны» (док. № 118, стр. 215—216).

Точка зрения советского правительства на события в Закарпатской Украине после ее освобождения от гитлеровцев была выражена в послании Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина президенту Чехословацкой Республики от 23 января 1945 г. Сталин писал Бенешу: «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства. Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решать. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом...» (док. № 122, стр. 221).

В ответном послании Бенеш заверил Сталина, что ни он (Бенеш), лично, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали, что Советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине... Я хорошо знаю, — писал Бенеш, — принципы политики Советского Союза и знаю, что это совершенно исключено» (док. № 123, стр. 223). В соответствии с соглашением между двумя правительствами вопрос о воссоединении Закарпатской Украины с ее издвигавшей родиной — Советской Украиной — был после окончания войны решен на основании волеизъявления закарпатоукраинского населения (док. № 142).

* * *

Изданный Министерством иностранных дел СССР и Министерством иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики сборник документов будет несомненно содействовать более широкому изучению и

правильному освещению советско-чехословацких отношений в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Помещенные в нем документы являются ценным свидетельством совместной борьбы советского и чехословацкого народов против германского фашизма, показывают, как выковывались и закалялись в огне Отечественной войны боевая дружба и союз наших народов. Вместе с тем эти документы помогут усилить научную разработку проблем советско-чехословацких отношений.

Отмечая большое положительное значение опубликования этого сборника, хотелось бы выразить пожелание, чтобы МИД СССР и МИД ЧССР продолжили успешно начатую работу по публикации документов и материалов о советско-чехословацких отношениях с тем, чтобы соответствующие сборники с течением времени охватывали все важнейшие этапы развития этих отношений в период после Великой Октябрьской социалистической революции и до наших дней.

И. И. Удальцов

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ВЕНГРИИ И ХОРВАТИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Из трудов по истории Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XX в., в особенности в 1905—1907 гг., когда в связи с русской революцией происходил подъем классовой борьбы и национально-освободительного движения в ряде стран, мы обращаем внимание читателя на работы М. Гросс и Т. М. Исламова¹.

Новое исследование Миряны Гросс — «Правление хорвато-сербской коалиции, 1906—1907 гг.» — наиболее крупный труд хорватского историка. Он посвящен периоду подъема политической борьбы в Хорватии, происходившего в условиях острого внутривластного кризиса австро-венгерской монархии. Этот кризис развился в результате нарастания национальных противоречий в империи Габсбургов в конце XIX — начале XX в. и подъема революционного движения рабочих и крестьянских масс в особенности под воздействием буржуазно-демократической революции в России.

Хорвато-сербская коалиция — пестрый по составу блок буржуазных группировок (временно в него входили и социал-демократы), возникший в связи кризисом монархии. В качестве ближайшей цели хорвато-сербская коалиция добивалась расширения автономии Хорватии, защиты экономических интересов национальной буржуазии, определенной (весьма ограниченной) демократизации политических порядков в стране. В 1906—1907 гг. развитие событий привело коалицию к временному сотрудничеству с хорватским (автономным) правительством и венгерскими властями. Политика хорвато-сербского сотрудничества, тактика постепенных реформ и поддержка буржуазными партиями Хорватии — Славонии и Далмации венгерской оппозиции (партии независимости и др.) против австрийских правящих кругов и династии Габсбургов — все это получило название «нового курса».

Прежде всего хочется отметить важный элемент работы М. Гросс. В разделе «Экономическая основа нового курса» приведен выявленный в разных источниках материал о предприятиях, банках и других капиталах.

¹ М. Гросс. *Vladavina hrvatsko-srpske koalicije 1906—1907*. Beograd, 1960, 250 стр. Т. М. Исламов. *Политическая борьба в Венгрии в начале XX в.* М., 1959, 412 стр.

стических организациях, с которыми была связана коалиция, а частично также ее политические противники. Таким образом, автор стремится связать свои рассуждения о политике коалиции с теми глубокими интересами части хорватской и сербской буржуазии, какие в конечном счете определяли эту политику. Уже поэтому исследование М. Гросс представляет большой интерес².

Книга состоит из введения и трех глав («Борьба за власть»; «Правление хорвато-сербской коалиции», «После краха нового курса»). В введении изложены отмеченные выше существенные черты политики нового курса, и его «экономическая основа», а также история возникновения коалиции.

Автор отмечает, что внутриполитические изменения в Хорватии в начале XX в. и активное выступление хорватской и сербской буржуазии в благоприятный для нее момент явились результатом усиления экономической силы буржуазии (автор не ставил себе целью изучение экономических сдвигов в Хорватии в конце XIX — начале XX в. Ясно, что эти сдвиги — особый предмет изучения специалистов). По автору, объективно крайней целью (полагаем, можно сказать, — объективной тенденцией, направленностью) хорвато-сербского блока являлось создание независимого югославянского государства. Однако признание буржуазией только оппортунистических мирных средств борьбы (прежде всего таким средством являлась поддержка венгерской буржуазной оппозиции) сделало возможным объединение в составе коалиции самых разнородных элементов. Указанную конечную цель сознательно ставили себе лишь наиболее радикальные элементы коалиции, тогда как умеренные слои и их представители — подавляющее большинство национальных буржуазных деятелей — не думали идти дальше обеспечения весьма скромного минимума политических свобод, необходимых буржуазии для отстаивания своих интересов от посягательств австро-венгерских правителей, более благоприятных экономических условий (в частности, гарантии увеличения инвестиций в хозяйство). Таким образом, между целями разнородных элементов коалиции имела дистанция огромного размера. Умеренные круги решались активно выступать, лишь пока продолжался кризис в отношениях между Австрией и Венгрией и была обеспечена поддержка венгерской буржуазии. М. Гросс указывает на глубокое противоречие между объективной целью движения (ликвидация империи Габсбургов) и средствами, приемлемыми для оппортунистической буржуазии. Это противоречие неизбежно вело к краху нового курса.

Капитуляция венгерской буржуазной оппозиции перед Францем-Иосифом и австрийскими властями, защищавшими интересы австрийского монополистического капитала, поддержка ею в апреле 1906 г. правительства Векерле означали конец хорвато-венгерского сотрудничества против Вены. Вскоре выяснилось, что надежды коалиции на уступки национальной буржуазии со стороны венгерских правящих кругов беспочвенны, так как последние более не нуждались в поддержке коалиции. Правительство Векерле, на короткий срок допустив коалицию к положению «правящей партии», вскоре вернулось к открытой поддержке унионистов — прежней опоры австро-венгерского господства в Хорватии.

Новый курс привел к обострению политической борьбы в Хорватии. Стремясь подавить всякую оппозицию в Хорватии, австро-венгерские власти отбросили маску конституционности, распустили сабор и установили в стране абсолютистский режим. Запланировав аннексию Боснии Гер-

² Ценные замечания о социальной базе политических группировок в Хорватии в начале XX в. имеются также в работах югославских историков А. Раденича, В. Ценича, И. Цази.

цеговины, имперские правящие круги решили подорвать хорвато-сербское сотрудничество, которое являлось наиболее прочным результатом нового курса. Началась подготовка судебных процессов оппозиционных деятелей, обвиненных в государственной измене.

Почти все буржуазные лидеры быстро уступили давлению сверху. Соглашательские элементы в конечном счете привели коалицию к пассивному выжиданию распада монархии и к сотрудничеству с габсбургскими властями.

Провал нового курса привел часть национально настроенной мелко-буржуазной интеллигенции к выводу о невозможности национального исоциального прогресса при помощи оппортунистических методов. Именно с этого времени усилилась организация национально-революционных групп в югославянских землях.

Шаг за шагом М. Гросс прослеживает развитие политической борьбы в Хорватии с конца 1905 по середину 1907 г., уделяя основное внимание деятельности руководителей коалиции (Ф. Супило, А. Трумбича и др.), их тактическим маневрам, замыслам, переговорам и т. п., а также политике правящих кругов Австро-Венгрии, тактике венгерской оппозиции, планам великоавстрийского лагеря. Изложение внутривполитической борьбы ведется в связи с характеристикой внешнеполитических устремлений Австро-Венгрии. Автор приводит большой фактический материал, почерпнутый из государственных и личных архивов, в работе широко использована хорватская, сербская, венгерская и австрийская пресса, а также отечественная и иностранная литература. Поэтому книга М. Гросс имеет ценность для всякого, кто желает детально ознакомиться с перипетиями политической борьбы буржуазных группировок в Хорватии в 1906—1907 гг.

Большое внимание автор уделяет политической обстановке в Далмации (входившей в состав австрийской части империи) и активности далматинских буржуазных кругов. Это — важная положительная сторона исследования: далматинские политические деятели являлись инициаторами и активными проводниками нового курса. Причины активности далматинцев автор видит в крайней экономической запущенности Далмации, вызывавшей в этой области повсеместный рост антиавстрийских настроений. Описание в одной работе политической борьбы, как в Хорватии — Славонии, так и в Далмации, важно для правильного понимания ситуации, в которой находился хорватский народ в целом в начале XX в.

М. Гросс характеризует и внутреннюю политику хорвато-сербской коалиции. Она указывает на антирабочую и антикрестьянскую направленность этой политики, нежелание буржуазии ввести всеобщее избирательное право, классовое своекорыстие буржуазии, ее приспособленчество и консерватизм. Упомянув о подъеме массового народного движения, на фоне которого действовали национально-буржуазные политики, автор, к сожалению, не останавливается на рассмотрении этого важнейшего явления и ограничивается изложением борьбы в буржуазной среде. Конечно, рабочее и крестьянское движение начала XX в. и политика социал-демократии являются самостоятельными темами. Ясно, однако, что изложение проблем, интересующих автора в данной работе, выиграло бы, а историческая картина, нарисованная в книге, стала бы более полной, яркой и точной, если бы автор имел возможность привести основные факты классовой борьбы народных масс, невиданная ранее активность которых оказывала прямое влияние на всю политику национальной буржуазии. Как указывает М. Гросс, рамки данной книги не давали ей такой возможности. В связи с этим необходимым дополнением к книге следует считать

большую статью того же автора, опубликованную вслед за выходом книги и специально посвященную вопросу о деятельности социал-демократии в годы нового курса³ (автор является специалистом по истории рабочего и социалистического движения в Хорватии).

В целом книга М. Гросс существенно дополняет сведения об одном из важных переломных периодов новой истории Хорватии, и мы отмечаем ее выход в свет как положительное явление в хорватской историографии.

Книга Т. М. Исламова в основном посвящена ситуации 1905—1906 гг. После сжатого очерка экономического и политического положения Венгрии в составе Габсбургской монархии в конце XIX — начале XX в. автор прослеживает назревание кризиса дуалистической системы монархии, дает развернутую характеристику политических событий 1905—1906 гг., анализирует политику главных буржуазно-помещичьих группировок Венгрии (либералов, независимцев и др.). В исследовании Т. М. Исламова обобщается обширный материал об экономической и политической борьбе народных масс, о революционном подъеме в Венгрии; автор убедительно показывает, как сообщения о героической борьбе народа против царского самодержавия, поступающие из России, с воодушевлением воспринимались венгерскими трудящимися, стимулировали их боевую активность. Венгерский народ солидаризировался с русской революцией. Т. М. Исламов прослеживает, как рабочее движение в Венгрии поднялось на более высокую ступень, в частности, как рабочий класс пришел к применению нового метода борьбы — массовой политической стачки.

Особый интерес представляет критика идеологии и тактической линии правого руководства социалистической партии Венгрии, которое боялось «русских методов» борьбы, фальсифицировало опыт русской революции, стремилось свернуть борьбу венгерского народа за демократические преобразования, в значительной мере выхолостить ее, ограничить ее цели введением всеобщего избирательного права. Оно охотно соглашалось получить избирательную реформу из рук австрийского абсолютизма и в связи с этим поддержать Франца-Иосифа против венгерского национального движения.

В книге показано, что в Венгрии создались весьма благоприятные объективные условия для гегемонии пролетариата и организации революционного союза пролетариата и крестьянства. В стране происходил невиданный ранее подъем крестьянского движения, направленного против помещичьей эксплуатации, на ликвидацию латифундального землевладения. Разоренная помещиками и капиталистами, венгерская деревня стихийно тянулась к социализму, как единственному выходу из отчаянного положения. Автор указывает, что игнорирование лидерами социал-демократии, зараженными «австромарксизмом», аграрного вопроса в стране, где сохранялись крупные пережитки феодализма, их глубокое отвращение к крестьянскому движению, разочаровывало полупролетарские массы деревни. Ввиду контрреволюционной позиции правых социал-демократов в крестьянском вопросе радикальные элементы деревни еще в 1890-х годах создали свою особую организацию (независимую социалистическую партию во главе с Варконьи). Но партия Варконьи, оказавшись изолированной от рабочего класса, не могла иметь социалистического характера и превратилась в полуанархистскую буржуазно-демократическую группировку. Т. М. Исламов останавливается также на борьбе левых сил в социал-демократической партии. Левые, искавшие новых путей для

³ М. Гросс. *Socijalna demokracija u Hrvatskoj i politika «novog kursa»*. «Radovi Filozofskog fakulteta u Zagrebu. Odsjek za povijest», 1959, N 2.

рабочего движения, были слабы в идеологическом и организационном отношении. Лишь ленинизм и Октябрьская революция указали этим преданным рабочему классу борцам правильный путь.

Излагая борьбу буржуазии и трудящихся масс за национальные требования, автор показывает ограниченность, трусость и шовинизм буржуазно-помещичьих кругов, боявшихся народа и враждебных как широким демократическим преобразованиям в стране, так и национальному движению угнетенных народов Венгрии. Буржуазно-помещичья партия, встретив упорное противодействие австрийских правящих кругов, пошла на капитуляцию перед ними.

Т. М. Исламов отмечает следующие этапы развития событий, каждому из которых посвящает отдельную главу: усиление классовой борьбы и подъем рабочего движения в первой половине 1905 г., нарастание политического кризиса во второй половине 1905 — начале 1906 г., капитуляция буржуазно-помещичьей оппозиции и революционное движение пролетариата и крестьянства в первой половине 1906 г. Во всех главах изложение истории массового революционного движения сочетается с характеристикой борьбы в буржуазно-помещичьих «верхах», показывается реакция эксплуататорских классов на выступления народа, изменение их позиции перед лицом требований масс.

Событиям, имевшим место в национальных областях Венгрии, уделено, к сожалению, немного внимания. Что касается славянских земель, то автор ограничивается лишь упоминанием некоторых наиболее важных фактов истории Словакии, Хорватии, Воеводины. Развитие национальной и социальной борьбы в этих землях Транслейтании было тесно связано с событиями в собственно Венгрии и Австро-Венгрии в целом, во многом общими были и проблемы, стоявшие перед разными народами. Поэтому богатое фактическим материалом и продуманными выводами, находящееся на высоком уровне в методологическом отношении исследование Т. М. Исламова представляет интерес для историков-славистов.

В. И. Фрейдзон

КНИГА О ЛОДЗИНСКОМ ВОССТАНИИ *

Лодзинское восстание 1905 г. было одним из первых рабочих вооруженных восстаний в России. Оно имело важное значение для развития общероссийского и международного революционного движения. Отмечая это, В. И. Ленин писал: «...Рабочие, даже неподготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы»¹.

Хотя Лодзинское восстание привлекало внимание историков, однако до последнего времени оно оставалось малоизученным. Польские буржуазные историки, касаясь восстания, рассматривали его с националистических позиций. Значительный вклад в разработку истории восстания был сделан деятелями КПП и польскими историками-марксистами. В 1925 г. был издан под редакцией Ю. Красного сборник материалов и документов о Лодзинском восстании. В нем опубликованы воспоминания очевидцев и участников восстания, а также социал-демократические листовки, вы-

* И. А. Хренов. Лодзинское восстание. М., 1958, 166 стр.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 8, стр. 502.

шедшие в период восстания. Краткие сведения о восстании содержатся в сборнике «1905 год в Польше»², статье Т. Данишевского³ и других работах.

В связи с 50-летием первой русской революции в Польской Народной Республике вышли в свет три работы, посвященные Лодзинскому восстанию: статья Р. Каменика «Июньское вооруженное восстание на фоне борьбы лодзинского пролетариата в революции 1905—1907 гг.»⁴, статья П. Корца «Восстание лодзинского пролетариата в 1905 г.»⁵ В 1956 г. была издана монография Корца «Революционная борьба в Лодзи и Лодзинском районе в 1905—1907 годах»⁶.

В советской историографии этот вопрос затрагивался в работах У. А. Шустера, А. Я. Манусевича⁷, в «Истории Польши», т. II. Специальной же работы о восстании не было. Этот пробел восполняет монография И. А. Хренова «Лодзинское восстание», представляющая собой оригинальное ценное исследование.

И. А. Хренов использовал широкий круг источников: публикации документов, материалы большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», польских социал-демократических изданий, документы советских и польских архивов.

На основе критического изучения литературы и источников автор довольно полно осветил революционное выступление лодзинских рабочих в первой половине 1905 г. и самое важное событие этого периода — июньское вооруженное восстание в Лодзи. При этом подготовка, начало и ход восстания показаны автором на широком фоне социально-политической жизни России и Польши. Лодзинское восстание представлено в книге как результат огромного воздействия первой русской революции на развитие революционного движения в Польше, как проявление освободительных тенденций национальных окраин России, испытывавших двойной гнет: своих собственных и русских помещиков и капиталистов.

Монография И. Хренова состоит из трех глав. В первой главе рассматривается положение рабочего класса Лодзинского промышленного района накануне революции 1905—1907 гг., во второй — начало революции в Лодзинском промышленном районе и, наконец, в третьей — ход вооруженного восстания в Лодзи.

Осветив развитие промышленности в Лодзинском районе и положение рабочего класса, автор затем дает обстоятельную характеристику революционного движения польских рабочих. Борьба польского пролетариата носила интернациональный характер. Вместе с польскими трудящимися в революционном движении участвовали русские, еврейские, белорусские и литовские рабочие, проживавшие в Королевстве Польском. В совместной революционной борьбе закалялась дружба и братство русских и польских рабочих.

Руководителем польского пролетариата была Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). И. Хренов вскрывает сильные

² «1905 rok w Polsce», М., 1926.

³ «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», т. I, М., 1956.

⁴ R. K a m i e n i k. Czerwcowe powstanie zbrojne na tle walk proletariatu łódzkiego w rewolucji 1905—1907 roku. «Rewolucja 1905—1907 roku na ziemiach polskich». Warszawa. 1955.

⁵ P. K o r z e c. Powstanie łódzkiego proletariatu w 1905 r. «Kwartalnik historyczny», 1955, № 3.

⁶ P. K o r z e c. Walki rewolucyjne w Łodzi i okręgu łódzkim w latach 1905—1907. Warszawa. 1956.

⁷ «Революция 1905—1907 годов в национальных районах России», М., 1949.

и слабые стороны в деятельности СДКПиЛ, показывает путь укрепления партии, преодоления ею под воздействием большевистской партии своих ошибок и превращения ее в последовательно революционную партию. Однако в рядах польского рабочего класса не было единства. Большой вред делу сплочения польского рабочего класса приносила оппортунистическая деятельность правой ППС. Автор прослеживает решительную борьбу СДКПиЛ против буржуазной националистической идеологии правого руководства ППС, стремившегося изолировать польский рабочий класс от русского революционного движения. Рядовые же члены ППС вопреки правому руководству партии все чаще выступали совместно с членами СДКПиЛ на борьбу против самодержавия.

Вслед за рабочими и под их влиянием на революционный путь вступало и польское крестьянство. Указывая на рост крестьянских выступлений, автор определяет и специфическую черту крестьянского движения в Королевстве Польском. Борьба польского крестьянства, отмечает автор, в отличие от крестьянского движения в России, выражалась не только в форме прямого захвата и раздела помещичьих земель, а главным образом в требованиях права пользования помещичьими и казенными лесами, лугами, пастбищами, водопоями, восстановления родного польского языка в школе, суде. В дальнейшем же, по мере роста классового сознания, крестьяне выдвигали все более радикальные требования. Крестьяне на собственном опыте революционной борьбы убеждались, что их последовательным союзником и руководителем является рабочий класс.

Большое внимание автор уделит освещению работы русских и польских социал-демократов в войсках, размещенных в Королевстве Польском. Русские социал-демократы создали военно-революционную организацию, которая развернула свою деятельность в первые месяцы 1905 г. Одним из организаторов комитета ВРО РСДРП в Варшаве был В. А. Антонов-Овсенко. Между Варшавским комитетом ВРО и Варшавским комитетом СДКПиЛ были установлены тесные связи. Представителем Варшавского комитета СДКПиЛ в Варшавском комитете ВРО РСДРП был Ф. Э. Дзержинский. Дзержинский принимал деятельное участие в работе ВРО, составлял и издавал прокламации и листовки ВРО, в которых социал-демократы призывали солдат не стрелять в своих братьев-рабочих и поддерживать их выступления против царя и буржуазии.

Благодаря работе русских и польских социал-демократов революционные идеи проникали в солдатские казармы, возбуждали среди солдат недовольство пренебрежительным отношением офицеров и тяжелыми условиями службы в царской армии.

Впервые в монографии И. А. Хренова широко показаны отклики на Лодзинское восстание. Оно вызвало горячий отклик во всей стране и явилось толчком для новых революционных выступлений рабочего класса во всех промышленных центрах Королевства Польского. На поддержку лодзинских повстанцев одними из первых выступили рабочие Варшавы. 11 (24) июня в Варшаве началась забастовка солидарности с лодзинскими повстанцами, в ходе которой состоялись уличные демонстрации, а в отдельных районах были сооружены баррикады.

Вооруженное восстание лодзинского пролетариата нашло широкий отклик среди рабочих в Ченстохове, в Сосновце, в Пабяницах, в Белостоке и в других польских районах. По всему Королевству Польскому в знак солидарности с пролетариатом Лодзи проходили политические забастовки и демонстрации.

Чувства революционной солидарности с лодзинскими рабочими выражали пролетарии Петербурга и Москвы. Петербургский и Московский ко-

митеты РСДРП обратились к рабочим со специальными прокламациями, в которых поддерживали лодзинских рабочих и призвали пролетариат Петербурга и Москвы к усилению борьбы против самодержавия. Вслед за петербургскими и московскими рабочими в поддержку лодзинских рабочих выступили местные организации РСДРП: Украины, Белоруссии, Самары, Воронежа, Риги, Саратова, Баку и др.

Так, в листовке Екатеринославского комитета РСДРП, изданной в конце июня 1905 г., говорилось: «Товарищи! Когда рабочие Лодзи истекали кровью в борьбе с душившим их произволом царской опричнины, когда сорок тысяч иваново-вознесенцев поднялись как один человек на борьбу с хозяйской эксплуатацией... могли ли мы молчать? Могли ли мы остаться в стороне? Нет! Мы понимали, что интересы рабочих всей России одни и те же, и все под красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии по первому ее призыву присоединили свой голос к голосу всей рабочей России, объявив общую политическую забастовку»⁸.

Братское сочувствие и чувства интернациональной солидарности с лодзинскими рабочими выражали пролетарии ряда европейских стран. Немецкая социал-демократическая газета «Форвертс» («Вперед») в статье «Уличные бои в Лодзи» подчеркивала мужество и героизм лодзинских повстанцев, которые смело бросили вызов самодержавию. «Не щадя своей жизни, — отмечала газета, — пролетариат выступил за свою свободу и честь».

Венгерская рабочая газета «Непсава» («Голос народа») писала в связи с событиями в Лодзи: «Со времени кровопролития 21 июня (в Лодзи) революция захватывает с собой и несет вперед пролетариат с несокрушимой энергией. Весь мир, затаив дыхание, следит за событиями... Царская власть в России... с удвоенным зверством набрасывается на революцию.. потому что ее распространение может оказаться гибельным для власти тирании...

Однако революция героически защищается, и имеется полное основание полагать, что в этой огромной борьбе победителем выйдет пролетариат».

Восстание лодзинских рабочих было подавлено. Однако рабочий класс Польши под руководством СДКПил продолжал борьбу против царизма и гнета капитала. В свете ленинских работ автор определил историческое значение Лодзинского восстания.

Положительно оценивая книгу И. А. Хренова, хотелось бы высказать автору несколько пожеланий. При дальнейшей работе над этой проблемой желательно было бы более обстоятельно осветить ход восстания, участие рядовых членов ППС в революционном движении и отклики крестьян на Лодзинское восстание.

С. М. Антонюк

⁸ «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. I, М., 1956, стр. 800.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

15 июля 1960 г. наша страна отметила славную победу под Грюнвальдом. Эту знаменательную дату широко праздновал и братский польский народ, связанный с советским народом близостью исторических судеб, совместной борьбой за торжество великого дела строительства социализма и коммунизма.

550 лет назад на Грюнвальдском поле совместно польские, русские, литовские, украинские, белорусские и чешские воины нанесли сокрушительное поражение кровавому Тевтонскому ордену. Эта битва имеет важное значение для славянских народов Восточной Европы, постоянно является символом победоносной национально-освободительной борьбы объединенных славян против иноземной агрессии. Выступая на митинге в Щицине 17 июля 1959 г., Председатель Совета Министров СССР, Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев указал, что «Грюнвальд навсегда останется в памяти народов, как пример не только мужественного сопротивления иноземным захватчикам, но и того, что путь к победе над захватчиком — в единстве народов, которым он угрожает».

Этому знаменательному событию 7 июля 1960 г. в Институте славяноведения Академии наук СССР было посвящено расширенное заседание Ученого совета. С докладом «Историческое значение Грюнвальдской битвы» выступил кандидат исторических наук В. Д. Корольук¹. Остановившись подробно на ходе битв, докладчик показал огромное значение этой победы над тевтонским рыцарством для славянских народов Восточной Европы, которые вели тяжелую борьбу против иноземной агрессии.

«Историческое значение Грюнвальдской победы определялось теми конкретными условиями развития, — сказал докладчик, — в которых находились в то время славянские народы и Великое княжество Литовское. Судьба последнего была теснейшим образом связана с судьбой его славянских соседей, особенно если учесть, что и по размеру занимаемой территории, и по своей численности, и, наконец, по уровню развития материальной и духовной культуры славянские подданные великого князя литовского — белорусы, русские, украинцы — составляли основную силу его государства».

Важной, определяющей чертой исторического развития народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIV—XV вв. являлось то обстоятельство, что оно происходило в условиях жестокой борьбы с иноземной агрессией. Для южнославянских земель главную угрозу таила в себе агрессия на Балканы турецких феодалов, для восточнославянских народов — русских, украинцев и белорусов — врагом № 1 были татаро-монгольские завоеватели, навязавшие русскому народу кровавое и

¹ Доклад опубликован в «Кратких сообщениях Института славяноведения», вып. 32, М., 1961.

¹⁰ Краткие сообщения, вып. 31

бессмысленное ярмо рабства. Для западных славян такую же смертельную угрозу представляла собой германская феодальная агрессия, пресловутый *Drang nach Osten* германских феодалов. Этот «натиск на Восток», представлял огромную опасность и для части восточного славянства — северо-западных русских земель, Белоруссии и даже Украины, а также для литовского народа и народов Прибалтики. Иноземная агрессия поэтому и была важнейшим фактором, который обуславливал те первоочередные задачи, которые объективно встали в то время перед народами Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. От решения этих задач зависело не только их настоящее, но и далекое будущее.

Грюнвальдское сражение стоит в одном ряду и во взаимосвязи с такими выдающимися событиями, как Куликовская битва и гуситские революционные войны. Если для успеха под Грюнвальдом победа русского оружия на Куликовском поле сыграла важную роль, то в свою очередь Грюнвальд оказал большое влияние на подъем революционной борьбы чешского народа за свое национальное освобождение. «Разгром Тевтонского ордена, — сказал докладчик, — отозвался гулким эхом в чешских землях, вселил веру в успех в сердца сражающихся гуситов...

Те, кто стоял во главе революционного, освободительного движения в Чехии, восприняли Грюнвальд как свой триумф, как победу общего дела, как разгром общего врага. Ян Гус немедленно откликнулся на известия о Грюнвальде письмом к королю Владиславу Ягайло: «где ныне два меча ваших противников? Воистину они сотрены своими же мечами, при помощи которых покушались поработить смиренных»².

Именно в силу тех обстоятельств, что Грюнвальдская битва оказывается теснейшим образом связанной с прогрессивными освободительными движениями своего времени и является важнейшим звеном в цепи событий, способствовавших культурному, экономическому и политическому подъему народов Восточной Европы, их национальному прогрессу — память о ней так свято хранится в национальной традиции славянских народов и народа Литвы. В их историю она вошла как символ мужества и героизма в борьбе за родную землю, за правое дело против иноземных захватчиков, как символы единения сил разных народов в борьбе против общего врага — агрессора.

Грюнвальдская битва на протяжении веков хранится в светлой памяти народов. Она нашла яркое отражение в устном народном творчестве. в хрониках современников: «Хронике Яна Длугоша», анонимного автора «Хроники великой войны». Борьбе польского народа против иноземной агрессии был посвящен доклад кандидата филологических наук И. К. Горского: «Тема борьбы польского народа против германской агрессии в польской художественной литературе». Докладчик отметил, что «необходимость сдерживать агрессивные поползновения германских захватчиков возникла перед Польским государством уже с самого начала его зарождения и не перестает быть актуальной, жизненно важной задачей, вплоть до наших дней». Он подчеркнул, что ввиду оживления реваншистских настроений в Западной Германии, эта задача сегодня приобретает особую политическую остроту. Неустанная борьба против агрессии господствующих классов Германии наложила свой отпечаток на процесс формирования польской нации и выявление лучших черт польского национального характера: готовности к самоотверженной защите свободы и независимости родины, ее культурных ценностей и принципов гуманизма. Этим и определяется то огромное идейно-воспитательное значение,

² «Послания магистра Иоанна Гуса», М., 1903, стр. 53—54.

какое приобрела в польской классической литературе тема борьбы с немецкой экспансией.

В эпоху средневековья борьба против экспансии немецких феодалов находила свое отражение главным образом в произведениях устного народного творчества и в хрониках. Начиная с Яна Кохановского, родоначальника оригинальной польской поэзии и одного из крупнейших славянских поэтов XVI в. вообще, эта тема является постоянной для польской художественной литературы. Поэма Кохановского «Знамя или прусский лен», увековечившая сцену вассальной присяги прусского герцога Альбрехта Фридриха на верность Речи Посполитой, замечательна не только поэтическим изложением важнейших моментов истории борьбы против крестоносцев, завершившейся исчезновением агрессивного Тевтонского ордена, но и предсказанием славной будущности великой семьи славянских народов: русских, поляков, украинцев, белорусов, чехов, словаков, болгар и др. Эта тема борьбы с германской агрессией красной нитью проходит и через литературу польского романтизма. В данном отношении чрезвычайно показательны знаменитые поэмы «Гражина» и «Конрад Валленрод» Адама Мицкевича, пьеса «Миндовг» Юлиуса Словацкого.

Общность исторических судеб польского и литовского народов помогла Мицкевичу придать политической актуальность «Гражине», содержание которой составляет конфликт между князем Литавором, замыслившим воспользоваться помощью крестоносцев в междоусобной войне с князем Витовтом, и приближенными Литавора, стремившимися к объединению всех литовцев для отпора Тевтонскому ордену. Идейный смысл ярко раскрывается в эпилоге, где выражается чувство признательности литовского народа своей героине, которая, предпочтя воле супруга патриотический долг литвинки, встретила тевтонских рыцарей с оружием в руках и пала в битве за честь и свободу отчизны. Ярким, запоминающимся создан поэтом и образ Конрада Валленрода, самоотверженного патриота, незнающего преград в своем стремлении спасти отечество от страшной угрозы иноземного порабощения. Несмотря на свой столь юный возраст, он понимает, что его хотят онемечить. Запомнившийся с детства дупераздирающий крик его матери, убитой крестоносцами, помогает ему находить в себе силы для борьбы. Он понимает, что ему надо притворяться и обманывать, чтобы не подчиниться воле врагов и не быть братоубийцей. Став магистром Тевтонского ордена, он наносит ему сокрушительный коварный удар, чтобы избавить свою родину Литву от агрессии немецких феодалов. В ином, но не менее ярком плане, раскрывается эта тема и в пьесе «Миндовг». Тема борьбы против германской феодально-католической экспансии здесь приобретает и антиклерикальный характер. Присланный папой римским для коронации литовского князя Миндовга, крестоносец Гейнрих обещает князю за верность католической церкви отпустить любой грех, даже жестокое подавление своего народа. Папский легат ведет против Миндовга двуличную игру, стремясь усыпить его бдительность, чтобы этим вернее помочь Тевтонскому ордену в захвате литовских земель. Хитрая дипломатическая политика Миндовга, рассчитанная на обман и крестоносцев и папства, не дает князю желаемого результата; — эта политика не находит понимания и поддержки и у его подданных. Ю. Словацкий показывает, что угнетенный князем литовский народ с недоверием относился к своему господину, а в его мнимом примирении он видел доказательство нового, еще более чудовищного преступления перед отечеством. Оставшись в одиночестве, Миндовг становится жертвой собственной тирании, погибает под тяжестью злодеяний, совершенных во имя самовластия.

Традиционная политика прусского правительства, направленная на германизацию польских земель, подавление польской культуры и насильственное онемечивание, приняла особенно свирепый характер во времена Бисмарка. Виднейшие польские писатели второй половины XIX в. ответили на антипольские мероприятия немецких агрессоров созданием ряда обличительных произведений, призывавших польский народ к активному сопротивлению прусской колонизации. Инициатором этого патриотического выступления в польской литературе явился известный романист Юзеф Игнаций Крашевский (романы «Крестоносцы», «Кунигас»). Начинания Крашевского были продолжены талантливыми польскими писателями-реалистами Генрихом Сенкевичем, Болеславом Прусом, Марией Конопницкой.

Гневным обвинением против прусских колонизаторов прозвучала новелла Сенкевича «Из дневника познанского учителя», повествующая о трагической гибели мальчика, замученного муштрой в казенной немецкой школе, повесть «Бартек-победитель», рассказывающая о гнусной травле и судебном преследовании со стороны немецких властей польского крестьянина Бартека, несмотря на то, что он был героем Седана и воевал против французов в рядах немецких войск.

Ярким протестом против германской колонизации является роман Пруса «Форпост». В нем автор нарисовал реалистическую картину труда и жизни польских крестьян под немецким владычеством, показал борьбу польского крестьянина против насильственной иноземной колонизации.

Сильным гневным обличением наполнены произведения пламенной польской патриотки Марии Конопницкой: рассказ «Глухой Франек», стихи «О вжесне», «К границе», «Ходили тут немцы», в которых поэтесса выступает против германской экспансии. Страстным призывом к отпору немецким насильникам проникнуты волнующие строки ее знаменитой «Присяги», ставшей в годы гитлеровской оккупации вторым гимном Польши, слова которого в устах польских антифашистских борцов звучали как клятва в верности своей отчизне:

Держать мы будем Польши стяг,
Пока последний час не грянет,
Пока не рухнет мертвым враг
И крестоносных орд не станет.

Генрих Сенкевич в своем романе «Крестоносцы» показывает необходимость самой беспощадной борьбы с германской экспансией. Произведение заканчивается яркой картиной разгрома агрессивных полчищ Тевтонского ордена под Грюнвальдом и Танненбергом. Интересно отметить, что в мастерски нарисованных образах крестоносцев ярко видно разительное сходство между изуверством немецких средневековых феодалов и их преемниками — гитлеровскими фашистами. Видимо, не случайно гитлеровцы, предав сожжению «Крестоносцев» и «Бартека-победителя», добились от профашистских правителей буржуазно-помещичьей Польши запрещения этих произведений и в родной стране писателя.

Могучим орудием борьбы против фашизма, гитлеровской агрессии явились произведения прогрессивных польских поэтов и писателей В. Броневского, Л. Шенвальда, Ю. Тувима, М. Домбровской, Е. Пуತ್ರмента, Л. Стаффа, С. Налковской, В. Жукровского.

Передовая польская поэзия периода второй мировой войны воодушевляла польский народ на стойкую борьбу против гитлеровских оккупантов.

В послевоенные годы появилось множество произведений в польской литературе, рассказывающих о героической борьбе польского народа

против немецких захватчиков, о пережитых ужасах в гитлеровских лагерях смерти, разоблачающих звериную сущность гитлеровских убийц и т. д. (С. Налковская «Медальоны», Л. Кручковский «Немцы» и др.). Интересно отметить, что в ряде послевоенных произведений, особенно в пьесе Л. Кручковского «Немцы», красной нитью проходит мысль о прочной польско-немецкой дружбе рядовых борцов-антифашистов. В этом ярко выражается единство трудящихся Германской Демократической Республики и Польской Народной Республики, их стремление к укреплению братской дружбы, прочные основы которой были заложены многолетней совместной борьбой немецкого и польского пролетариата.

Перед собравшимися с краткой речью выступил чрезвычайный и полномочный посол Польской Народной Республики в СССР Болеслав Ящук. Подчеркнув большое значение объединения славянских сил в их борьбе против крестоносцев, он отметил, что Грюнвальдская битва была не просто военным сражением, а сражением между двумя мировоззрениями, между принципом защиты свободы и принципом защиты неравенства и несправедливости. Тот, кто исторически объективно оценивает Грюнвальд, сказал он, несомненно придет к выводу о важности объединения славянских сил против крестоносцев, а также и того, что, когда центральная государственная власть в Польше была сильной, тогда увеличивалась мощь Польского государства. Только с 1944 г., после победы Советского Союза над фашистскими полчищами, после установления народной власти, впервые пролетарской власти, в государстве возникли условия для прочности этой власти: потому что сильная государственная власть опирается не только на материальные факторы, но и, как определил В. И. Ленин, на сознание масс. Польша — теперь одно из звеньев социалистического лагеря — вступает во второе тысячелетие своего существования такой сильной, как никогда. В заключение Б. Ящук отметил, что Грюнвальдская битва имеет большое значение и для наших дней, для крепнущих сердечных и дружественных отношений между народами Советского Союза и Польской Народной Республики.

Н. П. Бобрик

ПЕРВОЕ КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

24—27 января 1961 г. в Москве состоялось координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, созванное Институтом славяноведения Академии наук СССР. В работе совещания приняли участие слависты-историки, литературоведы, лингвисты, археологи, этнографы, искусствоведы 39 научно-исследовательских институтов и учреждений Академии наук СССР, Академии наук Украинской, Белорусской, Литовской, Армянской союзных республик и других ведомств, 19 университетов и 19 педагогических институтов, а также 25 центральных издательств, журналов, библиотек и других учреждений. 516 научных работников из 36 городов Советского Союза — Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Еревана, Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе, Кишинева, Харькова, Львова, Воронежа, Одессы, Черновца, Ужгорода, Саратова, Тарту, Свердловска, Владивостока, Грозного, Запорожья, Тобольска, Архангельска, Сталино, Дрогобыча, Тамбова, Житомира, Пензы, Ярославля, Мурманска, Кирова, и других собрались для того, чтобы обменяться информацией о главных достижениях в разработке проблем славяноведения, определить основные направле-

ния дальнейшего развития научных исследований в области истории, языков, литературы, истории культуры славянских народов, межславянских исторических и культурных связей, наметить наиболее важные, первоочередные проблемы, на решение которых необходимо направить творческие усилия советских ученых-славистов в ближайшие годы, а также согласовать вопросы о формах координации научной работы в области славяноведения и установления делового сотрудничества между учеными-славистами в масштабах всей страны.

Работа совещания проходила на пленарных, межсекционном и секционных заседаниях. Пленарное заседание 24 января открыл кратким вступительным словом председатель Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения академик Е. М. Жуков. По вопросу о состоянии и основных задачах советского славяноведения и координации славистических исследований выступили с докладом директор Института славяноведения АН СССР кандидат исторических наук И. И. Удальцов, с сообщениями академик Белорусской Академии наук П. Ф. Глебо, вице-президент Академии наук Литовской ССР академик Ю. И. Жюжда, директор Института истории АН СССР член-корр. АН СССР В. М. Хвостов, директор Института истории АН Украинской ССР А. К. Касименко, директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков, член-корр. АН СССР Лихачев, член-корр. АН СССР Д. Д. Благой и ряд других ученых страны. Председатель Советского комитета славистов, академик В. В. Виноградов сделал доклад «О подготовке к V Международному съезду славистов». На пленарном заседании были заслушаны также информации издательств и библиотек о выпуске литературы и библиографических изданий по вопросам истории, культуры и языкам зарубежных славянских народов.

На пленарном и межсекционном заседаниях и заседаниях секций: исторической, литературоведения и фольклористики, лингвистической было заслушано 175 докладов и выступлений. Все выступавшие единогласно подчеркивали необходимость и полезность настоящего совещания. Они отмечали, что за последние годы достигнуты определенные успехи в решении ряда важных научных проблем истории, истории культуры зарубежных славянских народов, славянского языкознания, что дальнейшее успешное развитие славяноведения невозможно без планирования и координации работ славистов в масштабе всей страны.

Во время обсуждения были намечены главные направления исследований, определены основные задачи и формы координации изучения в СССР проблем славяноведения. В единогласно принятой резолюции участники совещания отметили, что славяноведческая наука является важным участком общественных наук, призванных активно участвовать в строительстве коммунизма в нашей стране, в коммунистическом воспитании масс. «Силы советских ученых-славистов должны быть объединены, — говорится в резолюции, — вокруг главных, актуальных в научном и политическом отношениях проблем». Исходя из указаний ЦК КПСС по идеологическим вопросам и программных положений Заявления Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий, участники координационного совещания считают, что в центре внимания советских славистов должна быть разработка проблем социалистического строительства в европейских странах народной демократии, изучение процессов создания социалистической культуры, возникновения и развития социалистических наций, складывания и укрепления мировой системы социализма. Важной задачей общественных наук, в том числе и славяноведения, является идеологическая борьба

против всех проявлений ревизионизма, оппортунизма и национализма. Одной из первоочередных задач советских славяноведов является разоблачение югославской разновидности международного оппортунизма.

Важными и актуальными проблемами славяноведения, которые также должны разрабатываться в первую очередь, совещанием признаны.

В области истории и истории культуры: 1. История рабочего и крестьянского революционного и национально-освободительного движения, история коммунистических партий, история прогрессивной общественной мысли славянских народов. 2. История межславянских связей, прежде всего революционных связей. 3. История славяно-германских отношений и связей. 4. Генезис капитализма, у южных и западных славян. 5. Вопросы славянского этногенеза и образование славянских государств и генезиса феодализма у славян.

Важной задачей историков-славистов является борьба против идеологии германского реваншизма, разоблачение антиславянской политики империалистических держав и Ватикана.

В области истории славянских литератур и фольклора славянских народов: 1. Теория и история социалистического реализма. 2. Развитие критического реализма в славянских странах и его соотношение с другими творческими методами на разных исторических этапах. 3. Взаимосвязи славянских литератур между собой и с другими национальными литературами. 4. Развитие устного поэтического творчества славянских народов. Вопросы его периодизации, истории жанров. Разработка этих проблем должна вестись под знаком решительной борьбы против буржуазной идеологии, против ревизионизма и модернизма в эстетике и литературной критике.

В области славянского языкознания: 1. Изучение славянских языков и исторических связей между ними. 2. Сравнительная грамматика славянских языков. 3. Структурная типология славянских языков. Описание фонологических систем. Широкое статистическое обследование славянских языков. 4. Составление общеславянского и региональных лингвистических атласов. 5. Исследования в области балто-славянских, славяно-германских, славяно-романских и славяно-тюркских языковых связей. 6. Топонимические и этимологические изучения на материале славянских языков в связи с разработкой вопросов славянского этногенеза. 7. Становление и развитие славянских литературных языков.

Работа в области указанных выше направлений требует объединенных усилий историков, лингвистов, литературоведов, этнографов, специалистов других общественных наук. Это в полной мере соответствует уже определившемуся облику советского славяноведения как комплексной науки.

Совещание признало необходимым в рамках указанных главных направлений сосредоточить внимание на исследованиях 23 конкретных проблем и предложило выделить для организации работы по этим проблемам 23 головных института.

Совещание обратило внимание на создавшееся отставание исследовательской работы в области комплексного изучения истории культуры славянских народов. Значение этой области славяноведения огромно. Она показывает выдающийся вклад славянских народов в развитие мировой культуры, помогает разоблачать буржуазных фальсификаторов, стремящихся исказить и принизить роль славянских народов в истории мировой культуры. В заключительном слове академик Е. М. Жуков подчеркнул, что наши идеологические противники всячески стремятся преуменьшить и отрицать значение культуры славянских народов, показать ее как

«второсортную». Е. М. Жуков отметил, что, когда речь идет об истории культуры в славянских странах, нельзя ограничиваться только тем, чтобы доказывать ее самобытность «нужно идти вперед, в наступление». Мы должны доказывать, что именно славянская культура внесла передовые прогрессивные идеи, внесла свой революционный вклад в мировую прогресс, мировую культуру; необходимо показывать, как именно славянские народы воздействовали своей культурой на мировую культуру. Совещание рекомендовало Объединенному научному совету по координации научно-исследовательской работы в области славяноведения, Институту славяноведения и Институту истории искусств Академии наук СССР, всем научным учреждениям — участникам совещания — принять меры для развития научных исследований по истории культуры славянских народов.

Совещание обратило внимание на необходимость усиления подготовки к V Международному конгрессу славистов, который состоится в 1963 г. в Софии. Было предложено всем институтам и научным учреждениям, разрабатывающим проблемы славяноведения, в двухмесячный срок представить Советскому комитету славистов конкретные предложения по тематике V Международного съезда славистов.

Совещание признало, что дальнейшему развитию советского славяноведения и координации научно-исследовательских работ в этой области способствовало бы издание специального славистического журнала и реферативного бюллетеня по славяноведческим дисциплинам.

Учитывая большой положительный опыт настоящего совещания, его участники признали необходимым и впредь по мере надобности проводить подобного рода совещания как общие, так и отдельные.

Совещание просило Институт славяноведения АН СССР издать материалы координационного совещания *.

Н. П. Бобрик

* Материалы координационного совещания по актуальным вопросам славяноведения будут опубликованы в 33—34 выпусках «Кратких сообщений Института славяноведения АН СССР». Заказы на эти номера «сообщений» можно направлять по адресу: Москва, К—12, Б. Черкасский пер., д. 2/10, контора «Академкнига».

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ *

Военным издательством выпущена новая книга, посвященная боевым действиям Красной Армии по освобождению Югославии от немецко-фашистских оккупантов и их сообщников. В ее написании принимали участие Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, полковники Т. П. Лесняк, М. М. Малахов, П. Г. Рак, А. Н. Ратников, генерал-полковник М. Н. Шарохин, генерал-майор авиации М. Т. Чернышев и авторы воспоминаний.

Книга состоит из двух частей. В первой — «Военно-исторический очерк боевых действий советских Вооруженных Сил на Балканах», — освещаются наступательные операции Красной Армии на балканском направлении, влияние их на развертывание национально-освободительной борьбы в странах Юго-Восточной Европы, совместные боевые действия советских, югославских, болгарских, румынских и албанских войск против гитлеровских армий.

В первой главе этой части — «Наступление войск Красной Армии на балканском направлении в августе—сентябре 1944 г.» — характеризуется военно-политическая обстановка на южном фланге советско-германского фронта летом 1944 г., освещается национально-освободительное движение, которое развернулось в Болгарии и Румынии под руководством коммунистических партий этих стран с первых дней нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, подробно рассказывается о Ясско-Кишиневской наступательной операции советских войск в августе-сентябре 1944 г., завершившейся разгромом крупных сил немецко-фашистских войск, прикрывавших путь на Балканы, и освобождением при активном содействии румынских и болгарских патриотов Румынии и Болгарии от фашистского ига. Как подчеркивают авторы книги, Ясско-Кишиневская наступательная операция явилась «одной из крупнейших и важнейших по своим итогам операций Великой Отечественной войны» (стр. 36).

В следующей главе — «Национально-освободительная борьба народов Югославии» — рассматривается антифашистское движение югославских народов в годы второй мировой войны, военная и политическая обстановка, сложившаяся в Югославии в результате вторжения на ее территорию гитлеровских войск, показывается развертывание в Югославии с началом Великой Отечественной войны массового национально-освободительного движения, отмечается то огромное влияние, оказанное на действия народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии победами Красной Армии в Румынии и Болгарии и приближением советских войск к границам Югославии. В главе обстоятельно раскрывается решающее

* «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии», М., 1960, 247 стр.

значение победоносных боевых операций советских войск для борьбы народов Югославии за свое освобождение от фашистской оккупации. Значительное место уделено материальной помощи, какую оказывал СССР югославским воинам. Для изыскания путей и способов оказания всех видов помощи народно-освободительной армии Югославии в конце 1943 г. Советское правительство решило послать в Верховный штаб НОАЮ советскую военную миссию, которая прибыла на освобожденную территорию Югославии в феврале 1944 г. В книге приводятся конкретные данные о той огромной материальной помощи, какую Советский Союз оказал югославским бойцам и партизанам в виде вооружения, снаряжения, боеприпасов, продовольствия, медикаментов, различных медицинских материалов, вещевого довольствия и других видов материального снабжения. Советское правительство помогало также югославскому командованию в формировании воинских соединений, в организации медицинской помощи бойцам и партизанам Югославии и т. д. В главе также рассказывается о бескорыстной помощи Советского Союза гражданскому населению освобожденных районов Югославии.

Боевым действиям по освобождению Югославии осенью 1944 г. посвящена глава «Наступление советских войск в Югославии и освобождение восточных районов страны и Белграда». В главе подробно освещается подготовка и ход Белградской наступательной операции, которая была осуществлена советскими войсками, явившимися главной ударной силой, в тесном и непрерывном взаимодействии с частями народно-освободительной армии Югославии. В результате операции была разгромлена крупная группировка немецко-фашистских войск, освобождена восточная часть Югославии и ее столица Белград — важнейший стратегический узел в центре Балканского полуострова. В главе раскрывается боевое сотрудничество советских, югославских, болгарских и румынских войск в ходе освобождения Югославии, решающая роль Красной Армии в разгроме немецко-фашистских захватчиков на югославской территории.

О Дебреценской, Будапештской, Венской наступательных и Балатонской оборонительной операциях советских войск в октябре 1944 г. — апреле 1945 г. рассказывается в последней, четвертой главе первой части — «Наступление советских войск на будапештском и венском направлениях». Здесь ярко показано большое военно-политическое значение военных побед Красной Армии в Венгрии и восточной части Австрии для завершения полного разгрома южного фланга фронта гитлеровских войск и ликвидации немецко-фашистской оккупации в Венгрии и Австрии. В борьбе за освобождение Венгрии принимали также участие болгарские и румынские части. Благодаря этим победоносным боевым действиям Красной Армии, а также полному разгрому советскими войсками фашистской Германии были созданы условия для завершения освобождения всей территории Югославии войсками НОАЮ.

Вторая часть книги — «Из воспоминаний участников боевых действий по освобождению народов Югославии» — содержит воспоминания участников операций в Югославии. Непосредственные свидетели боевых действий по освобождению Югославии от фашистского ига рассказывают о борьбе советских войск на различных направлениях в ходе Белградской операции, о большой роли советской артиллерии и авиации в боях за освобождение Югославии, об активном участии в боевых действиях на территории этой страны Дунайской военной флотилии, о боевой дружбе и тесном взаимодействии советских и югославских войск, о разносторонней помощи советского народа народам Югославии: о вывозе раненых югославских воинов, о спасении маршала Тито и основного состава Верхов-

ного штаба НОАЮ во время высадки фашистского десанта в Дрваре весной 1944 г., о подготовке летно-технического состава для югославских военно-воздушных сил, об организации и формировании ВВС Югославии, об обучении специалистов для артиллерийских подразделений, о восстановлении моста через Дунай в Белграде и т. д.

Авторы воспоминаний говорят о мужестве и героизме советских бойцов, проявленных в ходе освобождения Югославии, о теплом и радужном приеме населения югославских сел и городов советских воинов, о деятельности советской военной миссии, о боевой работе личного состава советской авиабазы в Бари и т. д.

Книга имеет ряд иллюстраций и карт о наступлении советских войск на балканском направлении.

И. И. Лециловская

ЕЖЕГОДНИК ИТАЛЬЯНСКИХ СЛАВИСТОВ

«Ricerche slavistiche» («Славянские исследования») — так называется выходящий в Риме с 1952 г. ежегодник крупнейших славистических центров Италии: Института славянской филологии при Римском университете, Института по изучению Восточной Европы (Рим) и Славянского семинара Института восточных языков при Неапольском университете. Издание возглавляет крупнейший итальянский славист Д. Мавер. Редакция состоит из видных итальянских славистов: Э. Дамиани, Э. Ло Гатто, Л. Пачини. После смерти Э. Дамиани секретарем ее редакции стал молодой славист Р. Пиккио.

В «Славянских исследованиях» представлены три раздела:

1. Доклады и статьи, 2. Рецензии, 3. Сообщения.

В первом, наиболее обширном разделе помещаются работы итальянских и зарубежных славистов. В ежегоднике сотрудничают такие видные итальянские слависты, как М. Берсано-Бегей (специализация — польская литература и культура, а также итало-польские связи), Э. Гаспарини (славянская этнография), А. Крония (сербская и хорватская литература, проблемы языка южных славян), Д. Мавер (польская литература, далматинская диалектология и т. д.), Р. Пиккио (история общественной мысли славянских народов, очерки историко-филологического характера). Из числа помещенных в «Славянских исследованиях» статей зарубежных ученых большинство составляют работы филологов славянских стран (И. Петканова, М. Деановича, Н. Дончева, Й. Бадалича и др.).

В ежегоднике большое внимание уделяется литературе и истории прошлого славянских стран, в том числе и России (статьи Э. Ло Гатто, Л. Пачини, Л. Ганчиков), идеологическому и культурному движению славянских народов, этнографии, истории религии. Привлекают внимание читателя глубиной и оригинальностью анализа исследования вновь открытых древних славянских памятников К. Вердиани («Далматинско-Лауренцианский кодекс»¹, «Неизданные стихи и проза М. Марулича»² и т. д.).

Из литературоведческой тематики интерес представляют статьи по славянской народной поэзии: Г. Маран «Об итальянских влияниях в народной сербо-хорватской поэзии»³, Б. Мериджи «Рассуждения о некоторых характерных чертах чешской народной поэзии в сравнении с народной

¹ Т. V, 1957, стр. 29—141.

² Т. VI, 1958, стр. 119—150.

³ Т. IV, 1955—1956, стр. 88—109.

поэзией других славянских стран»⁴, И. Мархиори «Современная народная сербо-хорватская поэзия»⁵.

Значительное место в «Славянских исследованиях» отводится публикации неизданных источников. Уже увидели свет «Письма Марии Конопницкой к А. Бегей» со вступительной статьей М. Бегей⁶, «Римский автограф Мицкевича и другие неизданные документы»⁷, работа К. Джианелли о неизданных документах одной католической общины в южной Сербии XVI в. с приложением текстов⁸ и др.

Большое внимание в ежегоднике уделяется внутриславянским связям и связям Италии с Польшей и южными славянами. По этой тематике напечатаны статьи, обзоры и рецензии М. Берсано-Бегей: «Академия им. А. Мицкевича в Болонье и Т. Ленартович»⁹, «Новые исследования (1939—1949 гг.) культурных отношений между Италией и Польшей»¹⁰.

В следующем разделе рецензируются работы отечественных и зарубежных ученых (А. Вайяна, В. Энтвистла, А. Стендер-Петерсена, В. Прейснера, В. Виноградова и др.).

Ценный информационный материал дает последний раздел ежегодника, называемый «сигнальным», представленный во всех выпусках, за исключением третьего тома, в котором отсутствует и раздел рецензий. Здесь дается аннотированный перечень работ, вышедших в Италии и за рубежом в конце 40-х и в 50-х годах нашего века.

«Славянские исследования» помещают также заметки о выдающихся итальянских славистах, оставивших след в итальянской и мировой славистической науке. Так, т. III открывается статьей, посвященной Э. Дамиани, в приложении к которой дана библиография его трудов; в т. V опубликована статья памяти Л. Сальвини. В ряде выпусков приводятся отчеты о конференции славистов в Италии и за рубежом¹¹.

Отдельно остановимся на обзоре VI тома «Славянских исследований», вышедшего в 1958 г. Здесь представлены работы, которые были подготовлены специально для IV Международного съезда славистов, состоявшегося в Москве в сентябре 1958 г. Он открывается статьей известного итальянского этнографа Э. Гаспарини «Древнеславянский обряд вторичного погребения»¹². На основании данных материальной культуры Гаспарини отстаивает здесь свою точку зрения на погребение, как на общеславянский обряд в противовес соображениям польских и чешских ученых, которые считают древнейшим славянским обрядом трупосожжение. Признавая существование обряда трупосожжения у восточных и частично западных славян, Гаспарини относит его к поздним явлениям. По мнению Э. Гаспарини, обряд трупосожжения у восточных славян соответствует обряду вторичного погребения, получившему широкое распространение у южных славян.

Далее идут статьи из области славянской филологии. Б. Мериджи посвящает статью древним славянским этнонимам («Anti — Veleti»), делая попытку восстановить в ней этимологию двух названий славянских народов¹³.

⁴ Т. IV, 1955—1956, стр. 109—136.

⁵ Там же, стр. 136—147.

⁶ Т. III, 1954, стр. 293—300.

⁷ Т. IV, 1955—1956, стр. 3—7.

⁸ Т. II, 1953, стр. 29—60.

⁹ Т. IV, 1955—1956, стр. 31—47.

¹⁰ Т. I, 1952, стр. 186—192.

¹¹ Т. IV, 1955—1956.

¹² Т. VI, стр. 3—43.

¹³ Там же, стр. 84—96.

«Неизданные стихи и проза Марка Марулича»¹⁴ К. Вердиани — продолжение его же обширного труда «Далматинско-Лауренцианский кодекс» — представляет собой исследование древней хорватско-далматинской рукописи. Эта рукопись была найдена К. Вердиани в Медичео-Лауренцианской библиотеке во Флоренции, где она хранилась с 1884 г. Первые 120 страниц, по мысли автора, относятся к последним десятилетиям XV в., остальные — к более позднему времени. Содержание рукописи — жизнь святых, изложенная в прозе и стихах, а также различные рассуждения в прозе. Рукопись не имеет начала и конца, в ней нет указания на имя автора или переписчика. Анализируя рукопись, К. Вердиани пришел к предположению, что автором ее является Марко Марулич из Сплита, писавший на латинском и хорватском языках в XV—XVI вв. Ученый приводит ряд данных, подтверждающих его мнение, что это — юношеский труд М. Марулича.

В томе опубликованы две статьи Р. Пиккио: «Славяно-болгарская история» Паисия Хилендарского¹⁵, «Восточноевропейское предвозрождение» и «Новый подъем славянского православия»¹⁶.

В первой из них итальянский славист исследует проблему влияния трактата Цезаря Баронии «*Annales ecclesiastici*» на труд Паисия. Статья построена на сравнительном материале трех текстов (польского, русского и болгарского). Из исследования их Пиккио делает вывод, что, как с точки зрения использования источников, так и с точки зрения языка, «История» Паисия представляет собой мозаику.

Следующая статья Р. Пиккио «Восточноевропейское предвозрождение» и «Новый подъем славянского православия» представляет собой полемику с докладом Д. С. Лихачева, подготовленным к съезду, — «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»¹⁷. Если Д. С. Лихачев считает стиль так называемого «второго южнославянского влияния» «абстрагирующим», то итальянский славист придерживается мнения, что древнерусские писатели XVI в. стремились к «конкретизации» литературных форм. Рассматривая «второе южнославянское влияние» на общем фоне культурного движения Восточной Европы XIV—XV вв., Д. С. Лихачев определяет его как «восточноевропейское предвозрождение». В противовес ему Пиккио предлагает другую, едва ли удачную формулу «*Rinascita slava ortodossa*» («Возрождение, или новый подъем славянского православия»).

В ежегоднике напечатана также статья С. Кота «*Descriptio gentium*» польских поэтов XVII в. Она является дополнением к статьям, опубликованным в «Гарвардских славянских исследованиях»¹⁸ и «Оксфордских славистических записках»¹⁹, написанным на основе длительного изучения большого числа памятников и материалов, посвященных характеристике европейских народов. С. Кот публикует и исследует несколько новых польских и латинских текстов польских поэтов XVII в. Тексты были найдены в библиотеке костела Ремонстрантов в Роттердаме. Среди них сочинение «*Descriptio gentium quarundam Matthiae Sarbievii*», и польская переработка его же, сделанная Даниэлем Наборовским. Изучение последней дало С. Коту возможность установить, что автором «*Descriptio*» был М. Сарбиевский.

¹⁴ Там же, стр. 119—150.

¹⁵ Там же, стр. 103—119.

¹⁶ Там же, стр. 185—200.

¹⁷ «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958, стр. 68.

¹⁸ Т. II, стр. 181—211.

¹⁹ Т. VI, стр. 1—44; т. VII, стр. 99—118.

Статья Э. Ло Гатто и Л. Пачини Савой посвящены русской литературе. Статья Э. Ло Гатто «Формальная проблема Евгения Онегина А. С. Пушкина» поднимает проблему своеобразия лирических отступлений «Евгения Онегина». В статье Л. Пачини «Повесть о капитане Копейкине» делается попытка показать, что особое отношение к этой повести самого Гоголя объяснялось не только ее художественными достоинствами.

В разделе рецензий Д. Мавер рассматривает «Словарь диалектов далматинских районов»²⁰ Э. Розамани; Б. Мериджи рецензирует книгу французского слависта А. Гранжара, посвященную чешскому поэту Маху²¹.

В «сигнальном разделе» помещена библиография работ итальянских славистов, выпавших в Италии и за ее пределами в 1958 г. с аннотациями.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что ежегодник «Славянские исследования» является ведущим славистическим органом Италии. Он наиболее полно отражает современное состояние итальянской славистики, которая охватывает все более широкий круг проблем. К сожалению, на страницах «Славянских исследований» появляется слишком мало откликов на славистические работы, выходящие в славянских странах и, в частности, в Советском Союзе.

Н. А. Богомолова

²⁰ E. R o s a m a n i. Vocabolario giuliano dei dialetti parlati nella regione giuliano-dalmata. Bologna, 1958.

²¹ H. G r a n j a r d. Mácha et la renaissance nationale en Bohême. Paris, 1957, p. 127.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, А. Я. Манусевич, Г. М. Славин.</i> Ленин и образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах	3
<i>Д. Ф. Марков.</i> Ленинское учение о партийности литературы и становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран	50
<i>С. Г. Шаумян.</i> Философские идеи В. И. Ленина и развитие современного языкознания	69
<i>Н. И. Удальцов.</i> Решающая победа социализма в Чехословацкой социалистической республике	77

К V МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

<i>Акад. В. В. Виноградов.</i> Итоги IV Международного съезда славистов и дальнейшие перспективы работы Международного комитета славистов	93
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ю. Н. Александров.</i> Польша, Германия и граница Одер—Нейссе...	109
<i>Н. И. Удальцов.</i> Документы о советско-чехословацких отношениях во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.	117
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Новые книги по истории политической борьбы в Венгрии и Хорватии в начале XX в.	125
<i>С. М. Антонюк.</i> Книга о лодзинском восстании	129

ХРОНИКА

<i>Н. П. Вобрик.</i> Грюнвальдская битва	133
<i>Н. П. Вобрик.</i> Первое координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения	137

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Н. И. Лециловская.</i> Советская Армия в борьбе за освобождение народов Югославии	141
<i>Н. А. Вогомолва.</i> Ежегодник итальянских славистов	143

**Краткие сообщения Института славяноведения
вып. 31**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР*

Редактор издательства *Н. П. Бобрик*
Технический редактор *П. С. Кашина*

РИСО № 72—85 В. Сдано в набор 30 /XI 1960 г.
Подписано в печати 27/II 1961 г. Формат 70×108³/₁₆
Печ. л. 9¹/₄. Усл. печ. л. печ. л. 14,04 уч.-изд. л. 11,9
Тираж 1500 экз. Т-03410 Изд. № 5200 Тип. зак. № 1327
Цена 71 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

11.11.1961

11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961
11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961
11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961
11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961	11.11.1961